

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии РАН

**С ЗАБОТОЙ О ПЛАНЕТЕ.
К 160-летию со дня рождения
В.И. Вернадского**

коллективная монография

Под редакцией И.А. Герасимовой

Москва 2024

УДК 130.2
ББК 87.25
С56

*Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН*

Коллектив авторов

Л.Г. Антипенко, Т.А. Артамонова, И.А. Бирич, В.Г. Буданов, И.Н. Вольнов,
И.А. Герасимова, Н.В. Дмитриева, С.В. Занин, А.В. Иванов, М.А. Иванов, М.В. Клецкин,
А.А. Крушанов, Н.Н. Мурзин, И.В. Фотиева, М.Н. Чирятьев, О.В. Шимельфениг

Рецензенты

Г.Д. Левин, доктор философских наук
М.Е. Юдина, кандидат философских наук

С заботой о планете. К 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского: коллективная монография / Отв. ред. И.А. Герасимова/ Л.Г. Антипенко, Т.А. Артамонова, И.А. Бирич, В.Г. Буданов, И.Н. Вольнов, И.А. Герасимова, Н.В. Дмитриева, С.В. Занин, А.В. Иванов, М.А. Иванов, М.В. Клецкин, А.А. Крушанов, Н.Н. Мурзин, И.В. Фотиева, М.Н. Чирятьев, О.В. Шимельфениг.-Курск: Изд-во ЗАО Университетская книга, 2024. – 266 с.

ISBN 978-5-907884-06-9

«С заботой о планете» – так назывался Круглый стол, посвященный философским идеям Владимира Ивановича Вернадского. Круглый стол состоялся в рамках Третьих Степинских чтений (20–21 июня 2023 года, Институт философии РАН, Москва). Фокусом внимания участников дискуссии стал вопрос о человечестве как «геологической силе» и особой роли в глобальных процессах творческой энергии научной мысли. Настоящая книга написана по итогам прошедшей дискуссии. Тематику книги отличает новое прочтение учения Вернадского о переходе биосферы в ноосферу на фоне реалий системного кризиса и поисков путей гармоничного развития. Актуальны размышления Вернадского – ученого-естественника, историка науки, философа, организатора науки, о коэволюции науки, общества, культуры, о всемирной истории, о науке и войне, об ученом ноосферного типа и космическом будущем человечества. Новые интерпретации понятия ноосферы даются в контексте философии мысли. Идея синтеза легла в основу выдвигаемых авторами гипотез и универсальных методологий.

Книга предназначена для специалистов по истории и философии науки, социальной философии науки, философии научного творчества, междисциплинарным проблемам современной науки, а также широкого круга читателей, интересующихся реалиями настоящего и перспективами науки будущего.

ISBN 978-5-907884-06-9

УДК 130.2
ББК 87.25

© Институт философии РАН, 2024
© Оформление ЗАО «Университетская книга», 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>И.А. Герасимова</i> Готово ли человечество стать “геологической силой”? ..	4
Глава 1. Планетарно-космические идеи В.И. Вернадского в пространствах философии и науки	14
<i>И.А. Бирич</i> Звезда В.И. Вернадского в плеяде русских космистов	14
<i>С.В. Занин</i> В.И. Вернадский и историческая наука XX века	26
<i>И.А. Герасимова</i> В.И. Вернадский и В.С. Степин о культуре науки	42
<i>М.А. Иванов</i> В.И. Вернадский о войне, науке и прогрессе	56
Глава 2. Философия мысли о ноосфере и новой научной картине мира	68
<i>А.В. Иванов</i> Философия мысли: ключевые тезисы и гипотезы	68
<i>И.В. Фотиева</i> Проблема природы мысли в наследии В.И. Вернадского.	84
<i>М.Н. Чирятьев</i> Роль индийской мудрости в создании В.И. Вернадским новой научной картины мира	98
<i>Н.Н. Мурзин</i> Человек как универсальный образ разумной жизни	119
<i>Т.А. Артамонова</i> Феномены аграрных культов: ноосферный подход ..	136
Глава 3. Гипотезы, модели, перспективы	154
<i>Н.В. Дмитриева</i> Жизнь на Земле – космическое чудо или закономерность?	154
<i>В.Г. Буданов</i> Космопланетарные связи и принципы гармонии	159
<i>М.В. Клёцкин</i> Натурфилософские основания интерпретации квантовой механики	172
<i>О.В. Шимельфениг</i> Сюжетно-игровая парадигма как продолжение отечественных научно-философских инноваций	190
<i>И.Н. Вольнов</i> Синтез сферного подхода В.И. Вернадского	206
<i>Л.Г. Антипенко</i> Сравнительный анализ научных и мистических предвидений В.И. Вернадского о грядущей стадии развития мирового человечества во взаимоотношении с земной биосферой	226
<i>А.А. Крушанов</i> Может ли наша «геологическая сила» ограничиться Землей?	238
Сведения об авторах	252
Abstracts	254

Предисловие

И.А. Герасимова

Готово ли человечество стать “геологической силой”?

21 июня 2023 года в канун особого события в жизни Земли и ее обитателей – летнего солнцестояния состоялся Круглый стол «С заботой о планете», посвященный 160-летию со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского. Круглый стол проходил в рамках Степинских чтений (20–21 июня 2023, Москва), проводимых Институтом философии Российской Академии наук. Сочетание имен двух маститых ученых и выдающихся организаторов российской науки – Вячеслава Семеновича Степина и Владимира Ивановича Вернадского не случайно. Вячеслав Семенович глубоко ценил философские и научные идеи Вернадского, усматривая в них животворный потенциал гуманистической науки будущего. И вместе с тем, оба выдающихся отечественных мыслителя жили в единый метамомент времени, который войдет в историю как переходное время, время смены цивилизаций, революций в науке и в обществе, и, главное, революции в сознании каждого человека. Несмотря на трудное время, оба мыслителя были оптимистами и верили в духовное пробуждение человечества и силу свободной научной мысли во благо всех.

Модераторами Круглого стола были – доктор философских наук, профессор И.А. Герасимова (Институт философии РАН) и академик РАН, доктор исторических наук М.Д. Бухарин (Институт всеобщей истории РАН).

Разных по своим профессиональным интересам специалистов – историков, философов, педагогов, космологов, физиков, математиков, инженеров привлекло учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, о человечестве как «геологической силе» и особой роли в этих глобальных процессах творческой энергии научной мысли. В смешанном онлайн и офлайн-режиме конференции пространство творческих соприкосновений цементировалось голосами Москвы, Санкт-Петербурга, Самары,

Барнаула. Всех участников объединял душевный порыв заботы о планете в трудный для человечества период системного кризиса, природных катаклизмов и выборов путей будущего развития. Настоящая книга написана по итогам прошедшей дискуссии. Для дискуссии были предложены следующие вопросы:

1. Жизнь на Земле – явление космическое.

2. Живая Земля. Материя, пространство и время в представлениях В.И. Вернадского. Современные исследования и гипотезы. Виталистический материализм. Эко-философия и экокультура.

3. Ноосфера: образы и понятия прошлого, артефакты настоящего и мечты о будущем.

4. Личность и качества ученого в духовно-ноосферной культуре будущего.

5. Возможен ли сегодня возврат к натурфилософии?

В ходе обсуждения круг проблем, конечно, расширился. В итоге родилась книга, в содержании которой представлены новые грани осмысления как самого творческого наследия Вернадского, так и восприятия и развития его пионерских идей в начале XXI века, когда прояснились факты стремительных изменений жизни под влиянием научно-технологического прогресса. История подтвердила: эти изменения взрывного характера, как предвидчески предупреждал Вернадский, и они еще не закончились.

Русский космизм – гордость отечественной науки и ее заслуженный вклад в мировую науку. Мысль о духовном единении человечества как планетарного сообщества, единении на основе разума и знания, проходит сквозь труды наших выдающихся соотечественников – Николая Федорова, Константина Циолковского, Александра Чижевского, Павла Флоренского и Владимира Вернадского. В плеяде русских ученых-космистов, звезда Вернадского, как пишет Инна Алексеевна Бирич (Москва), занимает свое особое место. Методология синтеза, которую воплощал Вернадский в своих исследованиях и трудах, нашла выражение в современной науке. Но главное, «Впереди у нас – увлекательное освоение этого нашего национального духовного достояния.

Мы можем предложить миру новое мировоззрение!», заключает автор статьи, которая открывает первую главу книги, посвященную вопросам истории науки и философии науки.

Вдумаемся в вопрос: «А в чем состоит духовное единение человечества?»

Следуя методологии Вернадского, ответ стоит искать на пути синтеза идей и охвативших планету перекрестных научно-культурных коммуникаций.

Вернадский дает планетарно-масштабный ответ. Человечество совокупность мыслящих и разумных деятелей едино с планетарным телом – биосферой. Неумолимая логика развития человечества подвела к эволюционному этапу, когда творческая энергия мысли приходит на смену ранее доминировавшей планетарной «всесвязующей биогеохимической энергии». Начинается новый этап истории – всемирная история и главным двигателем прогресса стала наука. В своем историко-научном исследовании Сергей Викторович Занин (Москва, Самара) делает вывод: «Более того, в отличие от других сфер (общества, экономики, политики) именно история науки должна выявить *парадигму* прогресса». Актуальность идей Вернадского для современных исследователей науки очевидна. Вернадский в своих трудах опередил время, когда писал о коэволюции науки, общества, культуры и государства. Как пишет отечественный историк и методолог науки Л.А. Маркова, идея увязки науки с социумом не сразу оформилась в научном мире¹. В кон. 1970-х–нач. 1980-х возникает новое междисциплинарное направление – социальная история, в рамках которого складываются исследования по социальной истории науки². В дальнейшем в ходе институционализации формируются такие дисциплины как социология науки, социальная эпистемология, социальная философия науки³, науковедение. В практиче-

¹ Маркова Л.А. Трансформация оснований историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 70–72.

² Огурцов А.П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 34–68.

³ Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М., 2016.

ском отношении набирают вес социальная оценка техники («Technology Assessment» с 1960-х гг.), социально-этическая экспертиза инновационных проектов, трансдисциплинарные исследования науки и технологий⁴. Как пишет С.В. Занин, «в начале 1930-х годов наступает эпоха глобализации (культурной, институциональной и др.), драйвером которой выступает развитие науки и техники».

Логика синтеза отложила отпечаток на понимание Вернадским «всемирной истории», в которой последовательно прослеживается влияние живого вещества в эволюции биосферы, освоение человеческим видом биосферы и взрыв научного творчества в наблюдаемый период «психозойной эры». В современный обиход вошло понятие техносферы – создаваемой человеком новой среды обитания.

Академик В.С. Степин в своей концепции постнеклассической рациональности развивает многие идеи Вернадского, так как они виделись в новых реалиях культуры и научно-технического развития⁵. Для обоих мыслителей человек науки становится альфа и омегой ответственного деятеля планетарной эволюции. Основные черты культуры науки можно обнаружить как в текстах Вернадского, так и Степина. Два понятия – научное мировоззрение и научная картина мира связывают науку как специфическую деятельность со всеми сферами культуры. Диалог и сотрудничество ученых с представителями других сфер культуры (трансдисциплинарные коммуникации) становится важным фактором объединения людей, постепенного осознания единства человечества как геологической силы, пишет Ирина Алексеевна Герасимова (Москва).

Научно-технический прогресс реально стал драйвером революционных преобразований в обществе и трансформаций сознания. Вместе с тем глубокий глобальный кризис, охвативший социальные, экономические, политические, моральные сферы вме-

⁴ Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Ред. В.А. Бажанов, Р.В. Шольц. М., 2015.

⁵ Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М., 2015. С. 494 – 496. 716 с.

сте с масштабным экологическим кризисом, явился своеобразным проявителем агрессивной и эгоистичной природы человека, геодонистских оснований общества потребления.

Встает закономерный вопрос «Готово ли человечество стать геологической силой?»

Размышляя вместе с Вернадским о войне, науке и прогрессе Михаил Алексеевич Иванов (Москва), раскрывает оригинальность, глубину и всесторонность подхода ученого по этим злободневным вопросам. Война способствует развитию науки, но самые передовые достижения науки становятся новыми видами оружия и самоуничтожения человечества, война разобщает ученых, разрушает ноосферные коммуникации. Ученые встают перед трудным моральным выбором. По мнению автора «выявленные Вернадским механизмы взаимодействия войны и прогресса науки, рассмотренные на объективном и субъектном уровнях в контексте ноосферного подхода, способны стать инструментом осмысления, объяснения и управления соответствующими явлениями реальности».

Идея ноосферы как сферы разума человечества для истории культуры и истории философии не нова, она обогатилась новыми смыслами в связи с невиданным дотоле размахом научно-технического прогресса и его влиянием на социокультурные и геологические процессы. Вторая глава книги посвящена оригинальной философии мысли, направлению, которое развивается алтайскими философами – М.Ю. Шишиным, А.В. Ивановым, И.В. Фотиевой, Т.А. Артамоновой (Барнаул). Философия мысли – направление современной философии, сложившееся при обобщении историко-философских учений и данных фундаментальных научных исследований. В.И. Вернадский, задаваясь вопросом о природе мысли и значении сознания, чувствовал неудовлетворение от возможных ответов естествознания. Он находил наиболее глубокое решение этих фундаментальных загадок человеческого бытия в буддийском учении о метампсихозе. Согласно алтайским коллегам мысль в широком смысле слова является не только субъективной, но и объективной субстанциаль-

ной реальностью, добавим, на научном языке – энергией. В определениях пространственной мысли Андрей Владимирович Иванов соединяет онтологический принцип «тождества бытия и мышления» с гносеологическим принципом «подобное познается подобным», формируя адекватный язык обсуждения этой тематики. Согласно автору мысль, «всегда двуедина, представляя собой сочетание *идеально-сущего* смысла (порядка, формы) и несущей материальной энергии.

Исследуя синтетическое мировоззрение В.И. Вернадского, Ирина Валерьевна Фотиева отмечает его парадоксальность, что неизбежно в любом процессе поиска истины. Вернадский «чаще всего как бы подспудно, фоном, даже противореча себе, – стремился найти и обосновать великий синтез *науки, религии и философии* – областей знания, областей знания, которые в течение достаточно долгого времени были разделены», – пишет Фотиева. Можно выделить два уровня интерпретации и понимания природы мысли в трудах Вернадского-ученого и Вернадского-философа, которые обсуждает Фотиева.

Синтез науки, религии и философии в трудах Вернадского наиболее ярко проявился в космической направленности учения о биосфере, которую мыслитель определял как «*планетное явление космического характера*». В величественном кругообороте планетарно-космической материи, человек становится средоточием природных, космических и социально-исторических сил, основным живым и сознательным трансформатором и трансмутатором материи, – пишет Михаил Николаевич Чирятьев (Санкт-Петербург). В своем Учении о биосфере и ноосфере Вернадский возвращает в русло научных представлений живой Космос. За ответом на многие мировоззренческие вопросы, освещающие разные пути исканий научной истины, русский ученый-космист обращается к идеям Адвайта Веданты, к трудам Вивекананды, к основным буддийским и индуистским религиозно-философским учениям великой культуры Индии.

Глубоко-экзистенциальные размышления Николая Николаевича Мурзина (Москва) о человеке как универсальном образе

разумной жизни раскрывают новые грани темы человека как геологической силы. «Для понимания жизни в космическом масштабе, мы, соответственно, должны ответить на вопросы, во-первых, неизбежна ли венчающая ее «разумность», а во-вторых, как ними с обеими связана известная нам форма-образ разумного существа», – вопрошает Мурзин, ведя диалог с философами прошлого и современными мыслителями.

Синтетическая мысль Вернадского находила место и народной науке. В письме В.В. Водовозову он отмечал, что новые идеалы, вырабатываемые народными массами, вырабатываются *жизнью*⁶. В переживаемый человечеством переходный период сошлись времена – прошлое, настоящее и будущее. Колыбельные и высокотехнологические цивилизации оказались не просто сосуществующими, а подверженными влиянию друг на друга. В статье Татьяны Александровны Артамоновой на внушительном этнографическом материале, естественно-научных данных и экспериментах, с позиций ноосферного подхода предпринимается попытка объяснения феномена магических аграрных культов этносов. В современных реалиях диалога цивилизаций можно наблюдать примеры сотрудничества ученых-экологов с представителями традиции по вопросам природоохранной деятельности, медицинских и аграрных практик.

Заключительная третья глава посвящена развитию ноосферного подхода в настоящем, перспективам новой научной картины мира и образам синтетического знания будущего. Глава имеет ярко выраженный проблемный характер. Ее открывает статья Владимира Григорьевича Буданова (Москва), посвященная естественнонаучным аспектам ноосферы. Проблемы выживания заставляют задуматься над космическим предназначением человека и ответственностью за планету. На позитивном полюсе эволюционного созревания сознания человечества как геологической силы стоит отметить революционные изменения в культурной картине мира. С выходом человека в космос, освоением ближнего космоса, открытиями экзопланет, исследованиями космофи-

⁶ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 398.

зических факторов эволюции Земли, кардинально поменялось мировоззрение. «Жизнь на Земле – космическое чудо или закономерность?» задается вопросом Наталия Владимировна Дмитриева (Москва), приводя факты и выводы космографических и космологических исследований. В недалеком будущем предстоит сделать следующий шаг в формировании новой картины мира, найдя ответы на вопрос «Одиноки ли мы во Вселенной?»

Тема натурфилософии не случайно появилась на Круглом столе, посвященному учению о ноосфере. Натурфилософия – исторически первая форма холистического подхода в познании. Стремление к целостности знания с разворачиванием новоевропейской науки, сопровождавшейся дифференциацией областей исследования, сошло на периферию философских исследований, но никогда не исчезало. По существу, В.И. Вернадский в своем учении о новой научной картине мира, соединяя науки о Земле и науки о человеке, следует натурфилософской традиции синтеза. Междисциплинарные исследования дополняет подход, развиваемый Михаилом Васильевичем Клёцкиным (Самара). Изучая натурфилософские основания квантовой механики, автор следует идее тождества бытия и мышления. Опираясь на концептуальный язык Аристотеля, автор делает заключение: «Сущее не дано непосредственно в действительности, но как энергия присутствует в каждой познанной природной сущности, фундирует ее существование как чистая возможность (как материя), реализуемая сознанием».

Оригинальный подход к построению синтетической картины мира разрабатывает Олег Владимирович Шимельфениг (Саратов). Как считает автор новое понимание целостности мироздания в учении Вернадского о биосфере и ноосфере, для многих ученых открыло возможности по-новому увидеть восточные учения и мировоззрение русского космизма. Оформленная в виде связанных постулатов сюжетно-игровая парадигма познания и практик направлена на создание единой картины мира, связующей философию, науку, религию и экзистенциально-личностную сферу.

Ценный эвристический потенциал увидел Илья Николаевич Вольнов (Москва) в понятии сферы в концепции Вернадского. Наука столкнулась с барьером сложности – невозможностью собрать единую картину мира из слишком большого количества разнородной информации. Признаком того, что этот барьер наукой не берется – обращение к технологии искусственного интеллекта. Однако преодоление кризиса возможно через новый тип идеализации представлений о действительности в ряду: объект, система, среда. Этим типом, по всей видимости, будет «сфера», предложенная В.И. Вернадским.

Личность и тайны творчества Вернадского интриговали многих исследователей. Противоречием или дополнением считать такие грани творчества мыслителя как рационализм ученого, опирающегося на эмпирические факты и мистический опыт творческого человека? В результате философского исследования Леонид Григорьевич Антипенко (Москва) приходит к выводу: «“Вещие сны” могут подтолкнуть к научным открытиям, но они нуждаются в рационально-логической проверке». На такого рода вопросы можно посмотреть в ключе философии мысли. Феномен индийского математика Рамануджана и феномен Вернадского заставляют задуматься об интуитивной составляющей сферы разума человека. По нормам европейской рациональности требуются доказательства математических идей, но в традиционной эпистемической индийской культуре приоритет дается интуитивному каналу. Мысль Платона о существовании мира идей и мира чисел как живых сущностей (саморазвивающихся энергий), которые воспринимает разум человека, ведет к картине мира, в которой космический разум (Нус) создает идеи и вселенную числа. Математики не изобретают, а открывают числовые закономерности, данные высшим разумом. По-видимому, наступило время разгадок тайн природы ноосферы.

Завершает книгу приглашение к читателю – поразмышлять вместе с автором над будущим человечества: «Может ли наша “геологическая сила” ограничиться Землей?» Александр Андреевич Крушанов (Москва) ставит вопросы экологии, ограниченности

ресурсов и неизбежности их исчерпания. «Поэтому, – считает автор, можно сделать вывод, что в перспективе человечеству придется осуществить широкую экспансию в космос». Но встают новые, но возможно, и старые, извечные вопросы на тему нового Неба и новой Земли. Как изменится человек, когда настанет время освоения просторов Космоса?

В.И. Вернадский – глубокий мыслитель, наследие которого раскрывает ранее неосознаваемые основы нашего бытия и будущего человечества. Повторим мысль, высказанную вначале И.А. Бирич: «Впереди у нас – увлекательное освоение этого нашего национального духовного достояния. Мы можем предложить миру новое мировоззрение!»

Литература

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
2. Принципы историографии естествознания: XX век / Отв.ред. И.С. Тимофеев. СПб.: Алетейя, 2001. 477 с.
3. Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. 414 с.
4. Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект, Альма-Матер, 2015. 716 с.
5. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Ред. В.А. Бажанов, Р.В. Шольц. М.: Навигатор. 2015. 564 с.

Глава 1. Планетарно-космические идеи В.И. Вернадского в пространствах философии и науки

И.А. Бирич

Звезда В.И. Вернадского в плеяде русских космистов

Сама идея духовного единения человечества, интегративного подхода к гуманитарному и научному познанию мироздания, овладения космическим пространством в XX веке рождена на российской почве. В статье будет идти речь о плеяде русских космистов, работающих в XIX–XX вв., и о наиболее яркой фигуре среди них – В.И. Вернадском.

Ключевые слова. Философия общего дела Н. Федорова; космическая философия К. Циолковского; земное эхо солнечных бурь А. Чижевского; столп и утверждение истины П. Флоренского; биосфера и ноосфера В. Вернадского.

Нельзя отложить заботу о вечном и великом на то время, когда будет достигнута для всех возможность удовлетворения своих элементарных нужд. Иначе будет поздно. Мы дадим материальные блага в руки людей, идеалом которых будет – «хлеба и зрелищ».
В. Вернадский
(Из дневников. 16 марта 1918 г.)

Что проявил в человеческом сознании век XX – пограничный век между двумя астрономическими эпохами? Философский позитивизм и связанный с ним социальный прагматизм на Западе, религиозный и социальный консерватизм на Востоке. И только Россия дала две уникальные и абсолютно противоречащие друг другу формы мирозерцания: марксизм-ленинизм, осуществивший отчуждение населения от частной собственности ради справедливого распределения благ, – и высочайший прорыв к космизации сознания, воплотивший вековую тягу русской души к слиянию с идеальным миром.

Зачинателем данного мировоззрения считается Николай Федорович Фёдоров (1829–1903), рожденный в селе Ключи, на границе Рязанской и Тамбовской губерний, сын кн. А. Гагарина. И хотя он рос бастардом, у него с отцом и матерью были самые дружеские замечательные отношения. Отца Николай потерял будучи подростком и переживал это событие до конца своих дней. Начались скитания по учебным заведениям, учительство в городах центральной России, например, в Боровске, пока он ни осел в Москве, став библиотекарем известного Румянцевского музея, располагавшегося в «доме Пашкова».

Федоров был известен среди ученых и писателей Москвы конца XIX в. как человек глубоких и многосторонних познаний, энциклопедист, знавший в совершенстве основные европейские языки и несколько восточных, особенно увлекаясь китайским. Его учёность (недаром его называли московским Сократом) совмещалась с оригинальным умом, и принять поистине планетарную философию мыслителя могли немногие (среди них молодой, но уже знаменитый философ, приват-доцент МГУ, Владимир Соловьев). Федоровым владел идеал «всесловной» христианской общины, братского воссоединения человечества («ученых и неученых», «верующих и неверующих»), объединенных «общим делом борьбы со смертью», решительное неприятие националистических предрассудков. На человека Федоров смотрел как на союзника Творца, вместе с ним сознательно участвующего в Общем Плане эволюции мироздания, где человеку предначертано стать Со-Творцом Его воскресительной миссии и преображения Вселенной – новой Земли и нового Неба. Он не признавал сценарий Апокалипсиса («страшного суда»), но утверждал сценарий Апокастасиса – всеобщего спасения, потому что к концу времен человечество проявит себя уже преображенным. Это именно Николаю Федорову принадлежит идея расселения преображенного человечества на других планетах Солнечной системы. Свой масштабный проект Федоров называл «Философией общего дела». Такой взгляд на Бытие и на человека резко отличался от догмати-

ческого и официального Православия, разделявшего Творца и его творение, Дух и Материю⁷.

Молодой собеседник Н. Федорова из Калуги, в стенах Румянцевской библиотеки готовящийся к экзамену на звание учителя физики, Константин Циолковский (1857–1935) был увлечен его мечтой о победе над смертью и о воскрешенном «лучистом человечестве», расселившемся в просторах Вселенной. В своих воспоминаниях среди немногих замечательных событий жизни Циолковский особо чтит встречу с Фёдоровым: «Он давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный Фёдоров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Фёдоров раздавал все свое скромное жалование бедным, он и меня хотел сделать своим пенсионером»⁸.

Мы называем Циолковского «отцом космонавтики», но он также является и «отцом космической философии и этики». Мы, к сожалению, в советское время второе отнесли к его «идеалистическим заблуждениям», но без них не было бы и Циолковского-ученого, так как мировоззрение гения – явление целостное. Удивительные строки читаем мы в опубликованных его философских сочинениях: «Общая биологическая жизнь Вселенной не только высока, но и непрерывна. Всякий кусочек материи непрерывно живет этой жизнью, так как промежутки долгого небытия проходят для него незаметно: мертвые не имеют времени и получают его только тогда, когда оживают, то есть принимают высшую органическую форму сознательного животного... Всякой капле вещества, где бы она ни находилась, неизбежно придет очередь жить. Конечно, каждое оживление имеет свою форму несходную с предыдущими. Мы всегда жили и всегда будем жить...»⁹. В отличие от Фёдорова, Циолковский не считал проблему смерти проблемой трагической.

Ученик К. Циолковского, сподвижник Д.В. Луначарского по литотделу Наркомпроса в Калуге, поэт, художник и доктор исто-

⁷ Федоров Н.Ф. Философия общего дела: статьи, мысли и письма / под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона: в 2 т. Т.1. Верный, 1906. Т.2. М., 1913.

⁸ Циолковский К.Э. Черты из моей жизни // «Молодая Гвардия», 1935, №11. С.27.

⁹ Циолковский К. Грезы о Земле и небе. Тула, 1986. С. 381.

рических наук, биофизик Александр Чижевский (1897–1964) еще в 20-е годы нашел соответствия между вспышками солнечной активности и крупнейшими фактами в истории человечества (тема его магистерской диссертации). Но так как в его работе не были освещены проблемы исторического материализма, за ним на долгие годы закрепился идеологический ярлык «мракобеса» и «солнцепоклонника». Однако Чижевский продолжал исследовать влияние деятельности солнца на человеческий организм, состав его крови. Так интересы ученого приобрели естественно-научное направление.

И здесь он оказался на самом переднем крае молодой советской науки. Он защищал идею о наличии в человеческих клетках и органах образований, тождественных элементам радиосхемы. Те электрические процессы, которые сопровождают многочисленные функции организма — биотоки мозга, сердца и мышц, ионные изменения — не могут не вызывать в них электрических колебаний различного характера. Сегодня мы бы назвали научную проблематику Чижевского современным термином «антропозкология», но в 30-е годы его имя прочно было связано с «идеализмом в науке». И даже выбор его в 1939 г. в Нью-Йорке Почетным Президентом Международного конгресса по биофизике и биологической космологии не помог широкому распространению его идей в Советском Союзе.

В 1942 г. ученый был арестован и репрессирован, но не сломлен. В 1958 г. реабилитирован. Сразу же после возвращения из ссылки, в 1959 г. он публикует свою главную книгу «Структурный анализ движущейся крови». Это ему принадлежат слова: «Вокруг трепещет пульс Вселенной... Правильная периодичность или повторяемость явлений в пространстве или во времени есть основное свойство мира, которым владеют одни и те же законы, распространяющиеся равно на все части природы, независимо от того, как делит, как расчленяет их человек: и неорганическая, и органическая материя, со всею своею психической деятельно-

стью, подчинена одним и тем же общим для всей Вселенной принципам»¹⁰.

Сын инженера-путейца и внук священника Павел Флоренский (1882–1937), коллега Чижевского по Академии наук, с блеском заканчивает физико-математический факультет Московского университета, а потом поступает в Духовную Академию в стенах Троице-Сергиевой Лавры и после ее окончания остается там читать семинаристам философские дисциплины. Защитил богословскую диссертацию «Столп и утверждение истины», посвятив ее Софии — Премудрости Божией, разлитой по всей Вселенной. Будучи в сане священника он помогал ленинскому правительству разрабатывать план ГОЭЛРО, и, не оставляя научно-практических изысканий в области электромеханики, математически доказал существование духовного («горнего») мира, его тройственную структуру, проявленную в частности и в человеке — в триаде духа, души и тела¹¹. Не выполнив распоряжения НКВД отказаться от сана, был посажен в Соловецкий Гулаг, где продолжал служение священника до самой смерти.

Наш рассказ дошел до научной судьбы Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), чьи первые черты уже проявились, когда он был студентом Санкт-Петербургского университета, отделения естественных наук. Ученик «системщиков» Д. Менделеева, И. Сеченова, В. Докучаева, он сразу начал печатать научные статьи, показал себя крепким ученым, но и активным участником общественного либерального движения в России, представителем земства, став после революции 1905 г. организатором партии кадетов, где оставался до 1918 г.¹². Не надо также забывать, что Петербург начала XX в. был сосредоточием культурной жизни России, ее Серебряного века, тяготеющего к духовным смыслам бытия, проявленным одновременно в философии, литературе, поэзии, музыке, живописи. И в науке: как и другие космисты-современники, Вернадский стал представителем возни-

¹⁰ Флоренский П.А. Макрокосм и Микрокосм // Богословские труды, 1983. Сб. 24. С. 18.

¹¹ Там же.

¹² Аксенов Г.П. Три биографии Владимира Вернадского. М., 2014.

кающей на глазах одного поколения новой научной парадигмы – антропокосмизма. Они и до сих пор остаются здесь первыми.

Советский академик-геохимик, создатель учения о биосфере, В.И. Вернадский имел удивительную и долгую судьбу в науке, чуть не умер от тифа в Крыму, где жила его семья во время гражданской войны, и в то же время стал создателем Таврического университета в Симферополе, его первым ректором, организатором советской науки на Украине в 20-е гг. Он мог уехать в эмиграцию, но не уехал, он думал о научных проблемах планетарного масштаба. Во время болезни, на грани смерти и жизни, он разом увидел содержание своего будущего научного открытия и опубликовал в 1922 г. свою первую книгу на эту тему «Начало и вечность жизни»¹³.

Во время чтения лекций в 20-е гг. в Сорбонском университете по геохимии Вернадский встретился там с французским философом-математиком, последователем философа А. Бергсона, исследующего творческую эволюцию Вселенной, Ле Руа. Именно он и предложил понятие «ноосфера» для объяснения конкретного феномена удивительных способностей сербского изобретателя Николы Тесла, который сам объяснял их тем, что все свои технические и научные откровения получает из «единого информационного поля» Земли и Вселенной, «как будто из внеземных цивилизаций»¹⁴. (О чем-то подобном писал в это же время и наш гениальный изобретатель К.Э. Циолковский в своих философских заметках). Именно это поле Ле Руа и решил назвать ноосферой. Также Ле Руа и другой его коллега, ученый-антрополог Тейяр де Шарден поднимают проблему взаимовлияния методов науки и религии, интеллекта и интуиции, поскольку наука дает религии обоснование, а религия завершает науку¹⁵. К их размышлениям присоединился и В.И. Вернадский, тоже занимавшийся проблемой вечности жизни на Земле и биогенеза как принципа природы планеты. Они приходят к убеждению, что биосферой форми-

¹³ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989.

¹⁴ Тесла Никола. Власть над миром / пер. Л. Бабушкиной. М., 2018.

¹⁵ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь. М., 1987.

рование жизни на Земле не заканчивается, объективная логика планетарного развития как живого организма приводит к возникновению ноосферы¹⁶.

Из Франции Вернадский привозит рукопись своей главной книги «Биосфера» и публикует ее в 1926 г. Советская Академия наук книгу как научное достижение не признала, а в лице своих идеологов раскритиковала. Что касается понятия ноосферы, Вернадский приберег его для своих дневников, опубликованных только в конце 70-х гг. XX в., то есть 30 лет спустя после его смерти¹⁷.

Сохранилось интересное письмо П. Флоренского 1929 г. В. Вернадскому, в котором он как ученый с энтузиазмом поддержал его учение о биосфере и в заключение предложил следующее: «Со своей же стороны хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую, скорее, эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере того, что можно было бы назвать пневмосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа....есть много данных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе»¹⁸.

Именно в ответе на это письмо Вернадский, уже знакомый с богословской диссертацией Флоренского, высказал необычную для советского ученого мысль: «Мне кажется, мы сейчас переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научное мировоззрение должны войти явления жизни, и может быть мы подойдем к ослаблению того противоречия, которое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сей-

¹⁶ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

¹⁷ Вернадский В.И. Размышления натуралиста: В 2 кн.. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М., 1975. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.

¹⁸ Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 198.

час все дорогое для человечества не находит в нем – в научном образе Космоса – места. Надеюсь свидеться с Вами и затронуть некоторые вопросы, поднятые в вашем письме. С искренним уважением В. Вернадский. 13 октября 1929 г.»¹⁹. Вернадский переписывался с коллегой даже тогда, когда тот оказался на Соловках (через посредничество его жены), вплоть до 1937 г.

Так и произошло в XX столетии. «Ноосфера – это биосфера, переработанная научной мыслью, подготавливавшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиардов лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber* (“человек, разумно действующий” – И.Б.)... – не есть кратковременное и преходящее геологическое явление....Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдет так или иначе – рано или поздно – в ноосферу...»²⁰. В этом плане «человек впервые реально понял, что он житель планеты и может – должен! – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте»²¹. А ведь эта концепция предвосхитила открытие в конце XX века западными учеными Антропного принципа Вселенной. При жизни философские труды ученого не были известны.

Только когда были опубликованы архивы ученого, мы узнали также, что Вернадский был самобытным философом и историком естествознания, развитие которого непосредственно связывал с эволюцией сознания человечества. Особо он ставил вопрос о моральной стороне науки, нравственной позиции ученого. И отвечал на него: «цивилизация культурного человечества» есть проявление ноосферы. Какие же признаки ее отличают? Чтобы сделать культуру прочною, необходимо возвысить массы, сделать для них культуру потребностью, а для достижения этого необходимо развитие высших форм сознания, что является, считал ученый, главной заботой демократического государства²².

¹⁹ Там же. С. 199.

²⁰ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский. М., 2001. С. 49.

²¹ Там же. С.37.

²² Бирич И.А., Панченко О.Г. Образование в эпицентре антропологического вызова

В чем же Вернадский предлагал искать опору? «Надо, чтобы в народе имелись значительные группы людей, которые не ломаются бурей, но творят и создают. Необходимо прямо смотреть в глаза происшедшему, пересмотреть все устои своего общественного верования, подвергнуть все критике... надо, чтобы слово разбудило мысли и чувства людей, которые до сих пор жили бессознательно... Мне представляется разум и чувство тесно-претесно переплетенным клубком: одна нить – разум, а другая – чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются..., – писал он»²³. Он сам, безусловно, принадлежал к этой когорте людей.

Вернадский обладал поразительной способностью отчетливо видеть проблемы, с которыми в будущем предстоит столкнуться человечеству, и намечать пути их научного исследования. Его труды заложили фундамент для многих новых научных направлений и новых наук – генетической минералогии, радиогеологии, геохимии, биохимии. Его идеи имели огромное значение для развития биологии. Это выразилось в его учении о биосфере Земли и о живом веществе планеты, созданной им биогеохимии. Он стоял у истоков экологического мышления современного человечества. Но это случилось уже после его смерти. Концепция биосферы была в Советском Союзе запрещена и не обсуждалась до 1965 г. Но сам ученый продолжал над ней работать всю жизнь: с 1922 г. до своего первого и последнего доклада в Академии наук в 1942 г. У В.И. Вернадского самый большой научный архив в Академии наук, насчитывающий 50 томов ПСС, включая 7 томов дневников (как у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого), а также 5 томов писем к жене, с которой прожил 66 лет.

Итак, несколько имен за последние 150 лет развития русской философии и науки. Можно ли говорить о «русском космизме» как о реальной странице в истории нашей философской и научной мысли? Да, можно!²⁴. По нескольким параметрам.

(от Вернадского к Вернадскому). // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М., 2022. С. 407–422.

²³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 132.

²⁴ Русский космизм: Антология философской мысли / под ред. С.Г. Семенов и А.Г. Гачевой. М., 1993.

Во-первых, это масштаб личностей. Всем им присущи универсальность мышления, чуткость к новым проблемам, разносторонность талантов, особый дар синтеза идей и их организационного воплощения, бесстрашие этической позиции, великие целеустремленность и работоспособность, трагичность судьбы и красота нравственного подвига. Будучи реальными людьми ушедшей эпохи, они были одновременно и людьми из будущего, открывая нам завесу над тайной грядущего образа Человека. Во-вторых, это масштабность научного и культурного вклада русских космистов в науку XX века, проверенного на практике и определившего основные фундаментальные направления в их развитии. И в-третьих, – и это самое главное – жизнь и труды русских космистов явили нам основные черты мирозерцания приблизившейся к нам эпохи перемен²⁵. Каковы же эти черты?

Космичность мировоззрения. Это совершенно новый для нас этап в осмыслении окружающего мира, когда мы, наконец, увидели, что все, что нас окружает – и мы сами – вписываемся в Большую историю Вселенной, как она представлена в современной космологической теории, что мы – не полновластные хозяева и «венцы» природы, а ее сотрудники и коллеги (или нерадивые и безответственные «жилыцы планеты»). Этим мировоззрением объясняется бесстрашие космистов в исследовании новых идей, еще не апробированных в общественном сознании, их принципиальная позиция по поводу того, что разделение духа и материи, а также идеализма и материализма – проблема надуманная для философии и вредная для развития науки, искусства и религии.

Нравственный максимализм и оптимизм. Образ жизни русских космистов был соответствующим их духовному мирозерцанию. Все были чрезвычайно строги к себе в быту и на службе, были великими миротворцами, проявляя терпимость к окружающим даже тогда, когда болезнь и смерть стояли на пороге.

²⁵ Бирич И.А. Русский космизм – научный прогноз, научная фантастика или социальный миф? //Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. Сб.ст. М., 2020. С. 402.

Особенно они ценили крепкие семейные отношения, уважение молодости. Недаром люди вокруг них распрямлялись, расцветали, в них просыпались таланты. Оптимизм космистов имел под собой объективную природу и духовную силу.

Гармония и красота как принцип творчества и жизни. Это осознанное понимание того, что мирозданием правит не борьба противоположностей (это только часть правды), а всё-таки гармония как принцип живых систем. Понявшему этот принцип жизнь раскрывает тайну своей созидательной творческой силы.

Идеи русского космизма, несомненно, опережали не только свое время, но и наше. Только в конце XX века, в немалой степени благодаря фундаментальным исследованиям в области космологии и теории систем, особенно открытию Антропного принципа Вселенной, мы возвращаемся к наследию русской философии науки, чтобы развивать ее методологию философского синтеза дальше. Впереди у нас – увлекательное освоение этого нашего национального духовного достояния. Мы можем предложить миру новое мировоззрение!

Литература

1. Аксенов Г.П. Три биографии Владимира Вернадского. М.: Архив Российской академии наук, 2014. 164 с.
2. Бирич И.А. Русский космизм – научный прогноз, научная фантастика или социальный миф? //Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. Сб.ст. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 393–405.
3. Бирич И.А., Панченко О.Г. Образование в эпицентре антропологического вызова (от Вернадского к Вернадскому). // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М.: ИФ РАН; КАНОН+, 2022. С. 407–422.
4. Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921. Киев: Наукова думка, 1994.

5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2001. С. 27–72.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 520 с.
7. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 702 с.
8. Вернадский В.И. Размышления натуралиста: В 2 кн.. Кн. 1. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975. 175 с. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. 191 с.
9. Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый мир. 1989. № 2. С. 195–204.
10. Русский космизм: Антология философской мысли / под ред. С.Г. Семенов и А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
11. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь. М.: Наука, 1987. 240 с.
12. Тесла Никола. Власть над миром / пер. Л. Бабушкиной. М.: Алгоритм, 2018. 205 с.
13. Федоров Н.Ф. Философия общего дела: статьи, мысли и письма / под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона: в 2 т. Т.1. Верный, 1906. Т.2. М., 1913.
14. Флоренский П.А. Макрокосм и Микрокосм // Богословские труды, 1983. Сб. 24.
15. Циолковский К. Грезы о Земле и небе. Тула: Приокское изд-во, 1986. 447 с.
16. Циолковский К.Э. Черты из моей жизни // «Молодая Гвардия», 1935, №11. С.5, 124–143.
17. Чижевский А. Земное эхо солнечных бурь. Париж, 1937 (на фр.яз.). Русское издание: М.: Мысль, 1973. 352 с.

С.В. Занин

В.И. Вернадский и историческая наука XX века

Концепция «ноосферы» В. И. Вернадского, в особенности в произведениях, написанных в 1930-х годах, содержит критику традиционных теологических и философских взглядов на историю и историю науки, но вместе с тем также попытку обоснования нового взгляда на историческое знание и на всемирно-исторический процесс, который должен быть рассмотрен «чисто научно, оставляя в стороне всякие представления, не вытекающие из научных фактов». Этот новый взгляд позволил мыслителю переосмыслить основные категории исторического знания, а также историософии. По его мысли, основным фактором исторического процесса становится «процесс полного заселения биосферы человеком, обусловленный ходом истории научной мысли», его основная характеристика это – вступление человека в «психозойную или антропогенную геологическую эру», а смысл всемирно-исторического процесса заключается в выработке человечеством «идеи единства всего человечества, людей как братьев, которая вышла за пределы отдельных личностей и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований». Тем самым именно в XX веке возникла, по его словам, подлинно единая «всемирная история», главным двигателем прогресса в которой стала наука. Более того, в отличие от других сфер (общества, экономики, политики) именно история науки должна выявить *парадигму* прогресса.

Ключевые слова: историческое знание, смысл истории, прогресс, история науки

Концепция В.И. Вернадского, в особенности в произведениях, опубликованных или написанных им, но оставшихся в рукописях, в 1930-х годах содержит многочисленные примеры из истории и попытку осмыслить исторический процесс с позиций учения о «ноосфере», вкладывая в содержание этого понятия смысл, отличный от того, который в него вкладывал сам автор неологизма

– Пьер Тейяр де Шарден. Следует обратить внимание и на то, что высказанные В. И. Вернадским идеи, касающиеся как всемирной истории в целом, так и ряда гуманитарных наук в частности, выросли на почве не только его собственных естественно-научных изысканий, но и в период, когда сама историческая наука переживала сложный период в своем развитии. В какой мере эти идеи открывали возможности для развития собственно исторического знания в его время? В чем состоит их актуальность для исторической науки сегодня? Постараемся дать ответ на эти вопросы, учитывая базовые понятия в его учении: «ноосфера», «биосфера» и др., а также его оценки в целом роли научного знания XX века в развитии человечества.

В многочисленных рукописных фрагментах В. И. Вернадского, опубликованных сравнительно недавно, затрагиваются важнейшие для исторической науки вопросы: роль народных масс в истории, роль личности в истории, аналогии между «историко-сравнительным методом» и «способом наименьших квадратов» в математике, значение представлений, к примеру, «идеала научного творчества» в общественной жизни и др.²⁶ К сожалению, эта россыпь заметок и соображений не позволяет даже близко подойти к основательному освещению темы «В.И. Вернадский и историческая наука», но она в полной мере свидетельствует о том, что не только история науки, которой автор посвятил несколько значимых работ (к примеру, об истории естествознания в России XVIII века или о естественно-научных взглядах Канта), но и собственно историческая наука находилась в центре внимания великого естествоиспытателя. В более или менее связанном виде его взгляды на исторический процесс и историческую науку были изложены применительно к его концепциям «биосферы» и «ноосферы». И именно в работе над книгой, оставшейся незавершенной, – «Научная мысль как планетное явление» – были затронуты такие важнейшие для исторической науки вопросы, как: вопрос о всемирной истории, о парадигме прогресса, о роли науки в развитии общества и др.

²⁶ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. М., 1988. С. 400, 402, 386.

Если говорить об истоках размышлений В.И. Вернадского о базовых понятиях исторической науки, то они очевидным образом восходят к его исследованиям по истории науки. В работах, посвященных истории естествознания XVII–XVIII веков, его внимание с самого начала привлекает не только история научного знания, но и в немалой степени та сфера, которая ныне в науковедении относится к «социологии науки». Например, в работе, посвященной развитию естествознания в России XVIII века, существенное внимание уделяется влиянию на развитие науки институциональных и социальных факторов: государственной политики, социальных институтов и групп. Анализируя историю естествознания в России в XVIII веке, В.И. Вернадский отмечал, что, несмотря на «непрерывность роста научной работы нас поражает отсутствие традиций и преемственности», а это было связано, по его мысли, с «изменчивой государственной политикой и экономически бедной и немногочисленной интеллигенцией», а также с тем, что наука не имела глубоких корней «в наиболее организованных и богатых слоях российского общества», к которым следует отнести дворянство, духовенство и купечество²⁷. В докладе о влиянии естественнонаучных исследований на философское мировоззрение Канта В.И. Вернадский с одной стороны подчеркивал, что, если эти исследования в собственном смысле слова не всегда соответствовали уровню экспериментальной науки своего времени, то, с другой стороны, они способствовали созданию философской системы, которая оказалась «современной для всего XIX века». Не остается в стороне и вопрос развития научного знания. В.И. Вернадский выделяет «новый фактор всемирной истории» с XVII века, а именно возникновение математического и точного знания²⁸. Весьма показательно то, что уже в сочинениях, написанных в начале XX века присутствуют, как мы увидим в дальнейшем, три важнейших направления мысли В.И. Вернадского, а именно: анализ собственно истории научного

²⁷ Вернадский В.И. *Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии*. М., 1988. С. 10.

²⁸ Вернадский В.И. *Труды по всеобщей истории науки*. 2-е издание. М., 1988. С. 200.

знания, социология науки и анализ релевантности философского мировоззрения тем сдвигам, которые происходят в естествознании. Остановимся подробнее на том, как эти направления были развиты в его анализе науки века XX.

В черновой рукописи 1903 года В. И. Вернадский указывал, что недавно закончившийся XIX век ознаменовался небывалым доселе ростом научного знания, и вместе с тем он отмечал «изменившийся характер государственных учреждений, выросшие новые функции государственных и общественных организаций, совершенно неизвестные государствам и обществам даже XVII и XVIII столетий». Более того, «понимание религии людьми, затронутыми образованием» меняет облик традиционных религиозных воззрений и влияет на развитие философских доктрин²⁹. Иными словами, научное знание произвело переворот не только в институтах общества, но и в духовной сфере и, как отмечал ученый, даже в сфере искусства, которое кажется достаточно «далеким от науки». Разумеется, первая Мировая война, свидетелем которой стал В. И. Вернадский, побудила его продолжить свой анализ в упомянутых ранее направлениях, хотя некоторые из них он и затрагивал лишь вскользь, как к примеру, рост научного знания – тема, которая получит свое развитие в более поздних сочинениях, относящимся к началу 1930-х годов. По его словам, война привела в движение огромные массы людей, которые «переоценивают прежние ценности» не в национальных или государственных рамках, а в рамках «единой мировой организации человечества», которая «поддерживается» развитием науки и техники. При этом «сливаются в единое русло философские искания, прежде разделенные» национальными и культурными границами³⁰. Можно сказать, что мысли, высказанные по поводу важнейшего события начала XX века – первой Мировой войны – в полной мере дополнили ранее названные три направления его анализа направлением четвертым, а именно анализом чисто историческим *судьбы человечества во всемирно историческом*

²⁹ Там же. С. 176–177.

³⁰ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 299.

плане.

В работах, датированных началом 1930-х годов, В.И. Вернадский уделяет значительное внимание сдвигам, произошедшим именно в научном знании, характеризуя их как переворот, значением которого стала, во-первых, выработка «единого представления о времени всего человечества к 1931 г.»³¹. Во-вторых, научная мысль XX в. вырабатывает «единый субстрат пространства-времени»³². При этом конечно же, в «господствующем научном мировоззрении отражаются условия внешней среды, в которой идет научная деятельность – характер и строй общественного устройства, организация научного преподавания, состояние техники данной местности и данного времени и т. д.»³³. Кроме того, в XX в. резко возросла «интернациональность науки»³⁴. Именно изменения в самом научном знании, ставшем единым для всего человечества, создает ту основу для *единой науки*, которая способна объединить все человечество. Очевидно, что в поле зрения мыслителя попадают и вопросы роста научного знания, и вопросы социологии науки, и философские доктрины, но именно в начале 1930-х годов в его сочинениях все большее место занимают вопросы влияния развития науки на мировую историю.

В это время, по словам ученого, «впервые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты – в общем всю биосферу, всю связанную с жизнью область планеты». Именно в эпоху, когда он жил и творил, произошли коренные преобразования в жизни человечества: «наше время по существу иное и небывалое в этом отношении, ибо, по-видимому, впервые в истории человечества мы находимся в условиях единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты. Увеличение вселенскости, спаянности всех человеческих обществ непрерывно растет и становится заметным в немногие годы чуть не ежегодно»³⁵. И так, как мы сейчас бы сказали, в начале

³¹ Там же. С. 355.

³² Там же. С. 421.

³³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 226.

³⁴ Там же. С. 43.

³⁵ Там же. С. 81.

1930-х годов наступает эпоха глобализации (культурной, институциональной и др.), двигателем которой выступает развитие науки и техники. Идеи В.И. Вернадского, которые в силу определенных исторических обстоятельств остались неизвестны широкому кругу ученых в период их создания, остаются во многом актуальными и сегодня. Не так давно известный российский историк Л.П. Репина, анализируя споры в историографии, которые велись по поводу того, когда возникла «всемирная история», справедливо заметила, что «глобальная история имеет дело с теми процессами, которые сформировали глобализующийся мир настоящего»³⁶. И эта мысль созвучна с мыслями В.И. Вернадского о том моменте, когда человечество вступило во «всемирную историю» или, иначе говоря, в «глобальную» историю. Но ведь сознание того, что новая эпоха наступила, стало результатом развития научной мысли, а сам В.И. Вернадский считал себя свидетелем этого события. При этом понимание процессов, происходящих в современности, являлось у него следствием изучения истории науки, которая учитывает «ход времени и работу научной мысли, вечно и постоянно производит переоценку ценностей в научном мировоззрении». В истории науки, заключает он, «историк, даже больше, чем где-либо, переносит в прошлое вопросы, волнующие современность, сам создает, если можно так выразиться, материал своего исследования, оставаясь, однако, все время в рамках точного, научного наблюдения»³⁷. В терминах исторической науки этот процесс можно назвать процессом создания новой предметной области. При этом историк науки, таким образом, пользуется ретроспективным методом, а его задача заключается в своеобразном «вопросании прошлого», в частности, по поводу глобализации, наступившей в 1930-е годы.

Но при такой постановке вопроса, необходимо выйти за рамки изучения этой эпохи глобализации, принимая во внимание то, что в ней «впервые, может быть, так ярко проявляется связь исторических процессов с палеонтологической историей выявления

³⁶ Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. С. 27.

³⁷ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. С. 179–180.

Homo sapiens. Этот процесс – полного заселения биосферы человеком – обусловлен ходом истории научной мысли, неразрывно связан со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, ее одновременного обсуждения всюду на планете»³⁸. То есть, необходимо встать на точку зрения всемирной истории, рассматривая ее как историю человечества, а это означает, что и сама история науки должна перестать быть историей научных открытий и историей тех преобразований, которые она произвела в обществе, в институтах и в широком плане в культуре, и признать то, что, будучи «созданием жизни, из окружающей жизни научная мысль берет приводимый ею в форму научной истины материал. Она – гуща жизни – его творит прежде всего. Это есть стихийное отражение жизни человека в окружающей человека среде – в ноосфере. Наука есть проявление действия в человеческом обществе, совокупности человеческой мысли»³⁹. Другими словами, в самой истории науки должно возникнуть понятие «ноосферы», которое позволит изучать всемирную историю как историю человечества. Вместе с тем, эта последняя может мыслиться только в границах биологической среды или «биосферы». Таким образом, появление учения о «ноосфере» свидетельствует об имманентных изменениях в самом научном знании: «Наука и созидаящая ее научная мысль выявляет в этом переживаемом нами росте науки XX века, в этом социальном явлении истории человечества, глубокого значения, свой иной, нам чуждый, планетный характер. Наука вскрывается нам в нем по-новому. Мы можем изучать это переживаемое нами явление – научно изучать его – с двух разных точек зрения. С одной стороны, как одно из основных явлений истории научной мысли, с другой – как проявление структуры биосферы, выявляющее нам новые большие черты ее организованности. Тесная и неразрывная связь этих явлений никогда с такой ясностью не стояла перед человечеством»⁴⁰. В этом по-

³⁸ Там же. С. 181. Курсив принадлежит В. И. Вернадскому.

³⁹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 46.

⁴⁰ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 38.

следнем отношении В.И. Вернадский замечает, что «научной мыслью и государственно организованной, ею направляемой техникой, своей жизнью человек создает в биосфере новую био-генную силу, направляющую его размножение и создающую благоприятные условия для заселения им частей биосферы, куда раньше не проникала его жизнь и местами даже какая бы то ни было жизнь»⁴¹.

Таким образом, учение Вернадского необходимым образом предполагает переосмысление исторического процесса в целом и нашего понимания истории в частности на базе *нового научного знания*, воплотившегося в учении о «ноосфере», по существу являющегося рефлексией над новым периодом в истории человечества, то есть «эпохой глобализации». И этот период с полным правом можно назвать *всемирной историей*, и, одновременно, новым этапом в развитии самой науки. При этом сама всемирная история мыслится как история человечества как вида в биосфере. Поэтому точкой отсчета в ней не могут быть процессы глобализации, возникшие в XX веке в силу использования исторической ретроспекции и нового научного инструментария, который дает учение о «ноосфере».

В чем же состоит с этой точки зрения специфика исторического процесса в первой половине XX в., согласно В.И. Вернадскому? Прежде всего в том, что «с выявлением сотни тысяч лет назад *Homo sapiens*, создание этим путем новой геологической силы, научной мысли», «резко увеличивается влияние живого вещества в эволюции биосферы»⁴². Эта сила действует через человека, «который становится геологической силой, с одной стороны, а с другой, благодаря тому, что интересы народных масс являются впервые сознательным объектом исторического процесса. Геология становится субстратом истории»⁴³. В XX веке «исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех

⁴¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 26.

⁴² Там же. С. 24.

⁴³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 424.

и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера», – отмечал Вернадский⁴⁴. То есть, основной движущей силой исторического процесса становится человечество в целом как «геологическая сила», который с помощью научного знания в первой половине XX века. получил возможность «массового действия» планетарного масштаба. «К такому изучению всемирной истории человечества подходят сейчас археологи, геологи и биологи... создавая новое научное понимание исторического процесса жизни человека. Геологи, углубляясь в историю нашей планеты, в постплиоценовое время, в ледниковую эпоху, собрали огромное количество научных фактов, выявляющих отражение жизни человеческих обществ – в конце концов цивилизованного человечества – на геологические процессы нашей планеты, в сущности биосферы... Этот факт заключается в выявлении создаваемой историческим процессом новой психозойной или антропогенной геологической эры. В сущности, она палеонтологически определяется появлением человека»⁴⁵.

По его мнению, этот новый этап в развитии человечества должен привести к изменению нашего понимания всемирной истории с одной стороны, а с другой – к новому взгляду на механизмы исторического процесса в целом и на его парадигмы. Последние требуют коренного пересмотра, поскольку «в этом научном обобщении все бесчисленные – и геологические, и философские, и религиозные – представления о значении человека и значении человеческой истории не играют сколько-нибудь [существенной] роли. Они могут быть спокойно оставлены в стороне.

⁴⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 240.

⁴⁵ Там же. С. 32.

Наука может с ними не считаться»⁴⁶. Сказанное однако же не означает, что мыслитель стоял на позициях своеобразного философского нигилизма. Так же как и в анализе творчества И. Канта и ряде работ, написанных в первое десятилетие XX века, он указывает на то, что «своеобразное развитие точного знания и математики за последние десятилетия ясно, кажется мне, показывает, что мы входим в этот новый период, и перед человеческой мыслью начинают слагаться новые горизонты, которые требуют от нее новой созидательной философской работы. Это – дело ближайшего будущего»⁴⁷. Другими словами, подобно тому как развитие естествознания в XVIII в. стало стимулом для «философской работы» Канта, новые открытия в естествознании века XX должны стать предпосылкой для дальнейшего развития философии. Прогноз В.И. Вернадского сбился. Первая половина XX века ознаменовалась развитием философии науки, представленная именами Б. Рассела, Э. Нагеля и др. авторов.

Но обновление человеческой мысли, вызванное развитием точных наук и естествознания в XX веке, точно так же, как и в прошлом, должно коснуться и других сфер духовной жизни человечества, в которых существовали представления о всемирной истории. Рассмотрение всемирной истории «было уделом философских и религиозных учений в прошлом. Жизнь неизбежно разбивала это стремление, но верующие, несмотря на горький опыт поколений, верят в осуществление этого идеала. С ростом науки реальное значение этой веры во всемирной истории быстро падает»⁴⁸. Неудача религиозно-философских учений в создании «всемирной истории» с точки зрения Вернадского обуславливала появление в рамках науки новой парадигмы исторического знания, основанной на учении о «ноосфере». Ею становится, в отличие от религиозно-философских учений или марксизма с его последовательной сменой «общественно экономических формаций», парадигма становления человечества в качестве «геологи-

⁴⁶ Там же. С. 32.

⁴⁷ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. С. 200.

⁴⁸ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 75.

ческой силы». Иными словами, прежние парадигмы исторического знания неизбежно уходят в прошлое, поскольку «наука меняет жизнь оказывает влияние на науки гуманитарные, а шире на жизнь человека вообще»⁴⁹. Из рассуждений Вернадского имплицитно следует, что «всемирная» история это – процесс создания единой «ноосферы» и науки, которая в XX веке должна быть способна осмыслить этот новый этап в развитии человечества: «Ибо тот же исторический процесс всемирной истории отражается в окружающей человека природе другим путем. К нему можно и нужно подойти чисто научно, оставляя в стороне всякие представления, не вытекающие из научных фактов»⁵⁰. То есть, представления старые: религиозные, исторические и философские.

Мысли В.И. Вернадского о всемирной истории, историческом детерминизме и парадигме прогресса в истории возникли в момент, когда сама историческая наука переживала кризис «националистических и европоцентристских взглядов» на историю, пытаясь понять, как например О. Шпенглер причины «упадка Запада в глобальном измерении»⁵¹. В 1930-е гг. Люсьен Февр и представители «Школы Анналов открыли новые направления в географической, экономической и социальной истории», стремясь уйти от чисто политической (а, следовательно, национальной) истории в духе Сеньобса, предлагая новую парадигму исторического знания «развивающейся сущности», которая, в частности, встретила широкую поддержку в историографии Восточной Европы⁵². Тот факт, что исторические идеи Вернадского возникли практически одновременно с поиском новых подходов внутри самой исторической науки, свидетельствовали о том, что его прогноз глобальных изменений в мире и в науке в целом оказался оправданным.

Но в своих рассуждениях Вернадский идет еще дальше, поскольку новый взгляд на исторический процесс приводил его

⁴⁹ Там же. С. 235.

⁵⁰ Там же. С. 32.

⁵¹ Companion To The History Of Modern Science. Edited by Olby R. C., Cantor G. N., Christie J. R. R. and Hodge M. J. S. London and New York: Routledge, 1990. P. 174.

⁵² Там же. P. 200, 356.

к новому пониманию таких важнейших понятий, относящихся даже в большей мере не к исторической науке, а к историософии, а именно «цель истории», ее «смысл» и «исторический детерминизм». В последнем случае, он соглашался с тем, что устоявшимся в историческом знании является представление о том, что «в общежитии обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю»⁵³. Но в XX веке «в историческом состязании, например в войне такого масштаба, как нынешняя, в конце концов побеждает тот, кто следует закону природы. Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы. Я употребляю здесь понятие «закон природы», как это теперь все больше входит в жизнь в области физико-химических наук, как точно установленное эмпирическое обобщение»⁵⁴. Основной недостаток в понимании исторического процесса он видел в том, что «до сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь»⁵⁵. В более широком плане не только историки, но представители других отраслей гуманитарного и социального знания стремились осмыслить будущее человечества, исходя не из научных фактов, а в художественной форме, рисуя «утопические картины будущего социального строя» и пренебрегая «научной обработкой социального будущего, хотя бы и в художественной форме»⁵⁶. Причиной тому являлась во многом устаревшая структура обществ, в которых статус ученых оказался принижен: «Переживаемое сейчас время – время коренной и глубокой демократизации государственного строя – правда, еще не установившейся, но уже мощно влияющей на формы этого строя, неизбежно должно поставить, но еще не поставило, коренное изменение положения науки и ученых в государственном строе». Иными словами, научная история не

⁵³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 235.

⁵⁴ Там же. С. 239.

⁵⁵ Там же. С. 236.

⁵⁶ Там же. С. 86.

может не учитывать «природной» детерминанты исторического процесса, в понимание которого ученые должны внести свой вклад. Однако, «человек не сделал еще логических выводов из новых основ современной государственной жизни»⁵⁷. И эти «основы» прямо вытекают из научного (в рамках учения о «ноосфере») понимания механизмов всемирно-исторического процесса.

Если этот процесс представляет собой путь человечества, вооруженного научным знанием, к созданию «психозойной эры», а затем эры, когда «окружающая человека ноосфера» охватывает целиком «биосферу», то в этом случае становится понятным смысл истории, заключающийся в том, что «впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях или вдохновениях, и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований. Она не сошла с тех пор с исторического поля человечества, но до сих пор далека от своего осуществления. Медленно, с многосотлетними остановками, создаются условия, дающие возможность ее осуществления, реального проведения в жизнь»⁵⁸. Эти «остановки» во многом связаны с тем, что, по словам Вернадского, на протяжении всей истории человечества шла «борьба с этим основным историческим течением», а его «идейные противники» не желали следовать в его русле. Ход истории неизбежно приведет к тому, что, хотя «государственные образования, идейно не признающие равенства и единства всех людей, пытаются, не стесняясь в средствах, остановить их стихийное проявление, едва ли можно сомневаться, что эти утопические мечтания не смогут прочно осуществиться. Это неизбежно скажется с ходом времени, рано или поздно, так как создание ноосферы из биосферы есть природное явление, более глубокое и мощное в своей основе, чем человеческая история. Оно требует проявления человечества, как единого целого. Это его неизбежная предпосылка»⁵⁹.

⁵⁷ Там же. С. 83.

⁵⁸ Там же. С. 36.

⁵⁹ Там же. С. 27.

Вместе с тем, возникает вопрос, возможен ли подобный прогресс человечества, несмотря на существующие препятствия и откаты назад, о которых свидетельствует история человечества? Ведь регресс заметен и в истории самого научного знания, которое, как отмечал В.И. Вернадский на примере России XVIII века был обусловлен спецификой социальной и культурной среды того времени. Вопрос этот весьма важен для него, поскольку в его концепции всемирно-исторического процесса парадигма прогресса занимает центральное место. «В результате долгих споров о существовании прогресса, непрерывно проявляющегося в истории человечества, можно сейчас утверждать, что только в истории научного знания существование прогресса в ходе времени является доказанным. Ни в каких других областях человеческого быта, ни в государственном и экономическом строе, ни в улучшении жизни человечества – улучшении элементарных условий существования всех людей, их счастья – длительного прогресса с остановками, но без возвращения вспять, мы не замечаем» – отмечает он⁶⁰. Именно наука сумела выработать новую «парадигму прогресса» истории, опираясь на которую человечество может выстраивать свое будущее. Как представляется, уделив основное внимание этому историческому факту, в своем общем анализе научного прогресса В.И. Вернадский переходил к анализу влияния науки на общественный прогресс. По сути дела, то обстоятельство, что наука на всем протяжении своего исторического развития сталкивалась с институциональными преградами предопределяет, благодаря победе научного знания в XX веке, неизбежные и глубинные преобразования в общественных институтах и социуме. И парадигма прогресса в трудах В.И. Вернадского в полной мере позволяет уйти от того парадокса «прогресса», с которым столкнулись, к примеру, британские историки эпохи «холодной войны», «спасая» эту традиционную для либеральной историографии концепцию и заявляя, что «в настоящее время невозможно вновь вводить идею прогресса в либеральную исто-

⁶⁰ Там же. С. 42.

риографию, не соскальзывая при этом в марксизм»⁶¹. По смыслу его учения, необходимо, изучая историю науки, выявить парадигму прогресса, отличную от той, что предложили историки, экономисты, философы или теологи, изучая исторический процесс как данность и вовне всемирной истории как истории развития человеческого вида, осваивающего «биосферу».

Таким образом, идеи В. И. Вернадского открывают новое поле для осмысления всемирной истории, поскольку она в представлении великого натуралиста, хотя и становится глобальной в определенный исторический период (XX век), всемирной она является потому, что она является тождественной истории человечества как биологического вида, а ее рамки, смысл и вектор развития определены общими природными условиями жизни человека на Земле в процессе освоения «биосферы». Бесспорно, они открывают новые горизонты развития историософии, позволяют переосмыслить парадигмы исторического процесса. В силу определенных исторических обстоятельств его работы не были учтены историками XX века, но сегодня в рамках тех дискуссий, которые не стихают среди них, они могут быть востребованы. Некоторые аспекты учения В.И. Вернадского, прямо касающиеся исторической науки, рассмотрены в настоящей статье.

Литература

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
3. Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. М.: Наука, 1988.
4. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е издание. М.: Наука, 1988.
5. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI веков. М. Круг, 2011.

⁶¹ The Oxford History of Historical Writing. volume 4: 1800–1945. Eds. Stuart Macintyre, Juan Maignuashca, and Attila P.k Oxford University Press, 2011. P. 112.

6. Companion To The History Of Modern Science. Edited by Olby R. C., Cantor G. N., Christie J. R. R. and Hodge M. J. S. London and New York: Routledge, 1990.

7. Ideology in Social Science. Readings in Critical Social Theory. Edited by. Robin Blackburn. New-York, Vintage books, 1972.

8. The Oxford History of Historical Writing. volume 4: 1800–1945. Eds. Stuart Macintyre, Juan Maiguashca, and Attila P.k Oxford University Press, 2011.

И.А. Герасимова

В.И. Вернадский и В.С. Степин о культуре науки

Статья обсуждает проблемы культуры науки, над которыми размышляли В.И. Вернадский и В.С. Степин. Несмотря на разные историко-культурные особенности времени творческой жизни, индивидуальные стили мышления двух выдающихся русских мыслителей, их концепции науки во многом созвучны. Феномен науки в трудах ученых предстает в масштабном историческом времени, отражая насыщенную борьбой динамику научного познания. Во многом перекликаются подходы мыслителей к методологическим проблемам науки, социальным и культурным факторам развития научного знания. Автор проводит реконструкцию текстов Вернадского и Степина, создавая контуры культуры науки в ретроспективе и перспективе. Введенные в научный оборот понятий ноосфера, научное мировоззрение, научная картина мира, схема мира, мировоззренческие универсалии, идеалы и нормы науки, типы научной рациональности прочно вошли в арсенал методологии науки. В гуманистическом проекте науки будущего представляет интерес идея В.И. Вернадского о научном творчестве как культуре духа.

Ключевые слова: научное мировоззрение, научная картина мира, схема мира, ноосфера, биосфера, мировоззренческие универсалии, идеалы и нормы науки, этика науки, ноосферный ученый.

С середины XIX в. вплоть до настоящих времен наблюдается невиданное ускорение всех жизненных процессов, охвативших природу и сознание человека, цивилизации и культуры. Революционной силой перманентных изменений становится научно-технический прогресс. Наиболее дальновидные ученые и философы провидчески предрекали наступление новой эры в развитии человечества. Изучая историю науки, еще в начале двадцатого века, В.И. Вернадский писал, что взрывы научного творчества периодически повторяются через столетия, но грядущий революционный период особенный. Ученый-философ предупреждал

об планетарных масштабах изменений при ускоренных темпах развития всего человечества⁶². Основатель многих наук о Земле писал, что в отличие от прежних веков наступает эпоха, когда научная мысль социального человечества становится новой геологической силой⁶³. Дальнейший ход истории подтвердил пророчества и предупреждения ученого. Со временем проявились положительные и обострились отрицательные стороны как научно-технического, так и цивилизационного и культурного развития человечества. Если поставить вопрос о магистральном векторе общей эволюции просматриваемого периода, то я бы назвала его **«поиском ценностей и устремленности к целостности»**. В самой науке наряду с дифференциацией дисциплин, неуклонно шли процессы интеграции знания, становления и развития системных подходов, появления «междисциплинарных дисциплин» и парадигм. Внедрение инновационных проектов индустриализации, электрофикации, информатизации, цифровизации привели к созданию новой среды обитания – техносфере, сопровождались перестройками общественных укладов, экономик и социально-культурной жизни. Наука сращивается с технологиями и обществом, приобретает четко выраженные черты инновационной технонауки⁶⁴. Менялось не только научное мировоззрение, но и картина мира техногенной цивилизации⁶⁵. Изобретения и промышленное освоение топливно-энергетических ресурсов решили проблему перевозок по планете сухопутным, водным и воздушным путем. С запуском первого спутника на орбиту (1959) начинается космическая эра и практическое освоение ближнего космоса. Планету охватили сети бытовых и промышленных коммуникаций, интенсивно развивается информационно-коммуникационная среда. Уже практически не осталось чисто

⁶² Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 233.

⁶³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 20.

⁶⁴ Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М., 2016.

⁶⁵ Термин «техногенная цивилизация» получает распространение в философской и социологической литературе с конца XX в. В.С.Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.

природных земель. Техно-природные комплексы, антропо-социо-природные системы и социотехнические системы стали определять ландшафты планеты. В науках о Земле утвердилось мнение о наступлении новой геологической эпохи, которую именуют антропоценом. Критерии наступления антропоцена многочисленны – результаты активной хозяйственной деятельности человека откладываются в геологических слоях, по которым будущие поколения ученых смогут определить отличительные черты этой эпохи⁶⁶. Вместе с тем пороки человеческой агрессивной природы усугублялись условиями и возможностями научно-технического прогресса. Общество потребления войдет в историю как доминирующая социальная организация техногенной цивилизации. Изменился характер войн, которые стали носить гибридный характер, сочетая непосредственно военные действия с информационной войной, манипуляциями, постправдой. Исходя из объективной логики событий, Вернадский предупреждал о качественно новой ступени развития человечества как геологической силы, но конкретный ход истории трудно было предусмотреть. Развитие человечества проходит через глобальный кризис в условиях отравления планетарной среды обитания и угрозы самоуничтожения. Устремление к устойчивости и гармонизации общепланетарной жизни заставляет переоценивать фундаментальные ценности бытия.

Творческие периоды жизни наших выдающихся соотечественников – Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) и Вячеслава Семеновича Степина (1938–2018) стали своеобразным отражением эпохи грандиозных перемен. Вернадский пережил две мировые войны, революции в России, строительство новой России, индустриализацию. Степин пережил взлеты научного оптимизма, престижа науки и образования в социальном ориентированном государстве, время перестройки, наступление глобального цивилизационного кризиса. В анналах глобальной истории сотрутся конкретные черты эпохи и потомки когда-

⁶⁶ Шешнёв А.С. Что такое «антропоцен»? // Известия Самарского ун-та. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 200–206.

нибудь скажут, что оба ученых жили в единый метамомент переходного времени. Вернадский при жизни был признан как ученый-естественник, только с годами открыли Вернадского-философа, стали осознавали значение его философских идей. Можно проследить рецепции учения Вернадского о биосфере и ноосфере по замечательной современной коллективной монографии «Русский космизм: И.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский»⁶⁷. Рецепции, которые многое говорят о самих исследователях и их времени в динамичную эпоху перемен. Вячеслав Семенович Степин особо выделял гений Вернадского. В своих трудах по философии и методологии науки он сообразно историческим условиям во многом подхватывал эстафету идей, создавая новые концепции динамики научного знания, научной рациональности, структуры научного исследования. В небольшом очерке остановим на мировоззренческих и методологических проблемах науки, которые были поставлены и обсуждались нашими соотечественниками, а также гуманистических перспективах науки как геологической силы (так как это видится автору).

Что имел в виду под «геологической силой» и «ноосферой» сам создатель оригинальной концепции?

Суть переходного периода Вернадский передал так: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую, можно назвать **энергией человеческой культуры** или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу»⁶⁸. Новая геологическая сила – это энергия разума, духа человеческого: «В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию»⁶⁹. Если принять во внимание предпосылку историчности конкретных проявлений энергий человеческой культуры, то концепты «техносфера», «культура» только с ого-

⁶⁷ Русский космизм: И.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский. М.: Политическая энциклопедия. 2022.

⁶⁸ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 132.

⁶⁹ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. С. 233.

воркой отражают понимание ноосферы Вернадским. Техносферу можно назвать материальным, механическим воплощением ноосферы в условиях техногенной цивилизации. Ноосфера и культура по смыслу близкие понятия, но не тождественные в контексте Вернадского. Степин выделял культуру техногенной цивилизации и традиционалистские культуры. Согласно распространенному мнению, в условиях полицентричного мира придерживаются принципа множественности, утверждая, что конкретные этнокультуры вносят свой вклад в общечеловеческую ноосферу. Вклад вносит и специфическая культура техногенной цивилизации. Степин считал, что диалог Запада и Востока, обмен идеями и опытом, приведет к становлению новой культуры совместного общежития⁷⁰.

Примечательно название классического труда Степина «Философская антропология и философия науки»⁷¹, в котором методолог науки отмечает взаимозависимость науки, социума и культуры. Наряду с научным познанием существуют другие способы познания, с которыми наука взаимодействует – обыденный, художественный, религиозно-мифологический, философский. Мировоззренческие универсалии составляют основу любой конкретно-исторической эпохи, оказывая влияние и на научное мировоззрение. Изучая историю науки, философские учения Запада и Востока, Вернадский на конкретных примерах прослеживал влияние всех сфер культуры на научное миропонимание.

В авторскую концепцию постнеклассической рациональности Степин вводит понятие человекоразмерности⁷², обращая внимание на то, что все антропо-социо-технические системы яв-

⁷⁰ Степин В.С. Диалог культур и поиск новых ценностей // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М., 2010. С. 76–84.

⁷¹ Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.

⁷² Понятие человекоразмерности использовал М.К. Петров в системном анализе науки. Огурцов А.П. Системный анализ науки: идеи эквивалентности и человекоразмерности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 190–204. В дальнейшем оно вошло в научный оборот синергетики и методологии сложности. См., например, Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011.

ляются человекоразмерными⁷³. В связке «наука-технологии-общество» именно человек науки, личность ученого, становится альфа и омегой ответственного деятеля планетарной эволюции. Характерные черты культуры науки можно обнаружить как в текстах Вернадского, так и Степина.

Культура науки. Наука настоящего и наука будущего. Что об это писали два мыслителя? И какие образы науки можно предложить в гуманистической перспективе?

И Вернадский и Степин сходились во мнении, что наука взаимодействует с другими сферами культуры на уровне мировоззрения. Вернадский задолго до отечественной философии науки поставил вопрос о социокультурных основаниях картины мира⁷⁴. Ученый использует как синонимы термины картина мира и научное мировоззрение. Изучение истории науки привело Вернадского к многозначительным выводам: постоянная динамика не исключает ошибок, распространены чисто фиктивные создания человеческой мысли – «леса научных исканий», возможна инволюция в познании, когда истинные положения заменялись на ложные. Наука как социальный институт неоднородна, более того, очевидна ярая борьба за новое мировоззрение, когда «многие исследователи гибнут в этой борьбе»⁷⁵. Вернадский писал об отражении условий внешней среды в господствующем мировоззрении, влиянии историко-культурного фона представлений на научное мировоззрение: «Научное мировоззрение не есть научно истинное представление о Вселенной – его мы не имеем. Оно состоит из отдельных известных истин, из воззрений, выведенных логическим путем, путем исследования материала,

⁷³ «медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы “человек – машина” (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т.д.), – пояснял Степин. См. *Степин В.С. Диалог культур и поиск новых ценностей // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М., 2010. С. 82.*

⁷⁴ Как это часто случается в процессах коллективного смыслопорождения, содержание понятие было сформулировано, но конкретная терминология введена в научный оборот позднее.

⁷⁵ *Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. С. 68.*

исторически усвоенного научной мыслью, из извне вошедших в науку концепций религии, философии, жизни, искусства – концепций, обработанных научным методом»⁷⁶. В одной фразе мыслителя проявились проблемы научного мировоззрения, культурных коммуникаций и методологии науки.

Вернадский поставил вопрос о необходимости регулятивной общенаучной картине мира, которая получается из складывания отдельных частных явлений в одно целое, охватывающее естественные, гуманитарные и социальные науки⁷⁷, но эта цель до сих пор не достигнута и остается стратегическим идеалом⁷⁸. Степин создал ставшую хрестоматийной модель структуры научного знания, включая эмпирические знания, теории и основания науки. В основания науки вошли: общенаучная и специальная научная картины мира, философские основания науки, идеалы и нормы науки⁷⁹. Степин высоко оценивал способность Вернадского «видеть проблемы комплексно и глобально» (С.Р. Микулинский), В науках о Земле Вернадский доказал связь с геологии с физикой, химией, биологией, в учении о биосфере и ноосфере Вернадский заложил основы новой системной методологии: «Фактически Вернадский довольно четко фиксировал один из типов научной картины мира – естественно-научную картину мира – в качестве особой формы систематизации и синтеза знаний, получаемых в науках естественно-научного цикла», – писал Степин⁸⁰.

Ответ на вопрос о независимости науки, хотя и относительной, неоднозначен. Интеграция технаучки и общества порождает новые социальные феномены – Большую науку (Big Science, где переплелись интересы государства, бизнеса, экономики, общества и науки), социальную экспертизу, гражданскую науку и движение научных волонтеров. Открытия и изобретения науки,

⁷⁶ Там же. С. 68–69.

⁷⁷ Там же. С. 43.

⁷⁸ *Герасимова И.А. Перспектива общенаучной картины мира: тенденции и коллизии // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 5. № 3. С. 6–18.*

⁷⁹ *Степин В.С. Философская антропология и философия науки. С. 88–135.*

⁸⁰ *Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М., 2015. С. 285.*

доведенные до конкретного проекта, воплощаются в новых технологиях, изменяя мир, получая одобрение или неодобрение со стороны общества. Интересы бизнеса, менеджеров и ученых в обществе потребления могут не совпадать и, как правило, конфликтуют. Встает проблема гармонизации уровня знаний и приоритетов ценностей в сложнейшем организме Большой науки. Становится очевидным, что потребитель должен быть интеллектуально развит и образован в условиях рисков инновационной экономики. Выход может быть только один – забота о планете должна стать заботой о культуре всего человечества, ставшего геологической силой. Вместе с тем, без свободы мысли научный поиск и прогресс знания невозможны. Свобода мысли не может быть ограничена внешними условиями наличного состояния социального сознания⁸¹ и сложившегося научного мировоззрения. Научная культура (или этос науки) предполагает дискуссии, критическую проверку идей и проектов наряду с выдвиганием самых смелых альтернативных идей. Для выполнения учеными их миссии в обществе требуется создание социальных условий полноценной творческой работы.

Обсуждение вопросов о ценностях бытия и построение позитивных сценариев будущего предполагают учет реалий интеграционных процессов сращивания науки, технологий и общества, диалога представителей науки и других сфер культуры. В трансдисциплинарном диалоге в последнем случае важно прояснение разных картин мира (схем мира), и по возможности согласование языков. В поисках ценностей есть фундаментальные проблемы. Прежде всего это – взаимосвязанные вопросы о природе человека и его сознания, назначении человека на планете, особенностях переживаемого витка эволюции. В зависимости от того, как понимается природа человека, будет пониматься и «культура духа человеческого». Согласно распространенной установке – человек существо биологическое и социальное. Духовное начало проявляется главным образом в нравственном поведении. Согласно религиозным представлениям, восточной фило-

⁸¹ Степин противопоставлял научный и обыденный типы познания.

софской мысли (основанной на практиках реализации внутреннего человека), западным течениям неоплатонического характера, русской философской традиции Серебряного века, ядро человеческой личности составляет духовное начало и потенции не только интеллектуального, но и духовного развития. «Культура духа человеческого» в последнем случае связывается с постулированием в картине мира внутренних субъективных пространств, беспредельности эволюции, неизбежности нового витка эволюции, когда человечеству суждено стать геологической силой с привнесением духовного чувства в разум интеллектуального типа. Следуя идее Вернадского о том, что культурные концепции «обрабатываются научным методом», обсудим вопрос о ценностях науки техногенной цивилизации и культуре «ноосферного ученого» будущего. Личность ноосферного ученого должна соответствовать развитому сознанию планетарного уровня, что предполагает осознание единства человека и планетарной среды (их коэволюцию), чувство ответственности за планету, хозяйскую заботу о состоянии геоболочек и биосферы, искусство управления сложными средами антропо-социо-техноорганизма. Прав был Вернадский, утверждая, что не только наука, но и все человечество становится геологической силой. Все человечество несет ответственность за свое развитие и свою планету.

Среди основных ценностей науки техногенной цивилизации Степин называл установки «на поиск истины и постоянное наращивание истинного знания»⁸². Эти фундаментальные установки связаны, по его мнению, с предметностью и объективностью знания, а также с нацеленностью науки «на изучение все новых объектов, безотносительно к наличным возможностям их массового практического освоения»⁸³. Последнее качество отражает принцип свободы мысли в условиях постоянной инновационной деятельности и идеал служения истине вопреки любым препятствиям. Отсюда в этосе науки есть запрет на фальсифика-

⁸² Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 562.

⁸³ Там же.

ции и плагиат. В проектах будущей культуры «ноосферного ученого» идеал служения истине стоит уточнить в отношении новых качеств ноосферного сознания. Забота о планете предполагает расширение сознания до понимания (схватывания целого), развития способности прогнозировать последствия результатов инноваций в сложных и неоднородных природо-техно-социосреддах. Маяком будущего становится синтез идеалов Истины, Добра и Красоты. Именно чувство, а не интеллект отвечает за восприятие целого (эстетическое чувство) и направленность действий на благо или зло (нравственное чувство внутреннего человека). Способность синтеза знания и красоты развивается культурой, в воспитании культурой утончаются качества личности творца, совершенствуются когнитивные способности – восприятие, эмоции, мышление, интеллект, интуиция, память⁸⁴. В духовной литературе различали ум (интеллект) и разум (мудрость). Мудрость – качество ума духовно развитого человека, на дорефлексивном уровне схватывающего суть вещей, их взаимосвязи и гармоничные ритмы Целого.

Положение «Сначала – культура, а потом специализация» должно стать приоритетным в воспитании и образовании молодого поколения ученых.

Ярким примером утончения качеств сознания личности ученого может служить Владимир Иванович Вернадский. Изучая духовную и философскую литературу и имея собственный опыт «живого знания» (И.С. Хомяков) и «чувствознания» (Н.К. и Е.И. Рерихи), основатель учения о ноосфере ставил проблему нового типа личности ученого. Он придавал особое значение личному опыту знания-переживания, эмпатического единения с природой и другими людьми, созерцанию творений искусства⁸⁵. Его дочь Н.В. Вернадская-Толль вспоминала: «В Вернадовке отец учил слушать землю – прикладывать ухо к земле и слушать приближение поезда, которое по воздуху ухо не ловило. Мы там ходили

⁸⁴ Герасимова И.А. Красота как основа синтеза в науке будущего // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига. М., 2023. С. 410–434.

⁸⁵ Солодухин Д.В. Роль интуиции в жизни и учении В.И. Вернадского // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLII, № 4. С. 155–170.

в леса и собирали грибы и слушали лес. И каждое мгновение он учил смотреть и слушать и быть частью поля, леса. Мы выходили после захода солнца, и он учил меня узнавать созвездия и сознать человека как часть мира. Он так много знал и помнил о разных вещах!»⁸⁶. По его словам, решение научных задач происходило после прогулок, снов, спонтанных видений, прослушивания музыки. Он имел, как сегодня говорят, ноуменальный (мистический) опыт. Пришло ясное осознание целостности бытия и различных фокусов восприятия этой целостности. О своих поисках истины (уточним: экзистенциальной истины) Вернадский писал в Дневниках: «эти явления [образы внутренних переживаний – И.Г.] являются проявлением единого вечного целого и я познаю одно и то же научным исканием, религиозным и поэтическим вдохновением, мистическим созерцанием, философским мышлением»⁸⁷. «Мысль образами и картинками, целыми рассказами – обычная форма моих молчаливых прогулок или сидений. Поэтому и в том, что получилось во время болезни, надо отличать случайную **форму** от неожиданного **содержания**, в котором оно выявилося»⁸⁸.

В научном познании, с требованиями критической проверки замыслов и доведенных до детализации идей и проектов, ценности интеллектуальных и моральных идеалов и норм научного исследования дополняются ценностями творчества духа. «Духовная энергия научной мысли» в ноосферной культуре становится ведущей. Примечательно, что Степин, выдвигая идею постнеклассической рациональности не отрицал прежние этапы эволюции научной рациональности, а включал их в постнеклассику. По аналогии можно сказать, что ценные достижения культуры творчества в практиках развития внутреннего человека, должны быть ассимилированы научным творчеством будущего

⁸⁶ В.И. Вернадский: Pro et contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998) / Под ред. А.Л. Яншина, сост. А.В. Лапо. СПб., 2000. С. 156.

⁸⁷ Вернадский В.И. Дневники 1917 – 1921 гг. Кн. 2. Январь 1920 – март 1921 г. Киев, 1997. С. 33.

⁸⁸ Там же. С. 34.

без потери ценных установок в исторически проверенной методологии и экспериментальной работе науки.

Путь формирования качеств ноосферного синтеза развивает сознание отдельных личностей, но в эволюционно значимой фазе решающее значение имеет коллективный разум ученых. Междисциплинарные, мультидисциплинарные и трансдисциплинарные коммуникации в науке создают новые формы коллективного мышления. В когнитивном аспекте любые интеллектуальные формы научных дискуссий являются способами организации научного исследования. Духовные качества в коллективном творчестве проявляются в спонтанном коллективном смыслопорождении⁸⁹. Психологи различают разные уровни человеческого общения – от примитивного и формального до душевного и духовного. Любое мысленное сотрудничество предполагает интеллектуальную деятельность. Душевный диалог возможен при «созвучии сознаний», когнитивном комфорте. Духовно развитые личности на высоком уровне общения достигают «слияния сознаний»⁹⁰.

Столь высокие требования к ноосферному сознанию могут показаться утопичными на фоне моральной, эмоциональной и интеллектуальной деградации в условиях кризиса. Но именно переориентация на приоритетное развитие культуры будет отвечать основному вектору глобальной эволюции, и в том числе и когнитивной эволюции. Если развивать эти идеи дальше, то можно дополнить образ ноосферного ученого новыми чертами: проникновенное понимание на глубинном уровне психики (понимание в духе); признание мысли как энергии, эмпатическая связь с пространственной мыслью⁹¹; способность резонанса в спонтанном диалоге; освоение коммуникативных ступеней

⁸⁹ Проблемам сочетания интеллекта и спонтанности, свободы и рациональности, практикам создания творческих пространств посвящен коллективный труд «Свобода и творчество (междисциплинарные исследования)» / Под. ред. И.А. Герасимовой. М., 2011.

⁹⁰ Эффекты слияния сознаний теоретически можно прояснить ссылкой на квантовые теории сознания. На квантово-полевым уровне мироздания все связано со всем.

⁹¹ Мысль гениев науки и культуры, отражая состояние эпохи и ориентиры будущей эволюции, созидала в пространственном масштабе.

взаимодействий сознаний – согласования, созвучия и слияния; чуткое различение добра и зла; синтез идеалов истины, добра и красоты; способность управлять иерархическими уровнями психики (тело, сознание и восприятие, воля и высшие озарения). Одухотворение интеллекта и формирование ноосферного сознания – стратегические аттракторы новой эволюционной ступени развития человечества. По мысли русских космистов, именно одухотворенная наука должна стать ведущим началом в возрождении и преобразении сознания человечества. Остается осмыслить ценности позитивной науки и ценности совершенствования внутреннего человека в духовных практиках.

Литература

1. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981.
2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
3. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 303 – 311.
4. Вернадский В.И. Дневники 1917 – 1921 гг. Кн. 2. Январь 1920 – март 1921 г.. Киев: Наукова думка, 1997. 271 с.
5. В.И. Вернадский: Pro et contra. Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998) / Под ред. А.Л. Яншина, сост. А.В. Лапо. СПб., 2000. 872 с.
6. Герасимова И.А. Перспектива общенаучной картины мира: тенденции и коллизии // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 5. № 3. С. 6–18.
7. Герасимова И.А. Красота как основа синтеза в науке будущего // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига. М.: Изд-во «Институт общегуманитарных исследований». 2023. С. 410–434.
8. Огурцов А.П. Системный анализ науки: идеи эквивалентности и человекообразности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVII. № 3. С. 190–204.

9. Русский космизм: И.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский. М.: Политическая энциклопедия. 2022. 694 с.

10. Свобода и творчество (междисциплинарные исследования)» / Под. ред. И.А. Герасимовой. М.: Альфа-М, 2011. 368 с.

11. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. К 70-летию В.И. Аршинова. М.: Прогресс-Традиция. 2011. С. 495.

12. Солодухин Д.В. Роль интуиции в жизни и учении В.И. Вернадского // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLII, № 4. С. 155–170.

13. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа. 1992. 191 с.

14. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. 274 с.

15. Степин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 560–566.

16. Степин В.С. Диалог культур и поиск новых ценностей // Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 76–84.

17. Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. 716 с.

18. Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. 414 с.

19. Шешнёв А.С. Что такое «антропоцен»? // Известия Самарского ун-та. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 200 – 206.

М.А. Иванов

В.И. Вернадский о войне, науке и прогрессе

В статье анализируются взгляды Вернадского на взаимосвязь войны и прогресса науки. Особенность методологической позиции Вернадского, по мнению автора, заключается в сочетании строго научного подхода и ноосферного осмысления указанной тематики. Вернадский выявляет объективный механизм взаимодействия войны и науки: открытые наукой силы природы используются в военных целях; потребности войны ускоряют развитие науки и ее военных приложений; этот процесс делает войны все более разрушительными и угрожает существованию человечества. Война не только стимулирует, но и разрушает науку (ограничивает научные коммуникации, искажает ее интернациональную сущность и др.). Это противоречивое воздействие ставит ученого перед сложными дилеммами. Патриотическая и государственная вовлеченность, как отмечает Вернадский, побуждает ученых работать на войну, что ослабляет их отношение к науке как к общечеловеческой ценности; усиленная наукой война приводит к массовой гибели людей, другим негативным последствиям, что вызывает моральные страдания ответственных работников науки. Утверждая, что наука не может остановить войны, Вернадский, вместе с тем, указывает на важность антимилитаристской активности ученых. Раскрывая объективные основы исчезновения войн из жизни ноосферы, Вернадский постулирует необходимость этической составляющей в деятельности научных работников, соотношения научной деятельности с более совершенным устройством общества. Исследование взглядов Вернадского на соотношение войны и науки показывает оригинальность, глубину и всесторонность подхода русского ученого. По мнению автора, выявленные Вернадским механизмы взаимодействия войны и прогресса науки, рассмотренные на объектном и субъектном уровнях в контексте ноосферного подхода, способны быть инструментами осмысления, объяснения и управления соответствующими явлениями реальности.

Ключевые слова: В.И.Вернадский, наука, прогресс науки, война, ноосфера, научная этика, будущее человечества.

Тема взаимоотношения войны и науки занимала важное место в жизни и творческих исканиях В.И. Вернадского. Вернадский пережил две мировые войны XX века, революционные события и гражданское военное противостояние в России в начале двадцатого столетия. Вернадский смотрел на войну как очевидец – человек, глубоко воспринимающий происходящее; как ученый, стремившийся вскрыть объективные основы войн; как носитель нового ноосферного мировоззрения, охватывающего глобальное время биосферной и социальной жизни.

Оригинальность и многогранность такого подхода очевидны.

Общие вопросы отношения Вернадского к войне и места войны в жизни общества проанализированы в исследовательской литературе⁹².

В настоящей статье мы рассмотрим главным образом взгляды Вернадского на соотношение войны и научного прогресса. Эта проблематика теснейшим образом связана с учением о ноосфере. В какой степени наука, развивая военные приложения, влияет на ноосферу? Каковы риски и пределы научно-военных разработок? Может ли наука не участвовать в работе на войну? Какова судьба войн в эволюции ноосферы? Круг этих вопросов, затрагиваемых Вернадским, весьма актуален.

Войну Вернадский называет «величайшим преступлением», проявлением «варварства человечества» (о первой мировой) [Т. 10, с. 30, 165]⁹³, «массовым убийством» [Т.12, с. 67]⁹⁴, «очисти-

⁹² См.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863 –1945) / Отв. ред. Ю.А. Жданов. М., 1982. С. 346–399; Жарков Д.А. Война и наука. / Сборник тезисов работ международной молодежной научной конференции XLIX Гагаринские чтения 2023. М., 2023. [Электронное издание]. С. 762–764 .URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://gagarin.mai.ru/files/2023/abstracts2023.pdf (Дата обращения 14.09.2023).

⁹³ Вернадский В.И. Собр. соч. В 24 т.; под ред. академика Э.М. Галимова; М., 2013; Научная мысль как планетное явление. Т. 10. Далее при цитировании работ Вернадского ссылки на данное издание приводятся в тексте с указанием в скобках номера тома и страницы.

тельной грозой», способной вести к новому состоянию[там же]; социальным событием исторического и геологического масштаба [Т.9, с. 353]⁹⁵.

К такого рода выводам Вернадский приходит в различные периоды своего жизненного и творческого пути.

В 1915 году, в разгар первой мировой войны, он публикует статью «Война и прогресс науки». Ему чуть более 50 лет, концепция биосферы и ноосферы еще не создана. События первой мировой войны он исследует не в свете этой теории – он опирается на реальные факты, ищет объективную природу войн и ее проявление в конкретных исторических условиях, анализирует основы и следствия взаимосвязи войны и науки.

Война, пишет Вернадский, «возбуждает научное творчество, направляет силы и мысль исследователей в новые области научных исканий» [Т. 13, с. 197–198]⁹⁶. В условиях войн «подымается в среде человечества индивидуальная творческая и изобретательская работа» [там же]. Причем это воздействие происходит не только в сфере военных приложений науки. Первая мировая война «до очевидности для всех выяснила крайнюю неизученность России» [13, с. 245]⁹⁷, «... в разгаре войны выяснилось, что в царской России не было точных данных о так называемом теперь стратегическом сырье, и нам пришлось быстро ... покрывать недочеты нашего знания. [Т. 9. с. 353]⁹⁸. Были осуществлены различные организационные и структурные изменения в научной сфере, созданы новые институты и лаборатории, образована "Комиссия по изучению производительных сил" России (КЕПС), новый импульс получила работа радиологической лаборатории (создана по инициативе Вернадского в 1910 г).

⁹⁴ Вернадский В.И. Записка об организации научной работы. Собр соч. Т. 12. Организация науки. 2013.

⁹⁵ Несколько слов о ноосфере. Собр. соч.: в 24 т., Т. 9. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. Биосфера и ноосфера. 2013.

⁹⁶ Война и прогресс науки / Собр. соч. Т., 13. В.И. Вернадский – общественный деятель и публицист С. 196–205.

⁹⁷ Задачи науки в связи с государственной политикой в России. Собр. соч., Т. 13. С. 241–250.

⁹⁸ Несколько слов о ноосфере. Собр. соч. Т. 9.

Относительно своего научного творчества Вернадский замечает: «Первая мировая война 1914–1918 гг. лично в моей научной работе отразилась самым решающим образом. Она изменила в корне мое геологическое миропонимание. В атмосфере этой войны я подошел в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы – к геохимическому и к биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения [там же, с. 353].

Вернадский указывает на невиданное ранее применение научных знаний для целей войны. Это касается военной стратегии и тактики, средств связи, разработки различных видов вооружения и т.п. [Т.13, с.197]⁹⁹. Такое участие науки и научных технологий в значительной степени интенсифицировало военные действия, привело к колоссальным разрушениям, гибели огромного количества людей, сделало две мировые войны XX века не только глобальными историческими событиями, но и геологическими явлениями [Т. 9, с. 353]¹⁰⁰.

Вернадский показывает механизм взаимодействия и взаимосодействия войны и науки: научные исследования открывают силы природы, этот процесс неизбежен и «несомненно не остановится, а будет идти дальше до конца» [Т.13, с. 198]¹⁰¹; силы природы (иногда вне зависимости от творцов науки) используются в военных целях; потребности войны, стимулируют и ускоряют развитие науки и ее военных приложений. И этот стимул огромный. Война демонстрируя силу и значение науки [Т. 13, с. 243]¹⁰², наука преобразует мощь природы в военных технологиях.

По мнению Вернадского, участие науки в военных разработках будет только возрастать: «Мы находимся еще в самом начале достижимых научных приложений к военному искусству [Т. 13, с. 198]. Открытые с помощью научной мысли силы природы будут

⁹⁹ Война и прогресс науки/ /Вернадский В.И. Собр. соч., Т. 13. С.196–205.

¹⁰⁰ Несколько слов о ноосфере. Собр. соч., т. 9.

¹⁰¹ Война и прогресс науки. Собр. соч., т. 13.

¹⁰² Задачи науки в связи с государственной политикой в России. Собр. соч., т. 13. С. 241–250.

использоваться в военном применении, и это приведет к страданиям, разрушениям, гибели людей, во многом превосходящим страдания войны 14–15 годов [там же]; «...приложения точного знания к военному искусству будут расширяться, ... новая война встретится с такими орудиями и способами разрушения, которые оставят далеко за собою бедствия военной жизни 1914–1915 годов» [там же].

Вернадский отчётливо понимает объективную логику событий: сложившееся взаимоотношение науки и войны приведет к самоистреблению человечества.

Могут ли ученые (или наука) не участвовать работе на войну? Интерпретируя Вернадского, можно сказать, что не могут. К участию в военных разработках их будет толкать «и дух приподнятого патриотизма и ...сознание государственной необходимости... правильно или неправильно понятое». «Научное развитие не остановит войны, являющейся следствием разнообразных причин, не доступных влиянию научных работников. Нельзя делать иллюзий. Война, ныне поднятая, не явится последней...» [там же].

Что может сделать в этих условиях наука и сообщество ученых? Вернадский обращает внимание на разработку технических средств защиты от разрушений, на работы на оборону [там же, с. 198, 199]. Однако и эта, в определенной степени гуманная, направленная на сдерживание военных действий сторона научной деятельности, не остановит войны. Вернадский пишет в этой связи об «утопичном стремлении прекратить войны». Также утопичным является стремление прекратить войны с помощью религиозного или нравственного воспитания, указания на непомерные экономические затраты, жертвы, чувство самосохранения: «Все эти средства оказались далекими от жизни, исчезли, как дым, при решении – с какой-нибудь стороны – начать войну» [там же, с. 199].

Факты и объективная логика событий, рисуемая Вернадским, может привести к мысли, что ученые являются заложниками войны, а наука – служанкой войн. И в определенной степени мы вынуждены согласиться с этим выводом. Однако Вернадский

не считает себя фаталистом и не опускает руки перед, казалось бы, неизбежным.

Силам войны, полагает он, нужно противопоставить силу человеческого духа и «более совершенную общественную организацию» [там же, с.168]. Необходимы политические действия, организация антивоенных ассоциаций, многое в успехе такой работы «в известном смысле зависит от всех нас» [Т.12, с. 67]¹⁰³. Вернадский обращается к моральному чувству ученых и их ответственности за результаты своей деятельности. В 1922 году, обсуждая возможности использования атомной энергии, он замечает: «Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? ...Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса» [Т. 13 с. 332]¹⁰⁴.

Однако противоречие должного и реального остается. Вернадский вполне понимает, как мы видели, что есть объективные факторы, которые заставляющие ученых работать на войну.

Подчеркивая роль войны в прогрессе науки, Вернадский видит и обратную сторону этого процесса, - война не только двигатель науки, но и ее ограничитель. Можно сказать: в стимулирующей науку войне есть условия для антивоенной направленности науки. «Война 1914–1915 годов наложила свою тяжелую руку и на развитие науки»: нарушила привычное мирное ее развитие, приостановила определенные виды научных работ, привела к гибели тысячи молодых людей – потенциальных ученых, в том числе и гениальных» [Т.13, с. 198–200]¹⁰⁵.

Наиболее сильное негативное воздействие войны, по мнению Вернадского, связано с разрушением коммуникации ученых, затруднением обмена научными данными и результатами исследований: «...идейное, личное и рабочее сближение научных работников по всему миру» ... оборвалось сразу и внезапно с началом войны», пишет ученый в 1915 году [там же]. Война

¹⁰³ Записка об организации научной работы. Собр. соч. Т. 12. Организация науки.

¹⁰⁴ Об ответственности ученых. Собр. соч. Т. 13.

¹⁰⁵ Война и прогресс науки. Собр. соч. Т.13.

возбудила дух вражды и ненависти между исследователями противоборствующих стран, привела к психологическим и моральным травмам вследствие осознания учеными своей причастности к гибели людей, разрушениям и преступлениям, которые происходили не без участия науки и ученых [Т.10, с.72]¹⁰⁶.

Война и работа на войну крайне негативно отразилась на сущности научной деятельности. Вернадский понимает научную работу прежде всего как над-национальную, над-государственную деятельность. Развивая науку своей страны, (а Вернадский очень много сделал для российской науки), ученый служит вместе с тем и мировой науке. Научные достижения интернациональны. Их используют люди разных стран и народов вне зависимости от их национальных, ценностных и культурных различий. «В научной среде, – пишет Вернадский, – человек, казалось, хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества» [Т.13, с. 200]. Другой стороной своей культуры и души ученый связан со своей страной, государством, нацией. И эти стороны ученого могут быть рассогласованы и вступать в противоречия. Логикой своих рассуждений Вернадский инициирует мысль об обратной зависимости между национально-социальными и общенаучными ориентациями ученого: «...реальные интересы науки – общечеловеческие – поблекли или отступили на второе место перед велениями социального или государственного патриотизма», – пишет он, характеризуя развитие науки в связи с ростом государств в XIX–XX вв. [Т. 10, с.71]¹⁰⁷. Эта зависимость фактически приводит, как мы полагаем, к своеобразной *дилемме ученого*: отдавать приоритет науке как общечеловеческой ценности и не участвовать в военных разработках, или, ориентируясь на «приподнятый патриотизм» и государственные и национальные интересы, работать на нужды войны.

Конечно, эта дилемма может быть снята множеством обстоятельств: сознанием справедливой войны, спецификой исто-

¹⁰⁶ Научная мысль как планетное явление. Собр. соч. Т. 10.

¹⁰⁷ Научная жизнь как планетное явление. Собр. соч., т. 10.

рического момента, желанием избежать больших бед для человечества или защитить свою страну от потенциального агрессора; намерением изобрести такие средства войны, которые делают ее бессмысленной и неприемлемой. Исторически такого рода обстоятельства находили реальные проявления в жизни и научной работе многих выдающихся ученых (Ф. Габер (1863–1934), А. Эйнштейн (1879–1955), Р. Оппенгеймер (1904–1967), И. Курчатов (1902–1960), А. Сахаров (1921–1989), Э. Теллер (1908–2003))¹⁰⁸. Вернадский участвовал в советском атомном проекте и допускал исследование ядерной энергии не только в мирных, но и военных целях¹⁰⁹.

Таким образом, война противоречиво воздействует на науку: она возбуждает научную мысль и научное творчество и накладывает на развитие науки свою «тяжелую руку». Какое из этих из этих противоположных направлений окажется могущественнее и какова перспектива этого взаимодействия? Ответ на этот вопрос остается открытым.

Анализ проблемы войны и науки Вернадским показывает, что без науки и ее приложений войны в XX веке не были бы глобальными (мировыми), столь разрушительными и губительными для миллионов людей. Фактически на примере войны, как определенного социального явления, Вернадский иллюстрирует усиливающуюся роль науки как первоосновы динамики многооб-

¹⁰⁸ Эйнштейн называл себя воинствующим пацифистом и вынужден был участвовать в инициировании работ по созданию атомной бомбы (письмо Рузвельту, 2 августа 1939г), / Национальная идея: Статьи. <https://web.archive.org/web/20090218032046/http://nationalidea.am/articles.php?id=117> (Дата обращения 29.08.2023); Сахаров признавал, «какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались» и чувствовал себя солдатом войны научно-технической», предлагал, по словам В. Фалина, окружить побережья Америки сетью атомных бомб. / Журнал "Коммерсантъ Наука" №23 от 23.06.2021 – <https://www.kommersant.ru/doc/4867218> (Дата обращения 09.09.2023); Фалин В. США и агония СССР: почему Сахаров предлагал окружить США ядерными зарядами. <https://regnum.ru/article/1450687> 29 сентября 2011 (Дата обращения 09.09.2023); Дайсон Ф. Оружие и надежда: Пер. с англ./ М., 1990. С. 288. (16. Пацифисты. С. 183–194).

¹⁰⁹ Горелик Г.Е. В.И. Вернадский и советский атомный проект // «Знание – Сила», 1996, № 3–4.

разных процессов реальности и, вместе с тем, предопределяет одну из важнейших глобальных проблем человечества, ставшую очевидной в связи с созданием военных средств массового поражения во второй половине XX века. Можно сказать, война раскрывает ноосферную природу науки и выступает определенным кластером реальности, угрожающим существованию ноосферы.

Учитывая все большую вовлеченность научных исследований в военные разработки и усиление разрушительной силы средств войны, динамика этого противоречия потенциально может уничтожить и саму науку, и человечество. Этот процесс фактически показывает предельные границы взаимоотношения войны и науки.

Оценивая методологические основания взгляда Вернадского на взаимоотношение войны и прогресса науки, следет отметить, что они характеризуются жесточайшим реализмом, стремлением к объективности, ориентацией на факты и обобщения, полученные только на основе фактов; отграничением от философских спекуляций, теологизма и морализаторства. Вместе с тем, говоря о будущем, эволюции биосферы в ноосферу, он методологически вступает на внеэмпирическую почву историософии. Подход Вернадского сочетается также с личностной позицией, подчеркиванием роли субъекта как активной действующей силы процессов реальности, а также глобальным взглядом на развивающуюся природную и социально-историческую действительность.

Мы полагаем, что указанные методологические и научные основания позволили Вернадскому выявить объективные инвариантные механизмы взаимодействия войны и прогресса науки в контексте ноосферного видения, что делает их актуальным инструментом осмысления, объяснения и управления соответствующими явлениями реальности.

Позиция Вернадского по отношению к перспективам войн со временем меняется. Она становится более оптимистичной. В 1915 году на вопрос: сможет ли мир избежать новой кровавой бойни? – он говорит о невозможности предсказания, указывает

на обстоятельства: зависимость от политических итогов войны, умирения милитаризма Германии, морального негодования и, месте с тем, полагает, что происходящая война не является последней, допускает самоистребление человечества [Т. 13, 198-199]¹¹⁰.

В 1944 году его вывод о будущем войн в истории человечества претерпевает изменения. На основе теории Биосферы, он заключает об исчезновении войн из человеческой цивилизации, из жизни ноосферы. Это случится вследствие объективных факторов, единения человечества, единства общества и природы под воздействием научной мысли как планетного явления; «...разумная воля неизбежно пойдет по пути прекращения войн», «так как он отвечает естественной тенденции геологического процесса». Никакие зигзаги истории и субъективные действия не смогут этому помешать. [Т. 10, с. 14, 104]¹¹¹.

В таком выводе можно было бы увидеть элементы предопределенности и историцизма. Однако этот вывод дополняется и уравнивается в учении Вернадского субъективной составляющей, в которой немаловажная роль отводится ученым и научному сообществу. Вернадский предполагал создать научную мораль, отличную от существующих видов этики, этику, ориентирующую деятелей науки на заботу о будущем [там же, с. 72]. Важнейшие компоненты такой этики:

Быть ответственным за результаты всех своих исследований;

Связывать свою деятельность с более совершенным устройством общества;

Участвовать (ученым) в научно-профессиональных, политических и государственных организациях с целью обуздания войн и милитаризма. Эти положения в той или иной степени нашли отражение в последующей теории и практике антивоенных выступлений ученых¹¹².

¹¹⁰ Война и прогресс науки. Собр. соч. Т. 13.

¹¹¹ Мысль как планетное явление. Собр. соч. Т. 10.

¹¹² Манифест Рассела–Эйнштейна. Эйнштейн А. Мир, каким я его вижу. М., 2013. с. 216–221; Лебедев М. А. К 50-летию Пагуошского движения // Экология и жизнь. 2007.

Заключительные строки последней прижизненной публикации Вернадского гласят: «Можно смотреть на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [Т. 9, с. 360]¹¹³. В этом высказывании есть не только оптимизм, но и вера в активность человека и его способность влиять ход истории.

Со времени ухода Вернадского из жизни прошло без малого 80 лет. За этот небольшой по историческим меркам период произошло огромное количество событий и изменений в ходе развития человечества: было создано атомное оружие и впервые применено американцами в войне с Японией (1945), мирный атом стал служить человечеству; не без некоторого успеха государственные политические образования научились договариваться в вопросе сдерживания гонки вооружений и милитаризации. Подтвердилась и приняла наглядные очертания ключевая мысль Вернадского о науке как фундаментальной основе человечества и огромной силе, ускоряющей его развитие; несомненна и потребность в ноосферном мироустройстве реальности и т.п. И тем не менее, проблема связи войны, науки и прогресса, о которой размышлял Вернадский, продолжает существовать, обостряться, требовать своего решения. Проницательность и оптимизм Вернадского, надо полагать, вселяют в нас надежду в продвижении к этой цели.

Литература

1. Вернадский В.И. Собрание сочинений. В 24 т. / В.И. Вернадский; под ред. академика Э.М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. М.: Наука, 2013.

2. Горелик Г.Е. В.И. Вернадский и советский атомный проект // «Знание – Сила», 1996, № 3–4.

3. Дайсон Ф. Оружие и надежда: Пер. с англ./ М: Прогресс, 1990. С. 288.

№ 10, 11 (см. <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=44682c7a-7ec0-4839-9074-1fff9162dfc6> (Дата обращения, 12.09.2023).

¹¹³ Несколько слов о ноосфере. Собр. соч., т. 9.

4. Жарков Д.А. Война и наука. / Сборник тезисов работ международной молодежной научной конференции XLIX Гагаринские чтения 2023. М.: Издательство «Перо», 2023. [Электронное издание]. С. 762–764 .

URL:chromeextension://efaidnbnmnnibpcajpcglclefindmkaj/http://gagarin.mai.ru/files/2023/abstracts2023.pdf (Дата обращения 14.09.2023).

5. Лебедев М. А. К 50-летию Пагуошского движения // Экология и жизнь. 2007. № 10, 11. <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=44682c7a-7ec0-4839-9074-1fff9162dfc6> (Дата обращения, 12.09.2023).

6. Лескова Н. «Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались». Исполнилось сто лет со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова.../ Журнал "Коммерсантъ Наука" № 23 от 23.06.2021 <https://www.kommersant.ru/doc/4867218> (Дата обращения 09.09.2023)

7. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) / Отв. ред. Ю. А. Жданов. – М.: Наука, 1982. 488 с.

8. Фалин В. США и агония СССР: почему Сахаров предлагал окружить США ядерными зарядами.

<https://regnum.ru/article/1450687> 29 сентября 2011 (Дата обращения 09.09.2023).

9. Эйнштейн, А. Мир, каким я его вижу. М.: АСТ, 2013. 223 с.

10. Эйнштейн А. Из письма президенту США Франклину Рузвельту 2 августа 1939г / Национальная идея: Статьи. <https://web.archive.org/web/20090218032046/http://nationalidea.a/m/articles.php?id=117> (Дата обращения 29.08.2023).

Глава 2. Философия мысли о ноосфере и новой научной картине мира

А.В. Иванов

Философия мысли: ключевые тезисы и гипотезы

*Мысль должна изучаться
в лучших научных учреждениях.
Мысль должна быть поставлена
во главу физических условий жизни.*

Агни-Йога. АУМ

*Даже учитывая исключительное планетное значение
человеческой мысли и сознания, как это вскрывает нам
с такой яркостью геохимия, – такое решение
мировой загадки оставляет чувство неудовлетворения.
Из всех решений м[ожет] б[ыть] наиболее глубоко решение
метампсихоза в ее буддийском решении – с боготворчеством
путем постепенного возвышения поколений – отдельных
из них личностей – к сверхчеловеческому состоянию.*

Вернадский В.И. Дневники 1926–1934

Исследуются историко-философские предпосылки, идеи и гипотезы, связанные с возможностью построения философии мысли. Показывается, что мысль – это фундаментальная субстанциальная реальность сознания, которая фундирует и направляет наши эмоции, чувства, воспоминания и созерцания. Она же осуществляет рациональную смысловую интерпретацию, как нашего внешнего, так и внутреннего опыта. Одновременно мысль является не только субъективной, но и объективной субстанциальной реальностью Космоса, состоящей из устойчивых в пространстве и времени эйдосов, которые образуют царство объективного мыслепорядка. Благодаря единому мыслепорядку, лежащему и в основании и природного, и человеческого бытия наша мысль способна объективно познавать и успешно творить во внешнем мире. *Онтологический* принцип тождества бытия и мышления органично стыкуется с фундаментальным *гносеологическим*

принципом, что «подобное познается подобным». Мысль, будучи субстанциональной реальностью в Космосе, не есть нечто сугубо идеальное. Она всегда двуедина, представляя собой сочетание *идеально-сущего* смысла (порядка, формы) и *несущей* материальной энергии. Вводится представление о существовании иерархии сознаний в Космосе в зависимости от качества овладения субстанциональной силой мысли.

Ключевые слова. Мысль, сознание, смысл, субстанциональная реальность, объективный мыслепорядок.

Краткое историко-философское введение в проблему

Поставленная В.И. Вернадским проблема научного изучения мысли, как важнейшего явления в Космосе и в человеческом бытии, парадоксальным образом практически не рассматривалась в философии. Она подменялась или вопросами о природе идей, как первооснов мира материального, если вспомнить Платона; или о сущности логического мышления и его законов, как у Аристотеля; или же многообразными психологическими исследованиями интеллектуальной деятельности человека. Сама же по себе мысль всегда оказывалась чем-то рационально неуловимым и эфемерным, текучим и субъективным, ускользающим из сетей научного понимания. Неслучайно практически невозможно найти четких определений мысли в философских и психологических словарях. В лучшем случае ее определяют через смысл или мышление, тем самым попадая в логический круг. Здесь обнаруживается удивительный парадокс: благодаря мысли мы все понимаем и рационально определяем, но саму ее крайне трудно точно определить, а, значит, и рационально понять.

При этом никто никогда не сомневался, что именно благодаря мысли мы можем постигать законы природы, понимать друг друга и создавать мир культуры. С первичностью и фундаментальностью мысли мы сталкиваемся и тогда, когда обращаем взор на самих себя, и тогда, когда предметом познания становится внешний мир. Это подметили в рамках древнегреческой философии еще Парменид с его знаменитым тезисом о тождестве

мысли и бытия, а в древнеиндийской философии – Упанишады. В Брихадараньяке упанишаде читаем: «Разум мой был далеко, и я не видел. Разум [мой] был далеко, и я не слышал», – так [говорят], ибо лишь разумом смотрят, разумом слушают. Любовь, решительность, сомнение, вера, неверие, твердость, нетвердость, стыд, размышление, страх – все это разум. Поэтому даже тот, кого коснутся сзади, узнает это разумом»¹¹⁴.

В новоевропейской традиции это четко зафиксировал Декарт в знаменитом принципе «*cogito ergo sum*». Он пишет: «Я есмь, я существую – это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько я мыслю»¹¹⁵. И далее: «Итак, что же я есмь? Мыслящая вещь. А что это такое – вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами»¹¹⁶. Мысль предшествует не только нашему «я», ибо мы себя первично осознаем, а потом и познаем лишь посредством мысли; но и всем нашим конкретным знаниям о внешнем мире. Отсюда, по Декарту, мысль представляет собой подлинную субстанциональную основу всех возможных форм существования.

Впоследствии попытку раскрыть универсальное значение мысли для всех наших познавательных способностей предпринял Э.Б. Кондильяк: «Я называю мыслью все, что испытывает душа как в силу впечатлений, получаемых извне, так и вследствие того, что она сама размышляет; действия души – это мысль, поскольку ей свойственно производить некоторое изменение в душе и посредством этого просвещать ее и руководить ею»¹¹⁷. Со времен Декарта и Кондильяка наши знания о способностях сознания существенно обогатились, но в главном они, на наш взгляд, оказались правы: именно **мысль в ее разнообразных проявлениях оказывается подлинной субстанцией, порождающей основой сознания.**

¹¹⁴ Упанишады. В 3-х книгах. Книга 1. М., 1991. С.78–79.

¹¹⁵ Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 23.

¹¹⁶ Там же. С. 24.

¹¹⁷ Кондильяк. Сочинения: в 3-х т.Т.1.М., 1980. С. 142.

Могут возразить, что мысль – это все же нечто иное, нежели эмоции, воспоминания или чувственные восприятия. Она – продукт логического мышления, как всеобщего и intersubjectively порождения и понимания смыслов, облаченных в языковую форму.

Именно с этих позиций Гегель предпринимает гениальную попытку построить всеобъемлющую философию мысли. Для него субстанцией является именно логическая мысль, категориально упорядоченная и категориально развертывающаяся в виде единого понятия, где ее превращенными (несовершенными и конечными) формами предстают и все виды индивидуального опыта человека, и все формы коллективного духовного творчества, и природа. Он замечает: «Мышление составляет не только субстанцию внешних вещей, но также и всеобщую субстанцию духовного. Во всяком человеческом созерцании имеется мышление. Мышление есть также всеобщее во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности, во всяком хотении, желании и т.д.»¹¹⁸.

Однако свести мысль к понятию (даже трактуемому не в формально-логическом, а в диалектическом гегелевском смысле), а все виды нашего мышления исключительно к мышлению логическому, – значит существенно огрубить и мысль человека, и всю картину бытия. Это подметил уже Шеллинг – один из самых непримиримых критиков гегелевского панлогизма. «Не вызывает сомнения, что содержание высшей науки, философии, – пишет Шеллинг, – действительно составляют только мысли и что сама философия есть лишь наука, созданная мышлением. Следовательно, порицать надлежит не то, что содержание философии составляют только мысли, но что предмет этих мыслей – только понятие или понятия. Помимо понятий Гегель способен мыслить только чувственную реальность, что очевидно является *petitione principii*¹¹⁹, ибо Бог, например, есть не только понятие, но и не чувственная реальность... Ни геометр, рассматривающий доступ-

¹¹⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1975. С. 123.

¹¹⁹ Нарушение принципа.

ные чувственному представлению фигуры, ни естественник, изучающий предметы или процессы чувственного мира, ни теолог, который видит в Боге сверхчувственную реальность, никогда не согласится с тем, что он не мыслит только потому, что содержание его мышления не есть чистое понятие»¹²⁰. Для самого Шеллинга мысль неразрывно связана и с волей, и с интеллектуальным созерцанием, основания которой не мыслятся самим мышлением. Он даже сознательно использует термин «немыслящее мышление»¹²¹. К сожалению, у самого Шеллинга развернутой философии мысли мы не находим, однако его позиция, в существенных чертах совпадающая с позицией Кондильяка и Декарта, нам представляется правильной.

Отсюда и первый ключевой тезис статьи: мысль, понимаемая предельно широко, – это фундаментальная субстанциальная реальность сознания, которая фундирует и направляет наши эмоции, чувства, воспоминания и созерцания; и она же осуществляет рациональную смысловую интерпретацию, как нашего внешнего, так и внутреннего опыта.

Субстанциальность мысли с точки зрения внутреннего опыта

Эта направляющая и интерпретирующая работа мысли может носить логический и сознательный, а может иметь внелогический и бессознательный характер.

Так, наши *чувственно-эмоциональные переживания*, типа тревоги, страха или симпатии, всегда имеют смысловое измерение, ибо мы тревожимся по *какому-то* поводу, боимся *чего-то* и симпатизируем *кому-то*. Качество и содержание наших эмоциональных переживаний зависят от импульса и направления, которые задаются мыслью. Это подобно воде, которая течет по проложенным естественным (бессознательным) или искусственным (сознательным) мысленным руслам. За отсутствие смыслового фундамента эмоций часто принимают неспособность их контролировать сознательными усилиями «я», но ведь точно также мы

¹²⁰ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.Т.2. М.,1989. С. 509–510.

¹²¹ Там же. С. 517.

не можем контролировать и поток наших рациональных размышлений. Вся суть восточных психотехник как раз и состоит в обретении навыков сознательного управления потоком переживаний, когда отсеиваются разрушительные и удерживаются созидательные мысли, которые ему всегда сопутствуют. Из психологии также известно, что если мы установили причину наших эмоциональных переживаний, особенно негативных, то уже в значительной степени взяли их под свой сознательный смысловой контроль. Мысль, таким образом, это то, что вносит порядок (или беспорядок) в эмоциональное бытие нашего сознания.

Что касается *чувственно-телесного постижения мира*, то оно также «нагружено» смысловыми предустановками, перцептивными эталонами и экзистенциальными ожиданиями. Факторы, нарушающие «чистоту» нашего чувственного постижения внешнего мира, обнаружили и достаточно полно описали уже античные скептики. Глубокая аргументация тезиса, что интеллект и мысль только и делают возможным наш чувственный опыт, принадлежит Николаю Кузанскому. Он писал: «Если ты со всей отчетливостью осознаешь, что интеллект существует до ощущения и что поэтому он недоступен никакому ощущению, то ты найдешь, что все существующее в ощущении предварительно (*anterioriter*) существует в интеллекте. Я говорю “предварительно” в смысле “нечувственно”»¹²². Отдадим должное и Гегелю, который показал, что мысль организует чувственное созерцание, конкретные и абстрактные представления¹²³, а также опосредует разнообразные формы непосредственного духовного опыта¹²⁴.

Языковая, этнопсихологическая, профессиональная, биографическая и другие формы смысловой детерминации перцептивного поля человека стали предметом интенсивных исследований уже в XX веке. Особенно показателен процесс узнавания и именования какого-либо предмета или явления. Благодаря проецированию нашей мысли вовне, уже не внутренний, а внешний мир

¹²² Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т.Т.2. М.: Мысль, 1980. С. 212–213.

¹²³ Гегель. Энциклопедия философских наук. С. 123.

¹²⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук. С. 192–193.

превращается из хаоса в космос, приобретает порядок и смысл. Таким образом, мысль (сознательная или бессознательная, индивидуальная или надперсональная, истинная или ложная) всегда «впечатана» в чувственную картину мира, внутри которой мы живем, что и зафиксировано в русском слове «представление».

Понятно, что в процессе приобретения навыков мысленного узнавания, а потом смыслового познания и конструирования мира, огромную роль играют родители, межличностное общение, овладение письменным языком, школьное образование и т.д., что хорошо изучено в современной психологии. Но как сознание нельзя объяснить из материальной работы мозга при всей их связи, так и нашу индивидуальную смысловую картину миру нельзя целиком объяснить ни внешними социокультурными влияниями, ни чисто субъективной творческой активностью нашего эмпирического «я», ни биологически врожденными психологическими структурами. У нас есть как всеобщие первичные категориальные схемы смыслового упорядочивания внешнего опыта, что четко понял Кант; так и индивидуальная бессознательная жизнь мысли, что видна даже по поведению и взглядам младенцев, которые не похожи друг на друга.

Это дает основание сделать вывод: за нашим эмпирическим «я» стоит какое-то более фундаментальное глубинное Я, что признает сегодня психология; а за нашими субъективными мыслями скрывается какая-то объективно сущая и устойчивая Мысль. Неслучайно через всю историю мировой философии проходит платоническая линия, утверждающая, что образ мира во многом «лепится» и познается благодаря имманентному глубинному Я и трансцендентной для индивидуального сознания Объективной Мысли (или Объективному Мыслепорядку).

Если обратиться к феномену *памяти*, то и здесь мы имеем дело с осмысленно переживаемыми и созерцаемыми картинами прошлого. Память – бездонная кладовая переживаний и образов, откуда конкретные события и факты прошлого извлекает опять-таки наша бессознательная или сознательная мысль.

Что касается таких творческих способностей сознания, как *фантазия, воображение и интуиция*, то при всей важности в них непосредственных и спонтанных элементов, они в любом случае имеют явную или неявную смысловую направленность и смысловое измерение, ведь фантазируют *о чем-то*, воображают и интуитивно схватывают *что-то*. Это всегда **мыслесозерцания и мыслефантазии**. Что касается *воли*, то волят всегда к чему-то и ради чего-то, поэтому любая воля – есть всегда **мыслеволя**.

Таким образом, все способности нашего индивидуального сознания в той или иной мере упорядочены и направляемы именно мыслью (или имеют явный или неявный смысл). Сознание – это фактически мыслежизнь, которая может быть чрезвычайно примитивной и бессознательной, а может быть высоко развитой, утонченной и разумной на уровне глубинного Я, укорененного в Объективном Мыслепорядке.

Вселенная как объективная реальность мысли и как иерархия мыслящих сознаний

Отсюда второй ключевой тезис статьи: мысль в онтологическом плане – это не только субъективная, но и объективная субстанциальная вселенская реальность, единая в бесконечном богатстве своих форм и степеней.

Здесь возникает несколько важнейших вопросов: 1) что представляет собой мысль при столь широком – субъективном и объективном – ее понимании?; 2) каков состав и свойства этой гипотетической вселенской реальности мысли?; и 3) на каких основаниях мы должны вообще принимать ее существование?

Начнем с первого вопроса. В самом широком понимании мысль – это субстанциальная реальность сознания, благодаря которой мы **находим или создаем порядок во внешнем бытии, а также обнаруживаем или привносим смысл в нашу внутреннюю жизнь**. Порядок и смысл разорвать невозможно, ибо вместе они противостоят беспорядку и бессмыслице мирового и человеческого бытия. Субстанциальность мысли становится *явной*, когда мы познаем себя и мир рационально, с помощью строго определенных понятий и доказательных рассуждений, но ведь

мысль может быть мгновенной и невербализованной, существовать в форме художественных озарений и религиозных интуиций, а также глубинных неосознаваемых смыслов, которые *неявно* структурируют наш внутренний и внешний опыт.

Здесь надо прояснить соотношение понятий «мысль» и «смысл». Правомерно употреблять их как синонимы. Однако в понятии «мысль» все же подчеркнут порождающий, а в «смысле» – результирующий момент. Мысль трудно оторвать от живого акта сознания; смысл же может быть автономным и обладать независимым онтологическим статусом, – привычным для нас, если он облечен в словесную или иную культурно-символическую форму; или же экзотическим, если мы признаем возможность бытия смысла в виде светоносной первоматерии, о которой говорит вся платоническая традиция от Платона до В.С. Соловьева, физических полей или излучений, на чем сегодня настаивают многие ученые.

Исходя из этой второй точки зрения, смысл (объективированная мысль) может приобретать форму *идеи или эйдоса*, т.е. быть устойчивым во времени и пространстве и образовывать особую эйдетическую реальность, влияя на мыслежизнь многих людей. **Именно эйдосы, если следовать платонической парадигме, образуют царство Объективного Мыслепорядка и имеют самое прямое отношение к жизни нашего и эмпирического, и глубинного Я.**

Судя по всему, платоновская идея (эйдос) представляет собой вибрационную структуру, способную резонансно взаимодействовать с другими вибрационными структурами, оказывая на них фундаментальное влияние, ведь вибрируют наш артикуляционный аппарат и барабанные перепонки в актах порождения и понимания устной речи, сетчатка глаза и пишущая рука, клетки тела, нейроструктуры мозга и стенки сердца. В принципе, вибрирует весь Космос от элементарных частиц до метagalactic. Вибрирует смысловыми импульсами творческая личность, вызывая мысленный резонанс (позитивный или негативный) в окружающих людях. Своеобразно пульсируют-живут и вроде бы безжиз-

ненные творения человеческой культуры. Излучения-вибрации, исходящие от книг и священных реликвий, икон и алтарей, картин и скульптур уже фиксируются экспериментально.

Вибрационная природа и индивидуальной мысли, и **Объективного Мыслепорядка** отражена во всех мировых религиях, будь то первотворящий звук АУМ в индийской традиции или евангельское «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богом...». Большинство «осевых» текстов культуры, типа «Вед» и «Бхагавадгиты», «Старшей Эдды» и эпических сказаний кочевых народов, – не рассказываются, а именно поются. «Бывает состояние расширения сознания во сне или наяву, – пишет в этой связи С.Н. Булгаков, – когда кажется, что слышишь какую-то мировую рапсодию, слышишь, как она звучит в тебе или через тебя, и кажется, что с нею пройдешь в мир и с миром сольешься, растаешь, и нет ничего сладостней этих звуков, льющихся без конца...Здесь соединяются воедино средства звука, образа и смысла...»¹²⁵.

Отсюда естественно предположить, что мысль, будучи субстанциальной реальностью в Космосе, не есть нечто сугубо идеальное. Она всегда **двуедина (или монодуальна)**, представляя собой сочетание *идеально-сущего* смысла (порядка, формы) и *несущей энергии* (вибрирующей материи). Последнее означает, что мысль способна совершать работу (включая работу механическую), которая имеет вполне измеряемые физические характеристики. Если такую работу не может производить мысль обыкновенного человека, то это не означает, что ее не могут совершать сознания более высокого уровня. Существует, по-видимому, *творящая мысль*, имеющая планетарный и даже космический характер, а могут быть сугубо земные – путанные и бессильные или же откровенно злобные – мысли (скорее даже антимысли), сеющие только хаос, бессмыслицу и разрушения.

Отсюда небезосновательно суждение о замене в будущем метафизики физикой, хотя, наверное, точнее было бы сказать,

¹²⁵ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1998. С. 215.

что неизбежно схождение физики, психологии и метафизики на путях синтетического познания мысли.

Мысль монодуальна еще и в том смысле, что всегда имеет и *индивидуальное*, и *сверхиндивидуальное* проявления. Нет ничего в индивидуальной голове, что не проявилось бы вовне и не оказало влияния на другие сознания; и нет ничего в сверхличном мире смыслов и эйдосов, что когда-то не было бы порождением индивидуального сознания или познавательно не схватывалось и не уточнялось им. **Мир мысли – это принципиально открытый мир.** Недаром в буддизме и христианстве критерием высокого уровня сознания является ответственность за каждую мысль, посылаемую в пространство.

Наконец, третий аспект монодуальности мысли, о чем говорилось выше, заключается в ее способности быть и *живой мыслью*, и одновременно приобретать *объективированно-смысловой характер*, т.е. вести жизнь в пространстве, уже независимо от породившего ее сознания. Мысли, чем они яснее и созидательнее, тем дольше живут и шире распространяются, приобретая форму эйдосов. У эйдосов есть свое время созревания и зрелости; они могут подпитываться энергией живых актов сознания или, наоборот, впадать в своеобразный анабиоз, когда к ним никто мысленно не обращается. **Мысли в целом, по-видимому, гораздо долговечнее физических творений человека.** Вещи разрушаются, рукописи истлевают и сгорают. Мысли, приобретшие статус и форму эйдосов, не горят и не пропадают. Подобно живым существам, они живут в пространстве, активно взаимодействуя с индивидуальными сознаниями, напитываясь их смысловой энергией и, в свою очередь, подпитывая их. Взгляд на эйдосы, как на своеобразные живые существа, встречается уже в неоплатонической традиции и находит отклик в философских исканиях XX века, например, П.А. Флоренского.

Иногда людям удается схватить (опознать) мыслью глубокие эйдосы-мыслевибрации, определяющие мировой порядок и запечатлеть их в виде символов. Таковы графические символы восточной мандалы, спирали, Мирового Дерева и т.д. В этом со-

стоит рациональный смысл юнговского учения об архетипах коллективного бессознательного. Архетипы *имманентно* определяют общий порядок нашей мысли и одновременно соответствуют какой-то *трансцендентной* эйдетической реальности Космоса. О роли древних графических символов писал П.А. Флоренский, видя в них отражение законов мироздания: «Орнамент философичнее других ветвей изобразительного искусства, ибо он изображает не отдельные вещи, и не частные их соотношения, а облекает наглядностью некие *мировые формулы бытия*...Орнамент, созданный в иные времена, монументального мышления и монументального мирочувствия, недоступен в своем мировом смысле мелкому сознанию современности, и оно пользуется этими таинственными и насыщенными схемами... бытия как внешним украшением...»¹²⁶.

Подводя итоги, можно сказать, что и мысли отдельного человека, и вся Вселенная в целом укоренены в Объективном Мысле-порядке. Если с природы, точно также как с человеческого сознания, снять их столь значимую и привычную для нас чувственно-материальную оболочку, то обнажится единый порядок, вносимый в них именно Мыслью.

Упорядоченность внешнего мира мыслью тривиальна, когда мы говорим о мире культуры. Это всегда опредмеченная человеческая мысль. Гораздо труднее признать, что и мир природы – **лишь обнаружение творящей Мысли**. На этом стоят все мировые религии, утверждая, что Космос сотворен Божественной Мыслью (Ишварой, Пурушей, Махатом или Словом-Логосом). Однако подобные взгляды до сих пор решительно отвергаются большинством философов и ученых. Какие же можно привести рациональные аргументы в пользу того, что именно Мысль лежит в основе космической жизни и творчества, что Объективный Мыслепорядок существует?

Во-первых, первичной реальностью, сквозь которую нам даны все явления внешнего мира и мы сами, является реальность

¹²⁶ Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. с. 160–161.

нашего сознания, а более точно – его мыслереальность. Из этой посылки можно сделать трансценденталистские выводы, ограничив мир мысли исключительно «пространством индивидуальной головы», где человеческий «образ мира» создается индивидуальными сознаниями по единым априорным правилам. Можно пытаться развивать противоположную метафизическую позицию материалистического реализма, где мысль в своих истоках представляется отражением внешнего мира.

Есть третий путь, восходящей к Пармениду и Платону, Кузанскому и Шеллингу, в значительной степени воспринятый и развитый русской религиозной философией. Наша мысль, безусловно, обладает гигантским конструктивным потенциалом, равно как и способностью отражать мир. Но как конструкты мысли могут трансформироваться в успешно действующие технические приспособления, если этим созидательным мыслям в самой природе ничто не соответствует? И как мы можем отражать мыслью объективные законы и связи в природе, если эти законы каким-то образом не причастны мысли?

Логичнее предположить, что **посредством мысли мы нечто и создаем, и отражаем, но лишь благодаря своей имманентной причастности к объективно существу субстанциальному Миру Мысли**. Мы в нем творчески и свободно укоренены, и лишь благодаря ему, лежащему в основании и природного, и человеческого бытия, наша мысль способна объективно познавать и успешно творить. Этот *онтологический* принцип тождества бытия и мышления органично стыкуется с фундаментальным *гносеологическим* принципом, сформулированным еще Эмпедоклом: «Подобное познается подобным».

Во-вторых, против платонической традиции часто приводят следующий аргумент: «Большинство людей не верят в объективно сущий мир Мысли, потому что не видят и не чувствуют его. Для них – это типичный религиозный симулякр, пустое понятие, философская мифологема».

На это можно возразить: простые люди не видят того, что видит глаз художника, не обоняют того, что улавливает парфюмер,

и не могут решать математические задачи, которые решает профессионал. Сознание высокого уровня, контролирующее собственные мысли и творчески улавливающее мысли пространственные, может непосредственно созерцать и быть причастным к эйдетическому миру объективно сущей Мысли. Подобными фактами полна агиографическая религиозная литература. Философский опыт приобщения к сверхэмпирической мыслереальности испытали Платон и Плотин, Паскаль и В.С. Соловьев. Его пережил и ученый В.И. Вернадский, когда в 1920 году учение о живом веществе биосферы открылось его внутреннему взору¹²⁷ [9, с.112-115]. В.И. Суриков непосредственно увидел свою картину «Утро стрелецкой казни», когда проходил по Красной площади.

Соответственно, если человек развивает свои познавательные способности и нравственные качества, то объективно сущий мир Мысли рано или поздно открывается его субъективному сознанию. Как есть внешний эксперимент, благодаря которому мы раскрываем тайны природы, точно также есть сфера внутреннего экспериментирования, когда пробуждаются и шлифуются мысленные способности, о которых человек ранее и не подозревал. Эти практики всегда были важнейшей частью религиозного опыта на Западе и на Востоке, и этот опыт только-только начинает сегодня осваиваться научной мыслью. Словом, есть все основания признать **иерархию сознаний в Космосе**, где на более высоких ступенях доступно то, что не доступно на низших. Возможность сверхчеловеческого уровня сознания прямо признает и В.И. Вернадский в цитате, вынесенной в качестве эпиграфа данной статьи.

В-третьих, старым, но весомым аргументом в пользу сотворенности мира мыслью является исключительная целесообразность и красота природных форм от кристаллов до строения человеческого тела, а также удивительная гармония общих ритмов и мер природы в целом, типа пропорции «золотого сечения». На это сегодня обращают внимание многие ученые, но мы эту тему

¹²⁷ Вернадский В.И. Из дневника (февраль-март 1920 г.) // Прометей. Т. 15. М., 1988. С.112–115.

затрагивать здесь не будем¹²⁸. Красота и порядок мирового бытия постигаются исключительно познающей мыслью. Наивно думать, что они возникли сами по себе без всякого ее участия.

В-четвертых, важным аргументом в пользу творчества космической мысли служат многочисленные экспериментально подтвержденные факты, что мысль распространяется в пространстве далеко за пределами индивидуального сознания (феномен телепатии), и что она способна совершать непосредственную физическую работу (феномен телекинеза)¹²⁹. Если сегодня это не получается у массы людей, то говорит лишь о низком качестве и силе их мысли. Но здесь, повторимся, нет пределов совершенствованию. Если же экстраполировать многочисленные факты телекинеза на все пространство Космоса, то нет ничего удивительного в том, что мощная мысль в единстве ее идеально-сущих и материально-несущих составляющих может упорядочивать и преобразовывать огромные массы космического вещества, творить и разрушать целые миры. Суть мыслетворчества едина, лишь задачи и масштабы его деятельности различны, как различны масштабы деятельности взрослого и ребенка.

Таким образом, есть вполне рациональные основания признать мысль основополагающей субстанциальной реальностью и внутреннего мира человека, и его внешнего природного окружения, а отсюда постулировать и принципиальную ложность их жесткого разделения. Мысль царит и творит повсюду, и каждый из нас не только опосредованно, но и непосредственно причастен к этому Объективному Мыслепорядку, где грядущая эволюция человека будет связана вовсе не с механическим переделыванием его природы, как это представляется современным трансгуманистам, а с проявлением его скрытого антропологиче-

¹²⁸ Важные обобщения и наблюдения, связанные с гармоничными формами природы можно найти в книге Сухоноса С.И. «Масштабная гармония Вселенной».

¹²⁹ Эти факты собраны в пионерской работе А.П. Дуброва и В.Н. Пушкина, не утратившей своего значения и сегодня. См. Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989.

ского потенциала в виде овладения конструктивными возможностями собственной мысли¹³⁰.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1998. 447 с.
2. Вернадский В.И. Из дневника (февраль-март 1920 г.) // Прометей. Т. 15. М.: Молодая гвардия, 1988. С.112–119.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
4. Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М.: СП Соваминко, 1989. 280 с.
5. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул: Новый формат. 2021. 282 с.
6. Кондильяк. Сочинения: в 3-х т.Т.1.М.: Мысль, 1980. 334 с.
7. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т.Т.2. М.: Мысль, 1980. 471 с.
8. Сухонос С.И. Масштабная гармония Вселенной. М.: Новый Центр, 2002. 253 с.
9. Упанишады. В 3-х книгах. Книга I. М.: Изд-во восточной литературы, 1991. 239 с.
10. Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. 446 с.
11. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.Т.2. М.: Мысль, 1989. 636 с.

¹³⁰ С более развернутыми представлениями автора о природе и функциях мысли можно ознакомиться в коллективной монографии: *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021.*

И.В. Фотиева

Проблема природы мысли в наследии В.И. Вернадского

Статья посвящена малоизученной теме в наследии В.И. Вернадского, касающейся природы мысли. Показано, что данная тема для Вернадского не была случайной и естественно вытекала из его мировоззрения, тяготеющего к всеохватности и синтезу различных сфер человеческого знания – науки, религии и философии, несмотря на периодические колебания в вопросе о возможности их продуктивного взаимодействия в построении единой картины мира. Стремление к мировоззренческому синтезу заставляло Вернадского выходить за рамки науки и обращаться к философским размышлениям на тему соотношений живого и неживого, вещества и энергии, материального и нематериального. Эти размышления, в особенности с учетом той принципиальной роли научной мысли, которая, по Вернадскому, сформировала ноосферу, повлекли для него за собой вопрос о сущности/природе самой мысли. Вернадский на протяжении всей жизни периодически обращался к этой теме, высказывая различные предположения, так или иначе ведущие к признанию наличия некоего материально-энергетического субстрата мысли. Отмечено, что, хотя в его творчестве эта тема являлась, скорее, побочной, тем не менее интерес к ней демонстрирует высокую научную интуицию Вернадского, так как сегодня наблюдается возврат к данной проблеме и, в целом, к проблеме сознания.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, ноосфера, научный синтез, мысль.

Синтетическое мировоззрение В.И. Вернадского

Прежде чем переходить к основной теме, остановимся на вопросе, который, на наш взгляд, в исследованиях освещается недостаточно полно, а именно: как можно охарактеризовать мировоззрение В.И. Вернадского в целом?

Безусловно, В.И. Вернадский – это, в первую очередь, выдающийся ученый-естественник. Его заслуги и достижения не

только российского, но и мирового масштаба общеизвестны и признаны, поэтому здесь нет необходимости на них останавливаться. Но при этом исследователи отмечают важный момент, отличающий его от многих, даже выдающихся собратьев по науке. А именно: необычайную широту научных интересов, энциклопедичность знаний, – которые не представляли собой, образно говоря, рассыпанную мозаику (как это нередко бывает), но постоянно осмысливались Вернадским в его неизбывном стремлении к *синтезу*, к целостному, систематическому охвату тех областей науки, которые входили в сферу его интересов. «Ученый неустанно размышлял над многими проблемами, настойчиво искал разнообразные пути синтеза разноплановых, разнородных знаний»¹³¹.

Известно, что такой синтетический подход к анализу сложнейших научных проблем, стремление к всеохватности, как правило, выводят ученого за рамки собственно науки в сферу философских построений. Примеров тому достаточно; легко вспомнить и целый ряд исторических фигур, и ученых последних веков, как отечественных, так и зарубежных (таких, например, как П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.М. Бехтерев, Н. Бор, В. Гейзенберг, К. Лоренц и т.п.). Совершенно закономерно в этот ряд встает и В.И. Вернадский.

Но здесь мы видим любопытный парадокс. При такой явной способности и тяге к философским обобщениям он периодически «отрекался» от философии, подчеркивая нежелательность привнесения ее подходов и теорий в естествознание. Так, например, он сетует, что естествознание проникнуто «чуждыми по своему генезису науке философскими и религиозными построениями»¹³². Более того, Вернадский выражает несколько скептическое отношение даже к научным теориям, делая акцент на эмпирии, научных фактах. И в то же самое время в своих, во многом революционных, представлениях о роли живого вещества, о ноо-

¹³¹ Яншин А.Л. Послесловие // Вернадский pro et contra (Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998)). СПб., 2000. С. 763.

¹³² Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989. С. 18.

сфере он как раз и закладывает основы новых теорий, и выступает как философ.

Еще более противоречивым выглядит отношение Вернадского к религии. С одной стороны, в 1924 году в дневнике он пишет: «Я считаю себя глубоко религиозным человеком... Великая ценность религии для меня ясна... Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят... Всякая религия и всякое теологическое построения может сосуществовать с научным мировоззрением»¹³³; позднее же неоднократно скептически высказывается о религии: «Иван [И.М. Гревс] у нас; с ним много разговаривал о самом главном и глубоко – о смысле жизни. Нет сознания у него, что и религия, и философия – исключая общую интуицию – не могут дать конкретно того, что дает углубленная научная работа. Интуиция – углубленное, словесно не выражаемое переживание, в этом последнем случае дает связанное с научно проверяемым представлением о реальности несравнимо больше, чем... религиозная вера или разумное (хотя бы с мистическим подтекстом) представление о мире»¹³⁴. В то же время мы нигде не видим у него твердого и последовательного атеистического отрицания религии как таковой, не только ее нравственной и культурной, но даже и познавательной ценности. И при анализе его высказываний и размышлений на эту тему становится очевидно, что проблема для Вернадского заключается не столько в сущности религии, в базовых идеях, лежащих в основе большинства религий, – сколько, во-первых, в неизбежных субъективных «примесях» (чем, по его мнению, страдает и философия¹³⁵); во-вторых, в обрядовости, культах, формализме. Всего этого, на его взгляд, – с сегодняшних позиций, излишне оптимистичный, – практически лишена наука. Казалось бы, можно на этом и остановиться, но Вернадский, напротив, снова и снова возвращается

¹³³ Вернадский В.И. Дневники. 1939–1941. В двух книгах. Книга 1. 1935–1938. М., 2006. С. 175, 193.

¹³⁴ Вернадский В.И. Дневники, 1926–1934. М., 2001. с.373. <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/11242808-dnevnik-1926-1934>.

¹³⁵ Хотя в то же время он видит в этом и ценность философии, выражение уникальной личности того или иного выдающегося философа, его взгляда на мир.

к теме религии, постоянно о ней размышляет, вплоть до самой смерти: «Вчера приехал. Хочется мне набросать этапы своего религиозного миропредставления»¹³⁶, – пишет он в дневнике 1938 года и позднее с неудовольствием отмечает, что так и не смог завершить анализ этих этапов.

При таком противоречивом подходе попытки Вернадского стать «только ученым», конечно, были обречены на неудачу, тем более что в нем, судя по всему, были заложены и явные мистические способности. «...Ясно чувствуешь, – писал он в дневниках, – что сознание захватывает только небольшую частицу сущего, а то, что получается иным, не сознательным, не логическим путем... есть явление иного порядка»¹³⁷. Более того, он признавался в существовании у него особой – сознательно подавленной в молодости – способности «общаться с чем-то вне обычного космоса находящимся, потусторонним миром» и сомневался, не лишил ли он себя, подавив эту способность, «огромной области проникновения в окружающее». Соответственно, он не принимал «ложно-научного построения», что вся эта запредельная область «...есть порождение нашего воображения»¹³⁸.

Таким образом, Вернадский всю свою жизнь, – хотя и не всегда намеренно и целенаправленно, а чаще как бы подспудно, фоном, даже противореча сам себе, – стремился найти и обосновать великий *синтез науки, религии и философии* – областей знания, которые в течение достаточно долгого времени были разделены.

Дополнительный толчок к этому постоянному поиску дало его тесное знакомство с выдающимися русскими философами того времени, особенно с С.Н. Трубецким. Ему он посвятил свою работу «Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого», в которой не только отдает должное памяти друга, но и снова размышляет над проблемой синтеза, как бы пытаясь нечто уяснить для себя

¹³⁶ Там же. С. 144.

¹³⁷ Вернадский В.И. Дневники: 1917–1921. URL: <https://coollib.com/b/517924-vladimir-ivanovich-vernadskiy-vernadskiy-dnevnik-1917-1921/read>.

¹³⁸ Там же.

самого. Приведем развернутую и весьма характерную цитату: «Как мог мистик сознательно и энергично вести эту тяжелую научную работу, все углубляя ее и расширяя? Мистицизм кажется не только чуждым и враждебным научному мышлению, – он является на первый взгляд разрушителем философского миропонимания... А между тем глубоко мистически настроенный Трубецкой был не только строгим ученым, он в своем философском идеализме был строго критическим мыслителем. Смело и безбоязненно подходил он к самым крайним положениям философского скепсиса и этим путем оживлял и очищал основы своего философского познания.

Это соединение глубокого мистицизма и проникнутой им веры, критического – почти скептического – идеализма и строгого научного мышления представляет ту удивительную загадку, какую дает жизнь этого замечательного русского мыслителя... Мы наблюдаем в его жизни и в философском мышлении живой пример **глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека – мистических элементов веры, философского мышления и научной мысли** [выд. нами – авт.]»¹³⁹.

Здесь сразу же напрашивается следующий вывод: более чем вероятно, что Вернадский, живи он на полвека позже, уже без всякого сомнения пришел бы к искомому синтезу. Как нам уже приходилось писать¹⁴⁰, в последние десятилетия все более уверенно идет формирование новой картины мира, в которую вносят вклад ведущие исследователи самых разных областей знания. Во многом под влиянием революционных научных открытий эволюционируют взгляды и ученых, и самих теологов, и многие традиционные противоречия между наукой и религией оказываются вполне разрешаемыми в рамках новых представлений о мире. Показательно, что предвидение этой тенденции мы встречаем и у самого Вернадского: «Человечество живет в глубо-

¹³⁹ Вернадский В.И. Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого. URL: https://royallib.com/get/fb2/vernadskiy_vladimir/cherti_mirovozzreniya_knyazya_s_n_trubetskogo.zip

¹⁴⁰ Наука и религия: нераздельность и неслиянность: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова и И.В. Фотиевой). Барнаул, 2023.

ком кризисе религиозного сознания и, вероятно, находится на грани нового религиозного творчества. Старые религиозные концепции должны углубляться и перестраиваться прежде всего под влиянием роста научной мысли»¹⁴¹.

Пересмотрел бы, скорее всего, Вернадский, и свое мнение о том, что в религии и в философии нет единства, которое есть в науке, – пересмотрел, с одной стороны, под влиянием целого века развития критической линии по отношению к самой науке, с другой стороны, – обратив внимание, например, на существующую непрерывную линию в идеалистической и религиозно-философской мысли, которую Г.Г. Майоров назвал «софийной философией»¹⁴².

Но при жизни Вернадского эти новые представления только начинали складываться, и сама идея синтеза столь различных областей человеческого знания фигурировала, в основном, в передовой философской мысли (особенно в русской «метафизике всеединства»). Большинству ученых-естественников она была еще чужда, в связи, повторим, с упрощенными представлениями и о философии, и о религии, и о самой науке. Тем значимее интуиция Вернадского, заставлявшая его, вопреки собственным предубеждениям, постоянно обращаться и к религиозным, и к философским вопросам – не только к теме соотношения живого и неживого, но шире: к проблемам соотношения вещества и энергии, материального и нематериального. Эти размышления повлекли за собой периодически встававший перед ним вопрос о *сущности мысли*.

Проблема мысли

Тема мысли, как известно, занимает Вернадского на протяжении всей его жизни. Но здесь можно достаточно четко выделить два аспекта понимания им этой темы – или, иначе, два *уровня* ее понимания и интерпретации.

¹⁴¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 82.

¹⁴² Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004. С. 68–69.

В рамках первого из них Вернадский, может быть, как никто другой, глубоко осознал и пережил мощь человеческой мысли, которая не только создала и продолжает создавать «вторую природу», но и преобразует «первую природу», становится, по его известному и часто цитируемому выражению, геологической силой. Но здесь Вернадский еще имеет в виду традиционное понимание и самой сущности, и роли мысли: она влияет на мир *опосредованно*, воплощаясь в человеческие дела и творения. Специфика его взгляда состоит, повторим, в осознании непрерывно растущих масштабов этого влияния и в выделении, по сути, нового онтологического слоя бытия – ноосферы.

При этом, поскольку он отстаивал тезис о том, что живое вещество не эволюционировало из неживого, а является постоянной составляющей космического и, соответственно, земного бытия, то отсюда вытекало следствие о наличии определенных (не только дарвинистских) закономерностей в эволюции живого вещества. Вернадский, учитывая, в частности, эмпирические обобщения Д. Дана, склонялся к выводу о направленности этой эволюции к развитию мозга, сознания и разума. «История научной мысли... есть одновременно история создания в биосфере новой геологической силы... Она не случайна, как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг *Homo sapiens*... Появление разума и наиболее точного его выявления – организации науки – есть первостепенный факт в истории планеты, может быть, по глубине изменений превышающий все нам известное, раньше выявлявшееся в биосфере. Он подготовлен миллиардом лет эволюционного процесса»¹⁴³. Вернадский здесь выступает в гносеологическом плане как «чистый реалист», уверенный в том, что научная мысль схватывает и отражает реальные закономерности природы, а в онтологическом плане предстает как «чистый материалист»: для него и мозг, и, соответственно, сознание и разум формировались в результате эволюции биосферы, понимаемой с традиционно-материалистических позиций.

¹⁴³ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 25, 53.

Но такой подход на самом деле совсем не так очевиден и строго научен, как может сначала показаться, – в том числе и для самого Вернадского. Ведь на появление сознания и разума, – говоря шире, на сущность самого человека – существуют совершенно различные точки зрения. Во времена Вернадского их, например, систематизировал М. Шелер в своей работе «Человек и история». Здесь внимание Вернадского в дискуссионном плане могла бы привлечь выделенная Шелером третья, позитивистская идея, сторонники которой вообще отрицают «...особую, специфическую способность разума у человека»¹⁴⁴, и разум рассматривается «всего лишь как сложный побочный продукт двустороннего процесса жизни»¹⁴⁵.

Принципиально важно тут слово «побочный»: сегодня мы также читаем в статье современного автора: «Естественный отбор повлиял на умение хорошо рассуждать в ситуациях, которые имели значение для выживания и размножения, а наша способность рассуждать о математике, естествознании и философии является счастливым *побочным* продуктом»¹⁴⁶. И в самом деле: если строго придерживаться традиционного дарвинизма, то этот тезис выглядит вполне обоснованным.

Но такой вывод противоречил бы всему мировоззрению Вернадского, и можно предположить, что он сам чувствовал незавершенность своих построений. «Даже учитывая исключительное планетное значение человеческой мысли и сознания, как это вскрывает нам с такой яркостью геохимия, такое решение мировой загадки оставляет чувство неудовлетворения»¹⁴⁷. И если считать закономерным появление в процессе эволюции не просто адаптивных способностей рассудка, но именно разума, более того, научной мысли – то невольно закрадывается вопрос о том, не

¹⁴⁴ Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып. 3. С.140.

¹⁴⁵ Шелер М. Формы знания и образование // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 25.

¹⁴⁶ Reichenbach H. (Elliott Sober). Ending science as we know it. Boston Review. URL: <https://bostonreview.net/articles/remarkable-facts/>

¹⁴⁷ Вернадский В.И. Дневники, 1926-1934. М., 2001. <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/11242808-dnevnik-1926-1934>.

направляется ли эволюция, помимо естественного отбора, еще и некоей идеальной «программой»?

Но в таком случае идеальное должно влиять на материальное и, значит, должно в онтологическом плане быть ему в каком-то смысле единичным. Это не новая идея; вспомним представления китайской мысли: «Среди категорий китайской культуры нет ни одной столь важной для понимания китайского мировоззрения, как ци... Это слово переводилось на русский язык и как “дух”, и как “материя”... Подобно тому, как лед при нагревании превращается в воду, а вода – в пар, так и ци, сгущаясь, становится веществом, а истончаясь – духом... Утонченное, разряженное ци – дух, сгустившееся – вещество... Самый неотесанный и бездушный камень как бы чреват одухотворенностью...»¹⁴⁸.

И с таким представлением связан *второй уровень* размышлений Вернадского над проблемой человеческой мысли и, в целом, сознания.

Так, в письме к Н.Е. Вернадской еще в ранний период своего творчества он пишет: «Та основа, которая определяет твою жизнь и отличает тебя от остальной природы, находится в каждом листе – есть ли и там сознание?.. А если оно есть, то какова его форма и проявление в других существах и где граница между одушевленной и неодушевленной природой? Тогда явится неизбежным пантеистическое представление о природе, столь родное нашему уму и сердцу»¹⁴⁹. Но буквально тут же – в следующем письме – сам себе возражает: « Я не могу понять пантеизма... потому что он выражает единство мира, мировые законы...»¹⁵⁰. Легко видеть, в каком сложном переплетении идей, предубеждений и прозрений постепенно складывалось его мировоззрение.

Но сквозной линией через все это проходит тема мысли. Мысль, человеческая мысль – одна из форм идеального. Если

¹⁴⁸ Торчинов Е.А. Парадигмы классической китайской философии в компаративистском аспекте // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПб., 2002. С. 201.

¹⁴⁹ В.И. Вернадский: pro et contra (Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898-1998). СПб., 2000. С. 122–123.

¹⁵⁰ Там же. С. 127.

предположить, что идеальное онтологически единственно с материальным, более того, как бы «программирует» косную материю, то, значит, и мысль – не просто некая функция сознания¹⁵¹, а нечто более фундаментальное.

И тогда у Вернадского возникает вопрос: «Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы?»¹⁵². Он предвосхитил здесь вопрос, который сегодня уже в полный рост встал перед философами и учеными, занимающимися проблемами сознания: как ментальное (мысль – намерения, желания и пр.) может воздействовать на физическое (нейрофизиологические процессы в мозге)?

И закономерно у Вернадского продолжаются размышления уже с достаточно смелыми предположениями: «Мысль – сознание – из энергии и из материи. Но проявляется в матер[иально]-энерг[етической] среде в пространстве-времени. Можно построить аналогии: материальные] колеб[ания] – звуковые, ультразвуковые] в разных средах разные. Одновременно – максимальные скорости передачи – разные. Энергет[ическая] передача – *maxim[um]* скорости – скорость света, электромагнитная], *передача мысли* – скорость, большая чем скор[ость] света»¹⁵³.

И дальше: «Является ли скорость света предельной для всех явлений. Очевидно нет. Принцип предельных скоростей. *Телепатия*: может распространяться быстрее скор[ости] света и идти в ультраэфире». И уж совсем смелое предположение: «"Сознание – "мысль" в анаксимандровом аспекте связана с определенными изотопами»¹⁵⁴.

Таким образом, у Вернадского постепенно формируется представление о «материальности мысли». Эту идею с разных сторон подпитывают и различные научные исследования, начиная с прорывных открытий в физике микромира и теории отно-

¹⁵¹ притом, что и загадка самого сознания чем далее, тем более настойчиво встает перед исследователями.

¹⁵² Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Ноосферные исследования. 2013. Вып.1(3). С. 15.

¹⁵³ Вернадский В.И. Дневники. 1939–1941. В двух книгах. Книга 1. 1935–1938. М., 2006.

¹⁵⁴ Вернадский В.И. Дневники, 1926–1934. М., 2001.

сительности и заканчивая более экзотическими (и менее признанными) работами Г. Фехнера, основателя психофизики. В.И. Вернадский в «Биогеохимических очерках» отмечал: «Фехнер и Бозе пытались проникнуть в материально-энергетическую субстанцию, общую живому и косному телу»¹⁵⁵. Думается, Вернадского, с его тяготением к целостной картине мира и синтетическому мировоззрению, должна была заинтересовать эта идея обнаружения единых – *специфически* энергийных – основ живого и неживого, хотя она снова вступала в некое противоречие с его тезисом об принципиальном различии последних. И, судя по всему, эта идея ему казалась все более привлекательной: «Гил[яров]... считает, что количественно все объясняется признанием *психофизической* энергии у человека (м. б. животных) – фехнеровской. Качественно эта энергия отлична. С ним разговор об излучениях... Стал передо мной вопрос: Действительно ли излучения открывают новые стороны явлений, позволяющие включать и психич[ескую] жизнь человека в общую схему энергии? Мне казалось это невозможным, – но я явно этого не продумал»¹⁵⁶.

А вот замечания в дневниках последнего периода жизни: «Мы не знаем еще многого основного: есть неизвестные нам свойства человека, которые затронуты, по-видимому, индийскими мыслителями... Последнее время мысль идет в направлении пространства-времени и гилозоист[ического] представления об атомах... Вчера для меня стало ясно, что в структуру *ноосферы* входит человек[еская] мысль»¹⁵⁷.

Последнее замечание очень показательно. Ведь для Вернадского мысль изначально опосредованно формирует ноосферу, почему же тогда только сейчас это ему «стало ясно»? И что значит, что мысль «входит в структуру ноосферы»?

¹⁵⁵ Вернадский В.И. Биогеохимические очерки: 1922–1932 гг. М.–Л., 1940. 249 с. URL: <https://elibrigo.ru/safe-view/123456789/231036/1/NTlwOTRfQmlvZ2VvaGitaWNNoZXNraWUgb2NoZXJraSAxOTlyLTE5MzlgZ2culFYulEkuIFZlLnBkZg==>

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Вернадский В.И. Дневники. 1939–1941. В двух книгах. Книга 1. 1935–1938. М., 2006.

Учитывая все вышесказанное, есть все основания предположить, что речь здесь снова идет о *субстанциальности/материальности мысли*. Но тогда и сама ноосфера предстает уже не совсем в прежнем понимании – она становится сферой, где «косное» и живое, материальное и идеальное взаимопроникают и взаимодействуют на некоей единой, духовно-материальной, энергичной основе.

Заключение

Все вышесказанное, конечно, не означает, что Вернадский стоял на пороге создания новой теории мысли или даже целенаправленно ставил этот вопрос перед собой как актуальную научную задачу. На первом плане у него были другие важные проблемы.

Тем не менее, этот «фоновый», но непрекращающийся интерес к данной теме говорит, во-первых, о недостаточной еще изученности наследия Вернадского, во-вторых, – о его научной интуиции, опережающей свое время, как и в ряде других вопросов, которыми он занимался. Сегодня тема «материальности» мысли медленно, но уверенно встает в ряд наиболее острых и дискуссионных, и в то же время важных научных проблем, как и, в целом, проблема сознания. Вот показательное высказывание Т.В. Черниговской: «Мысль материальна? Это очень неприятный вопрос, мне его тысячу раз задавали... Нет ничего, что бы мне дало возможность ответить положительно. Это я как учёный говорю. Но не как учёный я отвечу, что да, но я не знаю, как это происходит... В конце концов, мы очень мало знаем. Но это не значит, что мы не будем знать об этом послезавтра»¹⁵⁸.

На растущий интерес к этой теме влияет многое. Это и многочисленные факты непосредственного восприятия чужих мыслей; и все более глубокие исследования сознания¹⁵⁹; и целый ряд но-

¹⁵⁸ Черниговская Т. Каста других людей URL: <https://econet.ru/articles/tatyana-chernigovskaya-kasta-drugih-lyudey>

¹⁵⁹ В частности, с привлечением уникального опыта восточных практик. «Российские ученые получили первые научные подтверждения феномена “тукдам”, или посмертной медитации, в которой могут находиться буддийские монахи, заявил руководитель

вых его моделей; и общеизвестные эксперименты с управлением мыслью компьютером. Таким образом, вопрос «материальна ли мысль?» – уже не выглядит наивным. Скоро, возможно, его придется переформулировать иначе: что собой представляет субстрат мысли? Сводится ли он к обычным физическим излучениям? Похоже, что нет; но на эти и другие вопросы науке еще предстоит дать ответ.

Литература

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
2. Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. 1922-1932 гг. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 249 с. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/231036/1/NTIwOTRfQmlvZ2VvaGltaWNoZXNraWUgb2NoZXJraSAxOTIyLTE5MzlgZ2culFYulEkuIFZlLnBkZg==>
3. Вернадский В.И. Дневники: 1917–1921. URL: <https://coollib.com/b/517924-vladimir-ivanovich-vernadskiy-vernadskiy-dnevnik-1917-1921/read>.
4. Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 – август 1925. М.: Наука, 1998. 213 с.
5. Вернадский В.И. Дневники, 1926-1934. М.: Наука, 2001. 456 с. <https://spbib.ru/en/catalog/-/books/11242808-dnevnik-1926-1934>
6. Вернадский В.И. Дневники. 1939–1941. В двух книгах. Книга 1. 1935-1938. М.: Наука, 2006. 443 с.
7. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
8. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Ноосферные исследования. 2013. Вып.1(3). С. 6–17.

“Проекта исследования медитации и измененных состояний сознания в тибетских буддийских монастырях”, основатель Института мозга человека РАН академик Святослав Медведев (Российские ученые получили научные подтверждения «посмертной медитации»// РИА Новости. 05.05.2021. URL: <https://turbo.ria.ru/20210505/buddizm-1731246353.html>)

9. Вернадский В.И. Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого. URL: https://royallib.com/get/fb2/vernadskiy_vladimir/cherti_mirovozzreniya_knyazya_s_n_trubetskogo.zip

10. В.И. Вернадский: pro et contra (Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898-1998). – СПб.: изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000. 871 с.

11. Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.

12. Наука и религия: нераздельность и неслиянность: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова и И.В. Фотиевой). Барнаул: Новый формат, 2023. 628 с.

13. Торчинов Е.А. Парадигмы классической китайской философии в компаративистском аспекте // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 192–209.

14. Черниговская Т. Каста других людей URL: <https://econet.ru/articles/tatyana-chernigovskaya-kasta-drugih-lyudey>

15. Шелер М. Формы знания и образование // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 70–91.

16. Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып. 3. С.132–154.

17. Яншин А.Л. Послесловие // Вернадский pro et contra (Антология литературы о В.И. Вернадском за сто лет (1898–1998). СПб.: изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000. С.761–768.

18. Reichenbach H. (Elliott Sober). Ending science as we know it. Boston Review. URL: <https://bostonreview.net/articles/remarkable-facts/>

М.Н. Чирятьев

Роль индийской мудрости в создании В.И. Вернадским новой научной картины мира

В.И. Вернадский в своем учении о биосфере и ноосфере возвращает в русло научных представлений живой Космос, в котором человек как часть живого вещества планеты с большей надеждой и оптимизмом ищет ответы на вечно мучившие его вопросы об истоках своего существования и жизни в целом, о своем месте и предназначении в бытии Космоса, о масштабах и формах проявления сознания. Он отмечает сложившееся за последние три века противоречие между научным представлением о Космосе и осознанным опытом человеческой жизни. Своим духовным опытом он делится в письмах к жене, доверяет их дневнику. Гениальные способности и таланты учёного воплощаются в его научных исканиях и открытиях, возвышенным образом проявляются в учении о биосфере и ноосфере. Знакомство Вернадского с жизнью и творчеством великого духовного подвижника Индии Свами Вивекананды, с идеями веданты, буддизма, представлениями систем высшей йоги в значительной степени повлияло на его мировоззрение и помогло созданию основ новой целостной одухотворённой научной картины мира. Индийская мудрость вдохновляла многие свершения мыслителей-космистов, самоотверженно трудившихся во имя лучшего будущего человечества, их ярчайшими представителями были Вернадский и Рерихи.

Ключевые слова. Вернадский, Вивекананда, Е.И. Рерих, Раджа-йога, веданта, буддизм, карма, психическая энергия, биогеохимическая энергия, космос, культура, картина мира.

Философия Востока, главным образом Индии, в связи с происходящей в ней новой творческой работой под влиянием вхождения в индийскую культурную работу западной науки, представляет в науках о жизни значительно больший интерес, чем западная философия

В.И. Вернадский

С детства Владимир Иванович Вернадский обладал необычными утонченными способностями, о которых свидетельствуют его дневники Вернадского, письма и книги. Они характеризуют индивидуальную творческую одаренность человека, отражают состояние его мыслей и чувств. Своими размышлениями о неисчерпанном потенциале познавательных способностей человека, он делится с женой Натальей Егоровной Вернадской, с которой он прожил больше 56 лет *«душа в душу и мысль в мысль»*: *«Странная вещь – у нас так немного способов узнавать окружающее, у нас так немного разнообразия в каждом органе чувств, что грешно нам не пользоваться ими во всем их объеме. Между тем мы доживаем до конца жизни и научаемся пользоваться только одной маленькой частью – теряем и то немного, что врождено нам природой... Глаз не умеет ясно и тонко различать оттенки, связывать их с другими свойствами тел мы почти не умеем; осязание не в состоянии большую часть ясно различать разные свойства различных веществ и т. п. Между тем в природе этих чувств скрыта возможность широкой ориентировки их среди сложных условий внешних явлений, и, может быть, они способны к огромному развитию не только в отдельном организме, но и во всем человечестве <...> Для меня ясно, как много я **потерял** оттого, что наблюдать явления я не умел... Общение с природой, изучение ее или умение видеть, чувствовать ее – лучшие средства для этого. Я – натуралист, вот уже 7 лет так или иначе занимаюсь естественными науками и только в последнее время начинаю овладевать этим методом и начинаю сознавать и чувствовать значение этого умения для моего общего развития»¹⁶⁰*. В этом же письме Вернадский признаётся, что им потрачены важные годы формирования ума из-за *«плохо наблюденных, грубых впечатлений»*, когда природа им воспринималась *«в пелене, в тумане, в неясных контурах»* и всё происходило как во сне.

¹⁶⁰ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1886–1889. М., 1988. С. 139–140.

Воспоминания Вернадского о проявлениях в молодые годы своих утонченных способностей и увлечений, подтверждают мысли И.В. Гёте о том, что сила своих способностей познаётся через их испытания в жизни. В контексте обсуждаемой нами темы рассмотрим проявления врожденных особенностей и склонностей личности, в значительной степени определяющих её истинное призвание и судьбу, через призму восточных учений. То, как веданта, буддизм, высшие системы йоги, основные теософские работы, Учение Живой Этики и наследие Рерихов, разъясняют процессы, проходящие во внутреннем мире одаренного, творческого деятеля Культуры может помочь выстроить мост связей между внутренним и внешним, мыслью и действием, возродить утраченную за последние века целостность Единой Реальности (физического и психического). Восточные психологические учения дают ключи к пониманию культурного синтеза Вернадского, благодаря которому мыслитель смог связать в единую научную картину мира свои открытия и исследования в минералогии, кристаллографии, биогеохимии и других областях науки.

В концепциях и духовных практиках высших аспектов йоги, феномены, подобные врожденным способностям, начинающимся проявляться уже в раннем возрасте человека, относят к *самскарам*. Последние тесно связаны с кармой (моральной причинностью). Обратимся к авторитетным взглядам на обсуждаемые вопросы великого индийский подвижника, йога и мыслителя Свами Вивекананды. Он, через много веков после Шри Шанкарачарьи, лично пережил, осознал и, обобщив, выразил истины древнейших в мире откровений, запечатленных в живом знании Вед. Мысли Свами Вивекананды, яркого провозвестника идей Адвайта Веданты, оказали большое влияние на Вернадского. Они были современниками. Вивекананда родился в 1863 году, ровно через 2 месяца после него родился Вернадский.

Свамиджи объясняет многие проявления инстинктов, в том числе автоматизм действий у животных и людей, знанием, приобретённым опытом прошлых жизней: *«Любая работа от мно-*

гократных повторений делается инстинктивно, делается автоматически. Насколько нам известно, всё то, что мы рассматриваем как автоматизм, было некогда осознанным действием. На языке йоги инстинкт есть свёрнутый разум. Разграничение оказывается свёрнуто и становится автоматически действующей самскаррой... А поскольку разумное действие должно основываться на опыте, то инстинкт – это результат давнего опыта»¹⁶¹. Таким подходом йога обосновывает, что не сам организм, а ум через него накапливает и сохраняет опыт, приобретённый в прошлых жизнях. У детей этот инстинктивный опыт может ярко проявляться в их предпочтениях и качествах восприятий чувств и ума. Вивекананда уточняет, что как бы мы не называли знание – восприятием, разумом или инстинктом, оно приобретается через действенный прошлый опыт, который может выродиться в инстинкт, уйти в подсознание, то есть образовать тонкую и скрытую самскарру – след неприметного впечатления, которая «дремлет в читте» (состояние сознания или ум, мышление, эмоции и память) и действует незаметно. Комплексы самскар, образованных нашими добрыми или вредоносными действиями и мыслями, откладываются в «хранилище поступков» и могут через какое-то время, например, при воспоминаниях проявиться в конкретных формах, вызывая соответствующие их природе волны или вихри ума (читта-вритти). Но при других определённых условиях волевой и творческой активности сознания самскарры могут возродиться как разум. «Этот процесс происходит во всей вселенной, и на нём зиждется одно из основных доказательств в пользу теории перевоплощения»¹⁶².

Согласно представлениям буддизма мысли также реальны, как воспринимаемые органами чувств предметы. Единство феноменальной реальности поддерживается проявлениями энергий дхарм, которые сплетают всё живое своеобразие внутренних и внешних восприятий личности. Они вечно меняющиеся транс-

¹⁶¹ *Свами Вивекананда*. Раджа йога. Практика сосредоточения // Практическая Веданта. Избранные работы. М., 1993. С.146.

¹⁶² Там же. С.146.

цендентные носители разных качеств. Все прочувствованные ощущения, в том числе и пространственные мысли, благодаря их осознанию превращаются в дхармы. Воспринимаемые и порожденные идеи и представления личности, сами ментальные процессы – суть дхармы, воздействующие на сознание. То, что воспринимают органы чувств – звук, свет, цвет, форма и т.д. для нашего сознания дхармы. Сама личность организуется подвижными сочетаниями 5-ти групп сканд – форма, чувства, представления, силы, сознание. Самскарры, отражающие скрытые побуждения и творческие возможности, запечатлевшие прошлые восприятия, помогают осознать действующие дхармы состояниями их предшественников и условия рождения новых¹⁶³. Все эти виды взаимосвязанных энергий, как в алхимической лаборатории, трансмутируясь и преображаясь, выявляют вездесущую карму, во многом определяющую жизнедеятельность личности с её связями в обществе, природе и Космосе.

Адвайта – высшая ступень Веданты, она означает единство бытия (недвойственность) и обнаруживается тогда, когда на огне знания сожжены все феномены, все различия, все разнообразия. Познающий и объект познания не противопоставляются друг другу, а представляют одну сущностную реальность, из которой разворачивается весь мир. Молодой Вивекананда впервые пережил это поразительное чувство единства бытия, после прикосновения руки своего духовного Учителя Рамакришны, когда он в экстазе оказался на одной из начальных ступеней состояния Самадхи, почувствовав великую идею Единства. Вернадский пережил в какой-то степени нечто схожее во время его болезни в Крыму в 1920 году. Не имея возможности подробнее описывать эти судьбоносные для Вернадского крымские откровения, в которых он оказался перед выбором дальнейшего пути, осознав возможности своих будущих свершений и научных открытий советуем познакомиться со статьёй Н.Е. Ковалёвой, посвященной

¹⁶³ *Рерих Е.И.* Письма. Т. 3. 1935 г. М., 2001, С. 316–317. Письмо к Р.Я. Рудзитису от 11.06.1935.

его мистическим переживаниям¹⁶⁴. Следует отметить, что психические и мировоззренческие особенности восприятий, чувств и мыслей гениального учёного во многом определили направления его научных исследований, их конкретные творческие результаты и предвидения в духовном синтезе проявились в его космическом учении о биосфере и ноосфере. Природа подобной связи активных процессов сознания внутреннего мира с внешними их воплощениями подробно обоснована ведантой, буддизмом, особенно высшими системами йоги. Развивая тему данной статьи, целесообразно продолжить исследования этой области на ярком примере жизни и творчества Вернадского.

Вивекананда считал, что смысл всех религий – это реализация Божественной природы, исконно заложенной в человеке, а «не разговоры, не доктрины, не теории, как бы прекрасны они ни были. Веровать – не значит слышать и призывать, но быть и становиться; вся душа преобразуется в то, во что она верит»¹⁶⁵. Конечно, для этого нужен героизм самоотречения, бескорыстное служение человеку и человечеству, как Божеству. Когда Вивекананда в ноябре 1881 г. впервые встретил своего Учителя Рамакришну, то услышал от него: «Ты пришёл на землю исполнить миссию человеколюбия»¹⁶⁶.

«Представляется мне время иное, – писал Вернадский в 1886 г. жене, – время будущее. Поймет человек, что не может любить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его сочувствие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то деланным, постоянно подверженным сомнениям или отчаянию, что много будет гордости, много будет узкости, прямолинейности – невольного зла – в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все свои мечты

¹⁶⁴ Ковалёва Н.Е. Мистический опыт Владимира Вернадского (К 160-летию со дня рождения). URL: <https://proza.ru/2023/03/12/719>

¹⁶⁵ Учение Вивекананды. Религия. Минск, 2006. С. 242.

¹⁶⁶ Свами Никхилананда. Вивекананда. Краткая биография. Перевод Р.Г. СПб., 1991. С. 6.

и желания в одном великом чувстве любви. И только тогда в состоянии он без сомнений, без тех искушений и минут отчаяния, когда все представляется несостоящим перед неизбежною смертью, только тогда способен он смело и бодро идти вперед, все время и все силы свои направить на борьбу за идею, за тот идеал, какой носится в уме его. Суха и черства всякая религия перед этим чувством, и кажутся ее утешения, ее наставления чем-то таким деланным, если только нет в них любви, любви не умственной, любви не деланной, а любви беззаветной, которой легко принести в жертву всё, самого себя, всё, всё»¹⁶⁷. Такое переживание любви уже близко Бхакти-Йоге.

Вивекананда очень много размышлял о природе Бытия, о природе Материи, о природе Космоса. Он повторял: «Материализм прав. Всё едино. Только то, что он называет единой материей, я называю единым Богом». Вероятно этого же Бога искал Вернадский, воспринимая Красоту, гармонию и различные аспекты проявлений Единоначальной энергии как основу Бытия: «Я хочу понять те силы, какие скрываются в материи, я хочу узнать те причины, которые заставляют ее являться в тех правильных, математически гармоничных формах, в каких мы всюду видим и чувствуем её. И одно из звеньев этой гармонии материи – мы сами и все живые существа. Свойства одного сущего – одной материи – мы представляем себе в виде сил, в виде света, теплоты, электричества, магнетизма...»¹⁶⁸.

Конечно, есть и Космос не механистический, который мы сейчас открываем и этим гордимся, а прежде всего, живой Космос внутри нас, дающий возможность открывать Космос дальних миров вовне. Этот внутренний Космос отражает все тончайшие возможности космической жизни и сознания. Не только, исходя из научных эмпирических обобщений, но и вдохновлённый фи-

¹⁶⁷ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1886–1889. Письмо от 2.06.1886. С. 21–22.

¹⁶⁸ Там же. Письмо от 2.07.1887. С. 107. В теософии в этом случае говорят о Фохате – всемирной движущей Жизненной Силе, космическом электричестве, связующем дух и материю, создающем все проявленные формы из Первичной Материи.

лософией всеединства, Вернадский определит жизнь как космическое явление.

Вивекананда утверждал, что цель и задача всех наук состоит в поиске единства. Единства, которое проявляется многообразно и существует в формах множественности. Раджа-йога, представленная в лекциях Вивекананды, основана на Йога-сутрах (афоризмах) Патанджали, которые во многом исходят из одной из 6 главных философских школ Индии санкхьи. Санкхья стала основой научного и логического объяснения космической эволюции. Раджа-йога Вивекананды развивает древние идеи управления внутренним миром, постижения его природы, через которую возможно осуществлять контроль над целым – внутренним и внешним. Основным инструментом такого познания является ум, рассеянный свет которого йог учится собирать в управляемый и контролируемый луч.

Раджа-йога помогает объяснить многое в генезисе восприятий, чувств и мыслей Вернадского. С развитием ноосферы человек, как утверждал В.И. Вернадский, впервые становится «крупнейшей геологической силой», своим трудом и мыслью он начинает преобразовывать область своей жизни и этот процесс коренным образом отличается от всего того, что было раньше. Итак, вся материя в грандиозном своем хороводе, величественной симфонии выявляет этот единый закон жизни. Самоопределяясь в эволюционном предназначении, человек входит в поток, который движется космическими силами. Об этой вселенскости материального движения к более совершенным формам Вернадский размышлял с юных лет. Когда человек старается управлять природой, использовать ее в своих интересах, встает обязательный вопрос понимания и осознания человеком своей ответственности перед природой, созвучности его действий тем космическим законам, которые лежат в основе организации природы. Если расширение и уточнение сознания людей отстает от тех способов покорения и преобразования природы, которые создает цивилизация благодаря научно-техническому прогрессу, то это приближает человечество к самоуничтожению. Если соз-

дание, руководствуясь духовными потребностями, направлено в будущее и ориентируется на мудрость героев, творцов, подвижников и мыслителей, тогда способы преобразования биосферы строят культурную оболочку жизни – более высокие слои ноосферы, включая и пневматосферу (это понятие о. Павел Флоренский предложил учесть Вернадскому) – обитель духовных творческих наслоений. Ибо, согласно Вернадскому, высшей новой формой биогеохимической энергии является «энергия человеческой культуры или культурная биогеохимическая энергия». «Создание на нашей планете культурной биогеохимической энергии является основным фактором в её геологической истории. Оно подготавливалось в течение всего геологического времени. Основным решающим процессом здесь является максимальное проявление человеческого разума. Но по существу это неразрывно связано со всей биогеохимической энергией живого вещества»¹⁶⁹.

Напомним, что именно В.И. Вернадский научно обосновал возникновение нашей планеты как целостной живой системы, в которой гораздо меньшее по массе живое вещество стремительно увеличивает свою свободную энергию (в своем докладе в Париже в 1925г. В.И.Вернадский назвал ее «*биогеохимической энергией*»). Создавая новую геологическую силу, научная мысль приводит к «*взрыву научного творчества*», в результате чего «*охваченная всецело живым веществом, биосфера увеличивает, по-видимому, в беспредельных размерах его геологическую силу, и, перерабатываемая научной мыслью Homo sapiens, переходит в новое свое состояние – в ноосферу*»¹⁷⁰. Научная мысль, как проявление живого вещества «*несет в себе возможность неограниченного развития в ходе времени*». Так же происходит «*увеличение вселенскости, спаянности всех человеческих обществ*»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 132–133.

¹⁷⁰ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 25.

¹⁷¹ Там же С. 82.

Вернадский делает первую грандиозную попытку ввести понятие всесвязующей энергии в макромир. Ещё в двадцатых годах он считал, что *вещество биосферы пронизано энергией, источник которой располагается за пределами биосферы в космическом пространстве. «По существу, биосфера может быть рассматриваема как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действительную земную энергию – электрическую, химическую, механическую, тепловую и т.д.»*¹⁷². Можно еще уточнить, что во всей биосфере также происходят процессы трансмутации, благодаря активности живого вещества, преобразующего энергию одного вида в другой. Вернадский задаётся вопросом *«Являются ли атомы, так удерживаемые живым веществом, теми же, какие мы видим в косной материи? Или же мы имеем среди них иные изотопы, особые смеси? Это может решить только опыт, который стал этим путём на очередь дня»*¹⁷³. Отметим, что восточная мудрость связывает процесс трансмутации с кармой. Вероятно, что это относится и к направлениям миграций атомов, формам их превращений и сочетаний по законам химического сродства, определяемым биогеохимической энергией.

Вернадский акцентирует, что *«благодаря космическим излучениям биосфера получает во всём своём строении новые, необычные и неизвестные для земного вещества свойства»*, таким образом, изменяется весь лик планеты. Как взаимосвязаны эти постоянно изменяющиеся состояния слоёв биосферы, какие силы их объединяют, каков смысл этой грандиозной симфонии жизни, какой стимул, магнит толкает волну множества жизней на новые проявления и поскольку жизнь это космическое явление, то и источник, двигатель, сердце земной жизни, наверное, нужно искать в космосе – эти вопросы мучили ученого. С ними он обращался к мыслителям прошлого, к истории религии. Известный буддолог, Ф.И. Щербатской, друг В.И. Вернадского, так отвечал ему в одном из писем: *«То, что Вам нужно, т<о> е<сть> "био-*

¹⁷² Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2003. С. 43.

¹⁷³ Вернадский В.И. Биосфера (Избранные труды по биогеохимии). М., 1967. С. 277.

*химическая энергия», вероятно, соответствовала бы индийскому понятию о карме; это всеобщая пружина бытия, Бергсоновской elon vital»*¹⁷⁴.

К вопросу о кармических, причинно-следственных процессах, Вернадский обращается неоднократно, утверждая *«В научном охвате природы отталкиваются от этого основного положения – о причинной связи всех явлений окружающего, сводят явления к единому. Существование факторов, от среды независимых, в науке не принимается, исходя из признания единства реальности, единства Космоса»*¹⁷⁵.

Этическая мера ответственности перед эволюцией, за готовность следовать по пути совершенствования жизни, за созвучность слова и действия, особенно за качество мыслей, наиболее ярко, по сравнению с другими космистами, утверждается у Рерихов. Е.И. Рерих пишет: *«Так все мы виноваты за себя и за всех, и отделить себя от всего человечества и от Космоса мы не можем. Истинно, Космос в нас и мы в нем. Но лишь осознание этого единства дает нам возможность приобщиться к полноте такого существования. Основные вопросы смысла нашего существования давно решены, но люди не хотят их принять, ибо никто не хочет нести ОТВЕТСТВЕННОСТИ за каждую мысль свою, за каждое слово и поступок. Так приходим мы сюда, на Землю, пока не выполним принятой на себя ответственности — усовершенствованием себя усовершенствовать и Землю и все окружающие её сферы. Окончив совершенствование земное, перейдем на дальние миры, на следующую ступень продвижения по лестнице беспредельного совершенствования, в алмазном сиянии»*¹⁷⁶.

Ответственность за качества мыслей Вернадский высказывал ещё в 1892 г. в письме к жене: *«Какая важная вещь гигиена*

¹⁷⁴ Письмо Ф.И./ Щербатского – В.И. Вернадскому <Тверь>, 30 июля 1931 г. ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, лл. 8 – 9. Автограф.

¹⁷⁵ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 52.

¹⁷⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. 1935 г. С. 599. Письмо И.И. Голенищеву-Кутузову от 17.10.1935 г.

мысли. Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создаётся человеком этим путём. Надо не позволять себе думать о всём дурном, что пришлось сделать, нельзя отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густою стеною великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, когда кругом идёт гибель, идёт борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность. Я даже стал набрасывать «Наброски о гигиене мысли», если что выйдет, пришлю тебе»¹⁷⁷.

Вернадского волновало нравственное состояние общества, он видел и научно обосновывал эволюционное призвание в совершенствовании разумных сил, одухотворении качеств их деятельности, ведь разрушительная или созидательная свободная воля человека явилась мощным геологическим фактором, изменяющим биосферу. Но восточная мудрость знает, что свобода воли находится в постоянной битве с кармой, которую порождают мысли, слова и дела. Будучи широко мыслящим учёным, Вернадский часто обращался к влиянию идей и мыслей личности на жизнь, он понимал, что этот процесс зависит от «понимания ею жизни», а степень влияния «тем более ведёт к победе мысли (т.е. гармонии и красоты), чем сознательнее постоянно и серьёзно она ищет проявление основных идей в окружающей текущей жизни, чем непреклоннее и яснее оценивает каждое явление со стороны общих, дорогих ей принципов и чем более выясняет себе, что именно с точки зрения Мысли и Идеи значит каждое событие текущей, будничной жизни, что надо делать, чтобы оно шло по пути идеи и мысли. Тогда каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из созидателей и строителей общего закона, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов, и этим путём участвует в глубококом процессе – переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием <...> Общество тем сильнее, чем оно более

¹⁷⁷ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 113–114.

сознательно, чем более в нём места сознательной работе по сравнению с другим обществом. Всякий его поступок тем более правилен, т.е. находится в гармонии с «общим благом», с «*taximum*» доступного нашей эпохе напряжения сознания в мировой жизни», чем ярче он является результатом работы числа людей, могущих мыслить»¹⁷⁸.

На становление учения о биосфере и ноосфере непосредственное влияние оказало знакомство Вернадского с полным собранием сочинений Вивекананды, которое он приобрел в сентябре 1923 года в Англии (тогда было издано 7 томов). Его обнаружили в 1977 г. в Ленинграде в библиотеке Академии наук СССР, где и хранятся эти тома с пометками Вернадского, передавшего их в библиотеку в 1935 году, когда он переезжал в Москву¹⁷⁹.

Осмысленные и научно переработанные Вернадским идеи духовного лидера Индии о всеединстве, пронизанные глубинными воззрениями Адвайта Веданты, стали одной из ключевых нот учения о биосфере и ноосфере. В 1936 г. он напишет: «*Через Гёте я пришел к Роллану... На днях закончил чтение его книжки о Рамакришне, которая мне дала так много, как давно ни одна книга. Заставила глубоко думать и вызвала порыв писать по вечным вопросам бытия. Не философский, не религиозный порыв - но форму научной исповеди... Во всяком случае он (Р. Роллан) дал мне понять, что мы живем в эпоху, когда современниками являются великие индусы - равных среди европейцев, как личностей - я не знаю: Рамакришна, Ганди, Вивекананда!*»¹⁸⁰. Кстати, в этом же году Вернадский был избран почетным членом Общества биологической химии Индии.

Сам Вернадский, размышляя о ходе мировой истории, «*полной крови, страданий, преступлений, нищеты, тяжких ус-*

¹⁷⁸ Вернадский В.И. О роли личности в истории. Из записок. Август 1892 г. // Философские мысли натуралиста. С. 402–403.

¹⁷⁹ Росов В.А. В.И. Вернадский и русские востоковеды. Мысли – Источники – Письма. СПб., 1993. С. 37.

¹⁸⁰ Вернадский В.И. Письмо к И.М. Гревсу. 22.08.1936 // Архив РАН. Ф. 726, оп. 2, д. 47, л. 27. Автограф.

ловий жизни», пытается найти ответ на «загадку» разумности и действенности добра. Его мысль близко подходит к представлениям восточной мудрости о законах духовной эволюции, открывающих возможность каждому человеку в разных его жизнях выбор восходящего пути совершенствования сознания или инволюционного падения и духовной деградации, пути, который складывает карму отдельных людей и целых народов. «Найдены бесчисленные в разных формах религиозно-философские решения, которые на деле связаны с представлением о бессмертии личности, в той или иной форме в прямом смысле этого слова, или в будущем ее воскресении в новых условиях, где не будет зла, страданий и бедствий, или где они будут распределены справедливо. Наиболее глубоким, – продолжает Вернадский, – является представление о метампсихозе, решающее вопрос не с точки зрения человека, но с точки зрения всего живого вещества. Оно до сих пор еще, возникши несколько тысячелетий тому назад, живо и ярко для многих сотен миллионов людей. И ни в чем, может быть, не противоречит современным научным представлениям. Ход научной мысли нигде с выводами из этого представления не сталкивается. Все эти представления – при всей их далекости иногда от точного научного знания – являются могущественным социальным фактором на протяжении тысячелетий, резко отражающимся на процессе эволюции биосферы в ноосферу, но далеко не являющимся при этом решающим или сколько-нибудь выделяющимся от других факторов ее создания. В этом аспекте в течение десятков тысяч лет они иногда играли главную роль, иногда терялись среди других, выходили на второй план, могли быть оставлены без внимания»¹⁸¹.

Рассмотрение через призму индийской мудрости ряда особенностей и незаурядных качеств сознания Вернадского, проявленных с раннего возраста, даёт нам возможность по-новому понять последующее широкое развитие и воплощение его идей, научных интересов и творческих устремлений к синтезу

¹⁸¹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 32.

знаний, заложивших в итоге основы новой одухотворённой, целостной и космичной научной картины мира, способствующих росту культурно-экологического сознания народа. Для естествоиспытателя, учащегося у Природы, каким несомненно был Вернадский, чрезвычайно важно было обострять и утончать свои восприятия и чувства, в том числе совершенствовать возможности мышления. Не случайно столько мест в его различных трудах посвящено значительной роли научной мысли в преобразованиях биосферы и ноосферы. Его также увлекали взаимосвязи таких сфер духовной жизнедеятельности как философия, религия, искусство, наука, этика. Он стремился доказать общность наук о живой природе и о её косных вещественных составляющих, а в разработке его учения о биосфере значительную роль играло познание общих сторон взаимодействий природно-космических и культурно-исторических процессов, естественнонаучных и социальных идей, которые он использовал для концептуального обоснования ноосферы.

Вернадский вплотную подходит к пониманию того, что, по большому счёту, нет мёртвого вещества – а «косное вещество» биосферы, будучи вовлечённым в процессы обмена с живым веществом, обладает другими мерностями и материально-энергетически и в своей геометрии они отличаются. На атомном уровне процессы обмена соединяют ту границу между живым естественным телом биосферы, его комплексами и косными ее естественными телами, которую В.И. Вернадский считал непроходимой¹⁸². Хотя и отмечал, что «жизнь миграциями атомов в жизненном процессе связывает в единое целое все миграции атомов косной материи биосферы»¹⁸³. Тем не менее, В.И. Вернадский во многом оказывается близок мыслителям Востока, которые каждый атом наделяют протосознанием.

В конце жизни, возвращаясь к этой теме на другом уровне осознания бессмертия, как постоянной смене форм существова-

¹⁸² Там же. С. 25, с.125–126, 166–167, 178.

¹⁸³ Там же С. 128

ния, он пишет в дневнике: «В общем я все время неуклонно работаю. Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы. Если что может оставаться – то переходит в другое живое, какие-нибудь не единичные формы «переселения душ», но в распадении на атомы (и даже протоны). Вера Вивекананды неопровержима в современном состоянии науки. Атомно живой индивид – и я в том числе – особое я»¹⁸⁴.

Для минеролога, кристаллографа, почвовед, геохимика, радиохимика, биогеохимика, внёсшего существенный вклад в развитие радиогеологии, гидрогеологии и генетической минералогии, для создателя учения о живом веществе, биосфере и ноосфере, а также для философских и исторических воззрений Вернадского и его размышлений о всеобъемлющих свойствах биогеохимической энергии, было целесообразно, необходимо, но и увлекательно изучать разные агрегатные состояния живого и косного веществ, их химизм, особенности миграций и сочетаний атомов, проявляющиеся в разных природных образованиях и в оболочках биосферы (литосферы, гидросферы, атмосферы...) и ноосферы (техносферы и всей антропосферы с пневмосферой). Эти его исследования в новых научных аспектах продолжали труды натурфилософов и алхимиков, уделявших большое внимание принципам и душам стихий и их свойствам, процессам химической трансмутации элементов, не только в неорганических и живых органических веществах (микроорганизмов, растений, животных, людей), но и в тонких субстанциально-энергетических душевных и духовных структурах микрокосма внутреннего человека. Вернадский, размышляя над связью духа с материей, задумывается о научной точке зрения, которая ограничивает психические проявления только в соединениях углерода и их комбинаций, в органических веществах, представляющих живые организмы, и задается вопросом «отчего ей не проявляться в других

¹⁸⁴ Вернадский В.И. Дневник 27 декабря 1942 г. воскресенье, утро. Цитируется по: Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М., 1993. С. 246.

химических телах? Отчего, принимая хоть что-нибудь независимое от субстрата в человеке или животном, это «что-нибудь» не будет проявляться и в других телах?...Во всяком случае, говорить теперь о психических и душевных (и идейных) явлениях только как о проявлениях свойств материи нельзя, можно лишь говорить о проявлении свойств соединений углерода, если не допустить перехода одного элемента в другой... Это воззрение – алхимистическое – в сущности составляет субстрат нашей научной мысли»¹⁸⁵.

В наше время изучение химической трансмутации элементов, без использования ядерных реакций на ускорителях, успешно проводятся рядом коллективов авторитетных научных лабораторий и отдельными исследователями, в том числе в России и Индии. О схожих процессах в биологических системах писал Вернадский. Уже классическими в этой области стали работы Луи Керврана (1901–1983) автора термина «биологическая трансмутация», самого известного в XX веке исследователя этого феномена.

С помощью низкотемпературных ядерных реакций и трансмутации изотопов в биологических системах удастся, например, резко снизить концентрацию радиоактивного изотопа цезия-137 (период полураспада 30,17 лет), который сильно заражает пространство после аварий в Чернобыле и Фукусиме. Многочисленные исследования, проводимые руководителем Инновационного центра физфака МГУ к.ф.-м.н. А.А. Корниловой совместно с д.ф.-м.н. В.И. Высоцким и др. доказали, что микробы способны поглощать радиоактивный цезий и превращать его в нерадиоактивный барий¹⁸⁶. Основной действенной силой, производящей все эти изменения, является единоначальная психическая энергия, во многом соответствующая понятию

¹⁸⁵ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С.180-181. Запись из дневника 1 апреля 1901 г. Москва.

¹⁸⁶ Корнилова А.А., Высоцкий В.И., Гайдамака С.Н., Гладченко М.А. Совместная трансмутация стабильных изотопов Cs и Sr в микробиологических системах и перспективы ускоренной деактивации жидких радиоактивных отходов // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. Т. 13, № 4. М., 2021. С. 501–508.

«биогеохимическая энергия», введённому В.И. Вернадским. Психическая энергия имеет множество проявлений в биосфере, ноосфере и космическом пространстве. Одной из высших форм психической энергии, как мы уже отмечали, является мысль.

Творческое наследие мыслителей космистов, ярчайшими из которых являются В.И. Вернадский и семья Рерихов, свидетельствует, что настало время научно и беспристрастно осознать алхимическое «зерно», давшее импульс для развития химии, чтобы выявление родственной сути этих наук помогло созданию новой науки – метакимии. Именно эта наука будет в будущем безошибочно руководить научной интуицией. Ее важный раздел – астрохимия – откроет тонкий химизм излучений пространства и светил и будет изучать его влияние на живые организмы и человека. Это также даст новые возможности для исследований химического воздействия энергий мысли и образуемых ею сфер на разные слои биосферы. Таким образом, получившая должное развитие астрохимия преобразит астрологию и, вместе с одухотворенной астрофизикой, даст новый эволюционный импульс познанию Природы, Космоса и Человека, возродив древний метод изучения соответствий и аналогий между функциями космоса и человека, макрокосма и микрокосма. Изучение психической энергии будет краеугольным камнем всех новых исследований¹⁸⁷. Как бы ни именовалась психическая энергия – будь то величественный АУМ, или египетский Пта-Ра, священный Архей древних греков и Парацельса, Священный Огонь Зороастра, Звездный Свет розенкрейцеров, Крияшакти, Терос, Прана индийских философов, Благодать христианских подвижников и т.д., – все её формы служат тому, кто чтит закон соответствий и аналогий, стремясь выявлять и изучать огненные энергии, связующие состояния внутренних миров человека с элементами всех царств природы и с космическими энергиями, взаимодействие с которыми определяет многие процессы на Земле, в жизни каждого человека и всего человечества, являющейся высокой, совершенствующейся формой космической жизни. Отвечая на вопрос своего корреспондента

¹⁸⁷ Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М., 2000. С. 237–238.

о психической энергии, Е.И. Рерих писала: «Вы спрашиваете, что есть психическая энергия – могла бы ответить на это одним словом, а именно – ВСЁ. Психическая энергия есть всеначальная энергия. Синтез всех наших нервных излучений. Психическая энергия есть та энергия, которая лежит в основании проявления мира. Космическая энергия есть та энергия, которая запечатлевает образы на пластической космической субстанции. Психическая энергия есть Фохат. Психическая энергия есть Дух Святой. Психическая энергия есть любовь и устремление. Психическая энергия есть синтез всех нервных излучений. Психическая энергия есть Великий АУМ. Потому выработка в себе постоянного, ничем не сломимого устремления к Свету во всех его проявлениях и будет именно развитием этой энергии»¹⁸⁸.

Ведийские школы Индии (санкхья, ньяя и вайшешика) и буддизм многие века постигали разные свойства восприятий, чувств и мышления. Детально была разработана система контроля над чувствами и мыслями в практике Йоги - Деха- и Манас-Саньямы или управления индриями - пятью посредниками для восприятий или чувств – Джнана-индриями и пятью, реализуемых для действий, – Карма-индриями. Овладение этими энергиями равносильно постижению свойств «пяти корней, дающих вечную жизнь» Панча-индриями. К чувственной природе индрий слуха (акаши, пространства), осязания (ветра и воздуха), зрения (огня), вкуса (воды), обоняния (земли) добавляется и внутренняя способность аспектов Манаса (ума) к ментальному познанию и восприятию. Но внутренние качества и свойства сознания могут становиться и мощными внешними силами, преобразовывающими все сферы жизнедеятельности. Основным трансмутатором у человека является сердце. Именно его очищение и культура сердечного познания позволяла Рамакришне, Вивекананде, Шри Ауробиндо, Шри Рамане Махарши, некоторым буддийским святым и другим мудрецам и провидцам древности достигать ис-

¹⁸⁸ Рерих Е.И. Письма. Т. 4. 1936 г. М., 2002. С. 354–355. Письмо к Ф.А.Буцену от 2.10.1936 г.

тинного знания, в том числе того, к чему западная наука пришла гораздо позже. *«Великие истины, касающиеся атомов и более тонких элементов, а так же утонченного восприятия людей, – говорил Вивекананда, – были давным-давно открыты людьми, которые никогда не видели ни телескопа, ни микроскопа, ни лабораторию. Каким образом они узнали обо всем этом? Знание пришло из сердца. Они просто очистили сердце. Путь к тому, что бы сделать то же самое и сегодня – открыт для нас. На самом деле, культура именно сердца, а не интеллекта, уменьшит страдания этого мира. Результатом развития интеллекта явилось открытие сотен наук, а результатом открытия этих наук стало то, что небольшая кучка людей сделала всех остальных своими рабами – вот и все благо от этого»*¹⁸⁹.

В нашей же статье в основном использованы представления веданты, отражённые в творчестве Свами Вивекананды и созвучные им положения буддийской мудрости. Именно эти восточные философские взгляды, оправданные многотысячелетним опытом святых, мыслителей и подвижников Индии, Тибета и некоторых других стран Центральной Азии, лягут в основание новых одухотворенных научных исследований Мироздания, помогут научной мысли исследователей освободиться от оков грубого материализма и предрассудков, откроют надземные просторы иных миров и пути сотрудничества с разумными космическими сущностями.

Надеемся, что данная статья, в которой в какой-то степени отражена лишь небольшая часть из возможных сторон влияния индийской мудрости на жизнь и творчество В.И. Вернадского, послужит дальнейшим непредвзятым исследованиям психологических особенностей, побудительных мотивов, переживаний и тонких восприятий идей, образов, чувств и мыслей великого учёного.

¹⁸⁹ Свами Вивекананда. Ступени познания (Лекция прочитана в Америке). URL: https://vk.com/@revers_sun-svami-vivekananda-stupeni-poznaniya

Литература

1. Вернадский В.И. Архив РАН. Ф. 726, оп. 2, д. 47 и Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Автограф.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис пресс, 2003. 576 с.
3. Вернадский В.И. Биосфера (Избранные труды по биогеохимии). М.: "Мысль", 1967. 376 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
5. Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской 1886-1889 М.: «Наука», 1988. 304 с
6. Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков./ Сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993, 688 с.
7. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988. 520 с.
8. Ковалёва Н.Е. Мистический опыт Владимира Вернадского (К 160-летию со дня рождения). URL: <https://proza.ru/2023/03/12/719> (дата обращения 10.12.2024)
9. Корнилова А.А., Высоцкий В.И., Гайдамака С.Н., Гладченко М.А. Совместная трансмутация стабильных изотопов Cs и Sr в микробиологических системах и перспективы ускоренной деактивации жидких радиоактивных отходов // Радиозлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. Т. 13, № 4. М., 2021. С. 501–508.
10. Рерих Е.И. Письма. Т. 3. 1935 г. М.: МЦР, 2001. 768 с.
11. Рерих Е.И. Письма. Т. 4. 1936 г. М.: МЦР, 2002. 512 с.
12. Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2000. 463 с.
13. Росов В.А. В.И. Вернадский и русские востоковеды. Мысли – Источники – Письма. СПб.: «Сердце». 1993. 142 с.
14. Свами Вивекананда. Практическая Веданта. Избранные работы. М.: Ладомир, 1993. 559 с.
15. Свами Никхилананда. Вивекананда. Краткая биография / Перевод Р.Г. СПб. «Общество Рамакришны», 1991.
16. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981. 349 с.
17. Учение Вивекананды. Минск: «Звёзды Гор», 2006. 300 с.

Н.Н. Мурзин

Человек как универсальный образ разумной жизни

Почему разумная жизнь обретает себя в форме человека? Почему мы не мыслящие осьминоги? Со времен античных философов-досократиков стоит вопрос о том, существует ли разум сам по себе, в виде духа ли, Бога, особого «информационного поля», или же он является неотъемлемым от той формы телесности, присутствия, каковая сама себя называет «человеком». Если даже истоки разумности трансцендентны, тем более, вряд ли случайно, что ее агент в бытии – человек – обладает соответствующей формой, отличающей его от животных. В библейской Книге Бытия говорится, что человек сотворен по образу и подобию Божию. Греки, выработавшие идеальные пропорции и ваявшие своих богов в форме прекрасных совершенных тел, демонстрировали аналогичные интуиции. Для понимания жизни в космическом масштабе, мы, соответственно, должны ответить на вопрос, во-первых, неизбежна ли венчающая ее «разумность», а во-вторых, как с ними обеими связана известная нам форма-образ разумного существа.

Ключевые слова: человек, вселенная, жизнь, разум, тело, образ.

Значит, я мыслил что-то общее, что тебе присуще ничуть не больше, чем кому-то другому?

Платон. Теэтет

Если бы лев и умел говорить, шутил Витгенштейн, мы бы его все равно не поняли. «Говорить» в данном случае означает, согласно классическому определению Аристотеля, обладать разумом – человек это *zoon logon echon*, т.е. животное, умеющее говорить, или, что то же самое, обладающее разумением, поскольку, уже по Платону, мышление есть не что иное, как безмолвная беседа души с самой собою. Разум, разумность, таким образом, это не вещь в себе. Обладать разумом и быть способным к выражению его – одно и то же. Так что, на самом деле, мы не обна-

руживаем за львом не просто речи – ибо сигнальные системы у животных есть, равно как и некие заменители, аналоги речи (жесты, гримасы, окрашенные настроением звуки). Нет, мы отказываем льву в том типе разумности, который присущ нам самим.

Возможно, лев разумен, просто говорит на другом, непонятном нам языке, на что намекает Витгенштейн? Но это сомнительно; мы научились разгадывать и понимать чужие языки. Даже если мы не можем расшифровать язык (как в случае с критским письмом), мы понимаем, что перед нами именно язык. Лев, конечно, вовсе не бессмысленное или неодоушевленное существо. Однако он не *logon echon*, не *sapiens*.

Перефразируем Витгенштейна в соответствии со всем этим, и получится: если бы лев был разумен, мы бы это поняли. Но в данном случае «быть разумным» значит не только обладать неким качеством самим по себе, или даже таким качеством, которое может себя выразить. Нет, все еще серьезнее; будь лев разумен, он был бы во всем подобен нам – вот как это следует понимать. А это значит, что он уже не был бы никаким львом. Точно так же и человек – не разумная обезьяна, не животное, которому просто сверху нахлобучили дополнительную опцию. Разум, развивается ли он изнутри жизни, или послан ей извне, меняет телесность своего носителя под себя. Человек – это явление, эпифания, инкарнация разумности. Он понимает это, не только мысля «внутри» себя, но и постигая свое отличие чисто внешне. Соответственно, человек полагает себя не просто разумным существом среди других, менее или не-разумных. С какого-то момента он становится убежден, что его специфическая форма и есть форма самой разумности, экзистентность такой сущности, как разум.

Возможно, это невежество, или предельное высокомерие, или хуже того – грех, зло, пролог к некоей онтологической сегрегации? Французские пост-структуралисты и де-конструктивисты (в частности, М. Фуко) утверждали, что самоназванный «человек» на протяжении всей своей истории демонстрировал крайнюю слепоту и более чем агрессивное отрицание разумности и оду-

шевленности за многими существами, если это способствовало его воле-к-власти (выражение Фр. Ницше). Причем это происходило не только в отношении животных, но и разнообразных форм человеческого. На том или ином этапе нашего «прогресса» самые разные группы и под-группы людей – «женщины», «дети», «умалишенные», «дикари» – подвергались существеннейшей дискриминации. За ними не признавалось разумности (вообще или, как минимум, полноценной), а иногда им вменялось и отсутствие «души». Полноправным носителем разума выступал, в глазах представителей данной, господствующей парадигмы, вовсе не человек как таковой, а взрослый зрелый мужчина, европеец, соответственно образованный и возвращенный в определенном ценностном коде.

Все это верно, но в то же время картина значительно сложнее. Ведь действительно же мы спокойно, вне зависимости от нашей цивилизационной и культурной принадлежности, признаем, что дети лишь зачаточны разумны, и потому их следует развивать и обучать – если же предоставить их самим себе или природе, то они не выживут, или вырастут в «диких Маугли». Также потребовалось существенное время, чтобы люди выработали нормы общения с теми из их числа, кто временно или навсегда утратил разум. Контакты с «дикарями» тоже не всегда развивались по худшему сценарию, и с практической точки зрения мы всегда прекрасно сознаем, что перед нами хоть и другой, но человек; мы учим его язык и обычаи, и передаем ему наши. Борьба за права женщин идет своими собственными нелегкими путями, однако и феминистки любят поговорить об особой женской разумности, об «эмоциональном интеллекте» и т.п. Изображая «белого человека», в его собственном понимании – просветителя и цивилизатора, чуть ли не фашистом, мы впадаем в обратную крайность демонизации, и престаем различать реальные трудности, которые преодолевал в его лице наше познание, а также игнорируем тот факт, что кое-в-чем критикующие вполне себе заодно с критикуемыми. Знаменитое допущение Декарта – «реален только я, а все остальные могут быть чем угодно: фантомами,

автоматами и т.д.» – вовсе не изобретение позднего бездушного рационализма, забавляющегося абстрактными допущениями. Те же самые дикари спокойно демонстрируют принципиальное неприятие членов другого племени в качестве людей. Другой очень легко демонизируется. Отсюда естественно следует политика войн и истреблений: мол, если другой/другие – не человек, не народ, а лишь кажется им/ими, то вести себя с ним/ними предельно уничижительно, отрицать его/их существование, а то и вовсе пытаться уничтожить – что называется, оправданное дело. Впасть в эту ересь могут и вполне развитые общества, культуры, цивилизации.

Хоть это и не столь драматично, однако многими кошмарами истории мы обязаны не некоему беспросветному злу в нас, а лишь ограниченности, предубежденности и лености. То, что люди однажды свалили в одну кучу женщин, детей, умалишенных и дикарей, свидетельствует о неразвитости на тот момент их критериев для различения нюансов не-, недо- и около- и альтернативной разумности. Со временем же это просто превратилось в привычку, в удобство, дало основания не заниматься этим всерьез. Тем не менее, правда – а это и впрямь она, а не подделка под нее в виде окостенелой догмы идеологии – и впрямь такова, что 1) дети нуждаются заботе и опеке со стороны взрослых для развития собственной разумности; 2) умалишенные потому и называются так, что их разумность ущербна или помрачена, и это не фашистские фантазии условно вменяемых; 3) мужская и женская психология, т.е. разумность людей в действии, иногда различаются; 4) с «дикарями» непросто найти общий язык, и мы не властны над тем, что какие-то подробности их внешности, быта и жизни отталкивают нас – притом что верно и обратное. Картина мира непроста. Что-то мы схватываем быстро, до чего-то доходим лишь спустя столетия и несколько мировых войн и катаклизмов в придачу – а бывает, что и вовсе не доходим. Познание движется крайне медленно. Еще труднее нам переходить от простых первичных полярностей, на которые мы опираемся с незапамятных времен – таких, как «свой/чужой», «разум-

ный/неразумный» – к бесчисленным уточнениям и тонкостям: что можно, например, быть образованным, воспитанным, вроде бы вполне адекватным членом общества и представителем цивилизованного мира, но при этом носить все это как маски, а под ними быть чудовищем хуже любого дикаря. Человек слишком сложен, чтобы втиснуть его в схему, но мы все равно пытаемся, а потом долго и мучительно не желаем с этой схемой расставаться.

Тем не менее, в основании многих наших ошибок, черствости и даже преступлений лежит изначальная, трудно оспариваемая истина. Животное и впрямь НЕ человек. Проблема вовсе не в этом тезисе самом по себе, а в том, что мы к нему по какой-то причине начинаем доводить некие выводы и следствия. Из того, что другой НЕ подобен нам, разве следует наше право на жестокость по отношению к нему, разве проистекает с необходимостью философия горделивого превосходства и попираания его? Нет. Да к тому же, и врем мы здесь изрядно. Потому что тот, кто признает т.н. других, отличных от себя, заслуживающими насилия, на деле точно так же относится и к условным «своим». По мере приближения к коммунизму классовая борьба будет не сходить на нет, а, напротив, обостряться, пронизательно заметил тиран Сталин. В «чужие» начнут записывать все больше недавних «своих». Эта кровавая потребность в репрессиях будет требовать новых и новых жертв, и раз уж ты однажды впустил, допустил резню, чистку как регулятивную идею твоего социума, то ни в каком загоне она не удержится и пойдет, раньше или позже, до краев, до конца.

Инстинкт отрицания, установка на уничтожение лишь прикидываются производными той или иной логики. В реальности они подстраивают под себя любые логики, замыкают концы аргументации, присасываясь, наподобие паразита, и искажая любую форму мышления, любую ценностную систему. Тем не менее, правы были Платон и Августин: первый – сказав, что нельзя выдумать ничего такого, что не было бы хотя бы в своих составляющих реальностью, второй – постановив, что любое зло есть лишь недостаток добра. Злоупотребление не отрицает употребления.

То, что та или иная максима оказалась в тот или иной момент истории присвоена злом (или, для начала, утонула в недомыслии, окуталась откровенной глупостью), означает, странным образом, не то, что она плоха или неверна, а ровно обратное. Скорее всего, человек действительно разумен уникальным, исключительным образом; сама его форма указывает на это, а не только способности или модус операнди.

На самом деле, разумность в нас столь тотальна и всеохватна, что толкает нас искать разумность повсюду, распространять ее на все, иногда даже парадоксально отказывать в ней нам самим, понимающим ее с ее же помощью и рассуждающим о ней. Это происходит потому, что: **а** (психологическое объяснение): подобное тянется к подобному; **б** (диалектическое объяснение): разумность процессуальна, она предрасположена к развитию и росту, и не хочет навеки остаться в одних и тех же, однажды достигнутых ею формах; и **в** (нравственное объяснение): она воспринимает себя не как преимущество, а как дар и достоинство, связанные с моральным обликом человека и терпящие ущерб от его злоупотреблений и преступлений. Проще говоря, именно потому, что мы исключительно разумны, мы и должны относиться ко всему как к аналогично, а то и превосходяще разумному – или, хотя бы, разумно устроенному. Логика Платонова Эрота, влекущегося к чему-то лишь по нехватке этого у себя, здесь принимается только со значительными оговорками.

Первичное одушевление бытия, помещение его в формы человекоподобные, личностные, известно как мифология. Над мифологией посмеивались уже и сами язычники, стоило им немного «развиться» – вспомним сокрушителя идолов Ксенофана, заявившего, что человекообразность богов в наших мифологических и религиозных представлениях есть лишь дань естественной склонности *любого* существа мерить все своей меркой – и, будь у лошадей боги, они, соответственно, выглядели бы непременно как лошади¹⁹⁰. Но суть как раз в том и состоит, что у лошадей НЕТ

¹⁹⁰ Аргумент Ксенофана в Новое время воспроизвел – даже с большим остроумием – Спиноза, заявивший, что если бы треугольник имел способность мыслить, то он непре-

богов. И это не просто наше допущение. Допустим, лошадь разумна, просто не умеет говорить. Но ведь богам поклоняются и без слов, их изображения высекают из камня или дерева, рисуют на скалах, досках и холстах. Где лошадиный Парфенон, Нотр-Дам, Сикстинская капелла или «Троица»? Их нет, и смеяться тут не над чем. Мы бы узнали их, если бы они были, потому что легко отличаем искусство от природы. Безъязыкое, оно говорит с нами и через тысячелетия, когда уже давно умолкли и истлели те, кто стоял за ним. Их произведения доходят до нас, и мы бережно храним их, даже если понятия не имеем (а как правило, так и бывает), что они означают, кто все это создал и что имел в виду, даже если мы награбили их бессовестно по каким-то чужим джунглям и пустыням. Человеку чрезвычайно важно владеть тем, что создал другой человек = то бишь, другое разумное существо.

Но не только нет у лошадей своего Парфенона, равно как и своего языка. У них нет самой возможности создать их. Сами тела их устроены иначе. Копыта годны высекать искры из булыжника, но не изваяния богов. Кисточку в них тоже не поддержишь. Лошадиная пасть отлично подходит для ржания, но совсем нет – для артикулированной речи. Короче, животные приспособлены к миру одним способом, человек – другим. Таким образом, с позиции чистой разумности, человек не только а) разумен в-себе и относительно себя, б) ищет (и находит) всюду вокруг подобное себе – т.е. разумное, в) может вместить это в абстрактную понятийную форму – будь то Дао или Гераклитов логос, или «законы природы» – или в идею персонифицированных природных сил, чтобы затем, скажем, воплотить образы этого вне-себя-разумного с помощью искусства как «богов». Нет, чтобы осуществить всю эту последовательность, он должен иметь – и имеет – для этого соответствующую телесную возможность, особым образом сформированные конечности, как-то: пальцы, руки, стоящие за ними иное восприятие, нервную систему, воображение,

менно постановил бы, что Бог есть не что иное, как идеальный треугольник. Интересно, что насмешка Спинозы игнорирует куда более любопытное обстоятельство: а именно, что Спиноза ни минуты не сомневается, что любое мыслящее существо непременно начнет искать Бога, т.е. что Бог, или его идея – это инвариант мысли.

волю. Иначе устроен весь его организм, не только мозг. Вернее, поскольку его мозг таков, каков он, соответственно ему формируется и человеческое тело. И потому человек пишет книги, рисует картины, ваяет в камне.

Телесные особенности человека усредненный эволюционизм трактует прагматически, как предрасположенность к познанию и созданию техносферы, компенсирующей отсутствие у человека животных преимуществ. Искусство, религия, философия при радикализации такого подхода толкуются как ранние и неточные «пробы пера» еще не овладевшей собой в полной мере разумности, ее детские фантазии, гимнастическая разминка или необязательная прихоть. В этом, по иронии, данная установка совпадает с критикой телесности во многих учениях наподобие неоплатонизма, где тело понимается исключительно как слабость человека, как его уязвимое место. Он должен либо преодолеть эту слабость, презрев тело и все связанное с ним, посредством духовных и аскетических практик, либо компенсировать недостаточную подготовленность этого странного, нежного, слабого тела к жизни в суровом мире созданием прикрывающих и защищающих его предметов – одежды, орудий, и т.п. Разум в этой перспективе – основной инструмент выживания человека, координатор его приспособления к миру, в который он оказался «заброшен», и эффективного распоряжения теми ресурсами, какие ему даны и какие он может обрести дополнительно через преобразующую и созидательную деятельность.

Но возможно, в теле и в телесности заключено иное послание, не только квази-ниzscheанская конструктивная обида на лишенность когтей и хвоста как повод к прогрессу, и с прочтением этого послания лучше справятся не «науки о выживании», а все отправленное ими в разряд несовершенного, необязательного и проблематичного. Возвращаясь, т. о., к искусству и мифологии, отметим: приближая, посредством их, богов к себе, человек, помимо прочего, почитает и в них, и в себе то личностно-телесное начало, каковое суть божественно, а не просто гром и молнию. Бог – это сочетание природного и личностного начал. За громом

и молнией угадывался характер, темперамент. Но и бог делит с человеком (хотя самим человеком это не рефлексируется в должной мере, просто принимается как данность представления) тело, облик, образ. Мы часто говорим: внешность неважна, был бы человек хороший – и это, конечно, правильно с морально-этической точки зрения. Но личность связана с «лицом» даже этимологически, утери от человека то, как он выглядит, как звучит его голос, и что останется? Поэтому, кстати, христианство вообще не отрицает тело, оставляя от него одну только бесплотную, непредставимую душу. Воскресение означает, что человек возрождается Богом к новой (и вечной) жизни в полноте своей телесности и личности. Религия не находит противоречия между телом и бессмертием, божественностью – ни языческая, ни какая иная. Тело – не унижение и не хитроумная загадка природы, чтобы, расшифровав ее, встать на надежный путь эволюции и на том успокоиться.

Тамик образом, разумность – это единство, связь и игра друг на друга самосознания, трансценденции, мышления и творчества, личности и телесности. Теоретически мы можем допустить существование той или иной из этих способностей или реальностей отдельно, и прагматически мы порой должны так делать. Но таковые исключения (равно как и печальные примеры обстоятельств, способных чего-то нас лишить, ограничить) только подтверждают правило, а правило состоит в том, что они растут из одного корня и только вместе имеют смысл, именуемый человеком. Как и в случае с ипостасями Бога в христианской доктрине, мы можем (и должны) различать их, но разделить их онтологически невозможно – хотя на индивидуальном уровне они, конечно, реализуются в весьма различной мере: мы все не одинаково умны, одарены и т.п. Также можем пострадать физически и интеллектуально, что блокирует нашу возможность проявлять ту или иную из перечисленных способностей.

Когда нам на ногу падает кирпич, мы клянем его последними словами, можем даже пнуть в ответ (это увеличит наши страдания, но сообщит, пусть и ненадолго, известное моральное удов-

летворение). В такой, казалось бы, абсолютно бытовой и не возвышенный момент мы, в меньшем масштабе и с меньшим пафосом, но совершаем то же, что и античный герой, в гневе велевший высечь море, которое не желало ему покориться. Одна из самых отвратительных наших черт – инстинкт мести, злобная потребность найти и извести некоего «врага», якобы сознательно причиняющего нам «вред» – питается, увы, из того же источника величайшей нашей способности находить в любом явлении окружающего нас мира жизнь, разум и личность. Так что, когда Ницше сказал, что изобретение мести было величайшим достижением человечества за всю его историю, он был куда большим метафизиком, чем нам хочется верить.

Но вот что интересно. Язычники не сомневались, что придают богам свои собственные, человеческие черты. Это называется антропоморфизмом. Порой, правда, они и сами порицали эту свою склонность, и начинали заново искать великое абстрактное бестелесное Божество – как те же досократики, а вслед за ними и Платон с Аристотелем. И лишь иудео-христианство предложило иной подход – схожий в общих чертах, но революционно отличный по вектору. Это предложение было даже более уникальным и выдающимся, чем настойчивое исповедание Единого Бога. Заключалось оно в том, что не Бога следовало понимать как носителя человеческих черт, а ровно наоборот – что это человеку были приданы (самим Богом) черты божественного, черты божественные – что выразилось в максиме: «И сотворил Господь человека по Своему образу и подобию».

О том, что такое эти величественные образ и подобие Божии, написаны тысячи работ по теологии и не только. Самое распространенное прочтение – что Бог создал человека личностью, обладающей свободной волей, т.е. способным выбирать. Это, конечно, так оно и есть. Но нас сейчас волнует другой аспект происшедшего – а именно, то, что эта самая богоподобная личность воплотилась именно в том образе, который нам известен. Более того, Бог, сам позднее сошедший на Землю, тоже стал человеком, воплотившись как Иисус Христос, и стал *eikon*, иконой – ви-

димым образом невидимого Бога. Однако также Он именовался и сыном человеческим, не только сыном Божиим. Его пришествие означало возвращение человека к Богу, возвращение человека в Образ божий, искаженный и частично утраченный им через грехопадение.

Даже если оставить в стороне религию, наш собственный язык говорит нам нечто о связи мирского и божественного, человеческого и абсолютного, знакового и номинального в телесности. Мы можем говорить о длани Господней – или о «невидимой руке рынка», на худой конец – сетовать, что некто «стонет под чьей-то пятой», но по сути это все та же трансценденция телесности, признание, что наше маленькое обозримое, уязвимое тело есть в то же время образ чего-то большего. «И мановением руки в сражение бросил он полки». «Рука помощи». «Перед умственным взором». «Чело его замглилось гневом». Все это не просто метафоры, поэтические красоты или иносказания – вернее, сведя все к этому, мы только отложим работу объяснения на потом, когда нам придется уже объяснять, как возможны сами эти метафоры, к которым мы прибегаем с такой легкостью, и на чем основывается наш язык в его дву-векторности.

Жизнь и душа, разум и тело, сознание и мышление, знаки, искусство и религия – все это человек достал из себя, это узел его собственного бытия, крепко и надежно сплетенный. Он увидел самого себя сложным из всего этого, так что разъять онтологически это уже невозможно. Однако исторически и индивидуально человек расщеплен, и та или иная конкретная личность представляет собой лишь аспект, ответвление той или иной способности, отдельную частоту в общем диапазоне. Именно в этом и заключен высший смысл собирания людей в т.н. «общество». Вместе люди могут дополнить друг друга, помочь лучше увидеть, отчетливее проявиться тому единому великому Образу, к которому все они принадлежат. И конечно, на этом пути любое достигнутое единство будет корректироваться следующим, большим. Невозможно, да и неприемлемо, довольствоваться узко национальным, когда на кону общечеловеческое или всемирно-

историческое, хотя на предшествующем этапе и объединение в нацию было великим шагом по сравнению с племенной раздробленностью. Беда в том, что очень редко (да что там, почти никогда) это объединение не происходит по-доброму. А когда икону пишут кровью и насилием, лик на ней получается соответствующий, и потому любому человеческому объединению на земле предстоят однажды эпохи дотошнейшей ревизии, а проще говоря – осуждения и искупления неправомερных методов прошлого, с напряженной при этом попыткой сохранения главной, верной интенции всяческого объединения, горизонта всех стараний (и страданий). На подобном этапе сильны бывают самые разные соблазны: от полной компрометации «превосходящих» целей прогресса (светлое будущее, вершина пирамиды, хрустальный дворец) жертвами, которые были принесены ради их достижения, всем тем злом, что было содеяно в пути, до желания отбросить риски будущего и утвердиться на уже достигнутой, более комфортной ступени развития – предпочесть себя и свой маленький интерес общественному, или интерес существующего общества поставить над универсальными требованиями человечности. Все это происходит с нами постоянно, и как тут поступать, решает для себя каждый.

Но все общество в целом редко нам видно из нашего маленького угла, где мы заняты своим делом, своим трудом на его и свое благо – потому что в этом и была суть нашего вливания в него: обрести в нем свое место и быть спокойным, что это хорошее место и хорошее общество. Чтобы не терять из виду образ, лик, к которому мы принадлежим, мы должны одновременно знать, уметь разбираться, что с нами происходит здесь и сейчас, в историческом красисе-смешении всего со всем – и в то же время продолжать соотносить себя с Образом в его чистоте. За первое отвечают правдивая информация и свободное мышление, за второе – все то, что мы порой очень размыто и обобщенно проводим по разряду «культуры» или «духовности»: искусство, религия, философия... Именно в этих парадигмах хранится, если угодно, образ самого Образа, причем как раз для того, что-

бы мы могли вы-ступить при необходимости за пределы всего временного, выпутаться из хитросплетений, искушающих прагматизмом и цинизмом, и свериться с этой абсолютной картой нашего жизненного странствия и делания. Понятно, что на любом этапе истории злонамеренная воля – чужая или наша собственная – может отбросить нас от этого: ограничить в объективном понимании действительности, урезать свободу нашей мысли и поведения, представить нам вместо Образа идеологическую подделку под него, то, что в старину называли адописной иконой. Наша задача при таком раскладе – бодрствовать и сопротивляться этому искажению и подмене.

Но вот что важно. Объединение в Образе, восхождение ко все большей абсолютности происходит всегда и только с учетом свободы, а не усилением волевого давления. Чем больше картина, тем больше на ней пустот, и это нормально. Образ пишется не только красками «да», но и красками «нет». Именно паузы между звуками делают музыку музыкой. Тоталитарность с ее тотальным контролем никогда не сможет преуспеть в построении общества планетарного единения. Также она не обманет нас, притворяясь ратующей за «разнообразие», под которым на деле понимается союз однообразных тираний, различающихся лишь местным колоритом, творящих зло и насилие под прикрытием красивых слов и лозунгов.

За обретением – или возвращением – ясного видения Образа, которому человек причастен, человек обращается не только к философии и религии, но, в немалой степени, и к опыту искусства. И хотя искусство зачастую кажется профанным в своих средствах донесения истины (и так думали уже древние), тем не менее, оно справляется с этой своей обязанностью с незапамятных времен. Оно окружает нас не только монументами государственного величия, но и творениями непреходящей красоты – красоты, которую оно усматривает в человеке как в особом явлении божественного, а не любующемся собой тиране земли. То, что искусство подчиняется требованиям момента, не аргумент против него. Разве не то же самое происходит и с философией, и с религией,

возвышенность которых вовсе не гарантирует им иммунитета от посягательств сиюминутных вершителей судеб, будь то некто внешний или даже сам мыслитель, вдруг решивший, что пришло время исповедовать жесткий подход к вещам и писать историю кровью? Более того, именно искусство, с его принципиальной неспособностью избавиться от посюстороннего, телесного, сообщает нам о дву-составности Образа куда яснее своей заносчивой родни. И хотя красота Давида и Аполлона не то же самое, что иконописный канон, тем не менее, истоки и того, и другого – в понимании особой реальности Образа и в попытках проникнуть в его тайну, причем не только интеллектуально, но и чувственно.

Также и история не стоит на месте. С развитием научного знания в мысли человека все более утверждалась идея, что Вселенная, как царство в себе, а не фон для его собственного мирка в виде мерцающего занавеса ночного неба, может быть домом для множества реальностей, подобных его собственной, то есть населенной разумными существами, совпадающими с ним в основных параметрах Образа. Так исконная тяга человека к проекции Образа, уловленного им в себе и вокруг себя, на мир и стихии природы – раньше она называлась «антропоморфизмом» – обрела новые очертания и размах. В эпохи мифологического мышления человек населял единственный известный ему мир сверхъестественными существами. Это были великие боги, управляющие циклами жизни и смерти, или меньшие обитатели того или иного региона, недоступного ему самому: нимфы – в деревьях, гномы – в камне, саламандры – в огне, сильфы – в воздухе. Теперь же на космических просторах он воображал существ равных себе, устраивающих свое бытие в своих мирах так же, как это делал на земле и он сам. Те, кто слишком увлекается выставлением Вселенной как страшной бездны необозримой пустоты, почему-то упускает из вида, сколько пространства для жизни – пока хотя бы в идеале, в фантазии – она нам дарит. Вслед за учеными за освоение новой области взялись мыслители-космисты – А. Бергсон, П. Тейяр де Шарден, В. Вернадский, а также художники – в первую очередь, писатели-фантасты. И все

они принимали за данность, что Вселенная либо уже населена существами подобными нам – антропоидами, с которыми мы вот-вот встретимся, либо однажды будет заселена нами самими, когда наши технологии позволят нам достичь миров иных и преобразить их по нашей воле и мерке. По умолчанию, не задаваясь вопросом, а почему это, собственно, должно быть так, все эти авторы рисовали обитателей других планет по образу и подобию homo erectus. Некоторые из них позволяли себе чуть больше фантазии, и там появлялись упомянутые нами разумные осьминоги – но, оставаясь осьминогами внешне, они были внутренне разумны абсолютно в нашем духе. «Пилот» разума или духа в «машине» их тела (перефразируя Декарта) был для нас узнаваем.

Соответственно, идея Образа, формально переживая эпоху необычайного экспансионизма, вдруг сильно отодвинулась от своих религиозно-философских истоков, глубин и перспектив. У космистов не возникало, очевидно, сомнения, что жизнь – сомкнутая в единое целое с человеком – всегда и всюду будет развиваться так, что, дойдя до ступени «разумности», породит вместе с cogito именно его форму, минорно отличающуюся какой-нибудь мелочью вроде цвета и фактуры кожи. Отличия могли быть и более существенными, но так или иначе нам представлялся старый добрый двуногий прямоходящий гуманоид – в большинстве случаев. Так же и другие миры – планеты – отталкиваясь от идей антропного принципа, т.е. теории о земных условиях как наиболее удачных для возникновения и развития жизни в направлении разумности – рисовались двойниками Земли, а отсюда было уже недалеко до живописания тамошних обществ как пародий на земные, и т. п., с сюжетами о классовой борьбе на Марсе в духе «Аэлиты» А. Толстого. То, что античные стоики проповедовали на земле и во времени – вечное возвращение одного и того же – космисты перенесли в пространство, в космос.

Так космическая романтика начала увядать от недомыслия даже прежде, чем сама осознала это, даже прежде, чем достигла своего, казалось бы, расцвета, в научной фантастике и смежных

с нею жанрах. Эта «болезнь к смерти», заложенная внутри нее, не была уловлена ни ею самой, ни осознана как проблема внешними наблюдателями. Наоборот, как и в случае с земными империями, ставящими пространственное расширение превыше всего, и авторам, и читателям казалось, что они наконец-то обрели неиссякаемое Эльдorado, Клондайк всевозможных приключений во всех возможных мирах. И началась выработка этого месторождения, эксплуатация ресурса, природа и происхождение которого оставались неясными, непонятыми. Но, распространившись повсюду, человек перестал всматриваться в себя. В общем-то, он себя потерял – и даже больше, чем себя. Прибегая к аллегории из «Махабхараты», он не прошел испытания Арджуны, как если бы в выборе, предоставленном ему Кришной, тот предпочел не одинокого, но божественного Кришну, а его обманчиво многочисленное воинство. Арджуна проявил мудрость и выбрал Кришну. А вот современный космист-популяризатор выбрал легион подобий Образа, которыми запрудил Вселенную, даже не подумав при этом задаться вопросом о самом Образе – т.е., в конечном итоге, о самом себе.

Между тем, ситуация чрезвычайно проста, и, как говорил М. Хайдеггер, единственный способ преодолеть порочный круг – это войти в него, но только войти по-настоящему, т.е. проникнуть мыслью. Если воображаемая Вселенная – сегодня во многом империя наших иллюзий – населена существами Образа, то они подобны нам в той же степени, в какой мы подобны им. Выразиться можно и так, и этак. А это означает, что и мы, и они подобны чему-то еще. Идя дальше методом исключения, мы осознаем, что никакого «антропо-» (или «октопо-») «морфизма» нет ни для нас, ни для них. Потому что это не разные частные, в том или ином здесь-и-сейчас находящие себя «мы» распространяем «наш» образ на всю прочую жизнь. Нет, это сам Образ присущ всей возможной, действительной и необходимой жизни, мы же – лишь одни из бесчисленных его детей, рассеянных по бесконечности, и все, что нам дано – открыть и осознать это, а также правильно истолковать открывшееся. Наша собственная фантазия предает

нас и не дает нам ни замкнуться в себе, ни водрузить себя на вершину пирамиды бытия. Да она и не наша собственная; уж скорее, мы – ее собственность, маленькая точка (кочка) отсчета, одна из мириады опор чертимого ею купола мироздания. Логика, подразумеваемая ею, влечет нас к чему-то большему, чем мы сами, вытаскивает нас из себя на свет, который породил нас вместе с множеством других существ, и которому мы принадлежим всегда, но лишь в той мере, в какой не претендуем самонадеянно на обладание, производство или переработку его под влиянием поверхностных и недобрых нужд.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Пер с. древнегреч. А. В. Кубицкого / Политика. Метафизика. Аналитика. М.: «ЭКМО», СПб.: «Мидгард», 2008. 960 с.
2. Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь / Пер. с фр. И. И. Блауберг. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 400 с.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. 520 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: Изд-во АСТ, 2018. 352 с.
5. Платон. Теэтет / Пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой / Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
6. Рассел Б. История западной философии. В 2-х т. Т.1. Кн. 1, 2 / Пер. с английского В. В. Целищева. М.: Изд-во АСТ, 2020. 768 с.
7. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Пер. с фр. Н. А. Садовского. М.: Наука, 1987. 240 с.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с фр. И. К. Стаф. М.: Изд-во АСТ, 2010. 700 с.

Т.А. Артамонова

Феномены аграрных культов: ноосферный подход

Аграрные религиозные культы – достаточно широкое мировое явление, характерное для многих народов и культур. Мироззренческой основой аграрных культов являлся синкретизм и холизм, сквозь призму которого человек воспринимал себя как неразрывную часть окружающего мира и наделялся способностями влиять на протекающие природные процессы. Особый исследовательский интерес представляют сохранившиеся до наших дней ритуалы метеорологической или плювиальной магии, которые связаны с вызыванием дождя в засушливый период или во время сильных пожаров. В статье предпринимается попытка теоретического обоснования их действенности и результативности с позиций современной научно-философской картины мира. Обосновывается необходимость трактовки древнего холизма с позиций ноосферного подхода. Как известно, к идеи единства мира в ее научном аспекте в начале XX века подошел В.И. Вернадский. Его подход, дополненный философскими представлениями о субстанциальности идеального, прежде всего, человеческой мысли, позволяет духовные основы отношений «человек – природа» рассматривать как взаимодействие разных уровней бытия, как опыт общения между объектами **разной ментальной формы организации**. Опыт трансцендентного переживания иных пространственно-временных ощущений предлагается обозначить как **переживание целостности мира, духовное вживание в его многоуровневые связи – живые нити всеединства**.

Ключевые слова: аграрные культы, ноосферный подход, плювиальная магия, холизм, метафизика всеединства, субстанциальность идеального, формы ментальной организации, переживание целостности мира, разноуровневая идеально-материальная реальность.

Аграрные культы как комплекс религиозно-мифологических верований и обрядов, связанных с сельскохозяйственной дея-

тельностью, – широкое мировое явление, характерное для многих культур. Аграрные культы, зародившиеся в архаические времена магии, были направлены на повышение плодородия и получение гарантированного урожая, защиты скота, жилища, пастбищ и угодий с привлечением потусторонних сил. Мировоззренческой основой аграрных культов являлся синкретизм и холизм, сквозь призму которого человек воспринимал себя как неразрывную часть окружающего мира. Такое мировоззрение способствовало формированию системы табу и естественным способам охраны природы. В рамках этих представлений человек наделялся способностью влиять на протекающие природные процессы через привлечение посредников: духов, душ умерших родственников, различных божеств. Мир видимый и мир невидимый составляли единое целое, а точкой пересечения этих миров был человек. Насколько же сегодня наука приблизилась к холистическому пониманию мира? Можем ли мы сегодня с позиций современных научно-философских разработок дать новую трактовку древнему холизму? Преодолев синкретизм магии, способна ли позитивная наука обосновать принципы, механизмы и движущие силы, обеспечивающие единство мира? Чтобы ответить на эти вопросы, более детально рассмотрим практику и механизмы аграрных культов с позиций ноосферного подхода, который, по нашему мнению, наиболее ярко отражает современный холистический взгляд на мир.

Аграрные культы представляют собой широкий спектр ритуалов, но мы остановимся на тех, которые относят к *метеорологической или плювиальной магии*. Это всевозможные ритуалы, связанные с управлением погодой, с вызыванием дождя в засушливый период или во время сильных пожаров, борьба с ливнями, грозами и бурями. Народная метеорология, являясь частью духовной культуры народов и включающая мифологические представления, также опиралась на фенологические знания, результа-

ты системных практических действий и запретов для вызывания, изменения или предотвращения опасных природных явлений¹⁹¹.

Среди народной метеорологической магии особо были распространены обряды по вызыванию дождя. Бережное отношение к воде и почитание водной стихии наиболее ярко проявилось в таких засушливых регионах как Средняя Азия. У народов, населяющих этот регион, был разработан широкий комплекс ритуальных практик: от имитационных действий и заклинаний до строительства культовых сооружений. Так, культу воды был посвящен средневековый храм округлой формы в Хазарек-депе.¹⁹² Особо почитались вызыватели дождя, которым, как полагали, удавалось передавать небесным силам просьбы людей о долгожданной влаге. «Примером может служить живший в последней трети XIX – первой четверти XX в. широко известный в североатлантических степях Егенджан-хаджи. Молитвы он совершал, укрывшись халатом, используя в своих священнодействиях посох *hasa*. Популярность Егенджана-хаджи была столь велика, что и после его ухода из жизни люди приходили к его могиле, обращаясь с просьбой вызвать дождь».¹⁹³ У древних тюрков также было распространено поклонение священным рощам и обращение к ним в надежде вымолить дождь¹⁹⁴.

Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий прослеживаются и у северных народов. Она зависит от хозяйственных нужд и географических условий. «На территории Северного Зауралья у ижемских коми, основным занятием которых было оленеводство, использовались приемы влияния на ветер, дождь, профилактика снежных лавин. У земледельческих групп коми, расселенных в более южных районах в бассейне Тобола и Иртыша, применялись способы борьбы с засухой и вызывания

¹⁹¹ Толстая Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор: материалы и исследования. 1981. Т. XXI. С. 87–98.

¹⁹² Атадаев С.Д. Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С.138–152.

¹⁹³ Атадаев С.Д. Указ.соч. С.143.

¹⁹⁴ Давлетшин Г. Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрков // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 10–24.

дождя либо остановки затяжных осадков, отведения грозы, вихря».¹⁹⁵ В настоящее время, как отмечают исследователи, метеорологическая магия у народов коми почти не практикуется, но сохраняются молитвенные прошения при экстремальных природных явлениях.

Аграрные культы у многих народов прошли путь от язычества к христианству. Церковно-православные обряды по вызыванию дождя связаны с обращением к Пророку Божию Илие, к Святителю Никите Новгородскому, к Богородице. 8 мая обращаются к святому Марку, день которого отмечают в этот день. Считается, что он владеет ключами от дождей, за что и получил прозвание «Марка-ключника»¹⁹⁶.

Наложение языческой обрядности на христианскую хорошо прослеживалось в старообрядческой крестьянской среде и у народов-«двоеверов», к которым христианство пришло лишь во второй половине XVIII – начале XIX веков. В летний сезон 2022 г. нашей исследовательской группе удалось получить сведения об алтайских староверах и мордве Алтайского региона. Из рассказа Кузнецовой Татьяны Ермолаевны (1960 г.р.) об обрядах, сохранившихся в бухтарминских староверческих селах Фыкалка, Белое и других Катун-Карагайского района Восточного Казахстана в советское время: «Моя мама Шарыпова Василиса Петровна (1923 г.р.), когда начинался град, выходила на улицу и стучала в пустой металлический таз. Град часто прекращался. Такой ритуал был распространен в нашем селе»¹⁹⁷. Материалы, полученные в 1990-х годах учеными РГГУ, показали, что у старообрядцев Забайкалья ритуал вызывания дождя также был одним из основных¹⁹⁸. В народном календаре старообрядцев Румынии также со-

¹⁹⁵ Лискевич Н.А., Машарилова А.Х. Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3(30). С.146–153.

¹⁹⁶ Круглый год. Русский земледельческий календарь. Москва, 1989.

¹⁹⁷ Полевой материал авторов (ПМА 1). Список информантов: 1. Кузнецовой Татьяны Ермолаевны, 1960 г.р. Записано: Алтайский край, г. Барнаул, 2022 г.

¹⁹⁸ Миронова-Шапалова Н.А. Обряд вызывания дождя у старообрядцев Забайкалья (по материалам 90-х годов 20 века). Сайт Центра типологии и семиотики фольклора

хранились окказиональные и календарные обряды по вызыванию дождя. В случае засухи ими проводился молебен в церкви или с выходом в поле при участии священника, с церковной атрибутикой, а также обливание, способное благоприятно воздействовать на приближение дождя¹⁹⁹.

Особый исследовательский интерес представляют сезонные обряды мордвы, связанные с аграрной деятельностью. Примером может служить праздник Пиземьозкс («моление о дожде»), который относится к окказиональным обрядам и проводится в июле в самый жаркий летний месяц, когда наступает время созревания хлебов. С просьбами о дожде мордовское население обращалось к Верховному Богу. Также этот обряд был связан с культом предков, так как и у многих народов, существовала вера в то, что умершие могут оказать помощь и ниспослать дождь²⁰⁰.

Как было сказано выше, аграрные религиозные практики, поддерживая процесс единства мира, опирались на представление о взаимосвязи разных уровней бытия и целостности мира. В русской религиозной философии рубежа XIX-XX вв. эта идея нашла отражение в метафизике всеединства В.С. Соловьева. В «Оправдании добра» автор представил эволюцию Космоса как процесс «всемирного совершенствования» и взаимодействия пяти царств-ступеней на вселенской лестнице жизни: минерального, растительного, животного, человеческого и Царствия Божьего²⁰¹. В концепции В.С. Соловьева высшие планы бытия задают направленность развития нижестоящим планам. Высшее предшествует низшему и организует его, но само не сводимо к низшему плану бытия. «Образ высшего, по В.С. Соловьеву, из метафизического и премирного – **идеального** – состояния лишь пере-

Российского государственного гуманитарного университета. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/mironova1.htm>

¹⁹⁹ Плотникова А.А. Архаические элементы в народном календаре старообрядцев Румынии: плювиальная магия // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8. с.218–231.

²⁰⁰ Полевые материалы авторов (ПМА 2). Список информантов: Шандер Екатерина Викторовна, 1956 г.р., Бояркина Галина Григорьевна, 1971 г.р., Модунов Сергей Михайлович, 1974 г.р. Записано: Алтайский край, Залесовский район, с. Борисово, 2022 г.

²⁰¹ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.1. М., 1990.

ходит на проявленный план, до этого активно формируя из будущего свои материальные несущие основы в настоящем. **Это подобно тому, как если бы идеальная цель из будущего «наводила» материальные причины для того, чтобы реально сбыться в настоящем [выделено автором]**²⁰². Н.О. Лосский определил теорию эволюции В.С. Соловьева как супранатуралистическую и фактически дополнил представлением о структурирующих характеристиках высших «субстанциональных деятелей». Иерархический персонализм Лосского также является теоретической проработкой идеи целостности и взаимосвязанности разных уровней мирового бытия.

К идеи единства мира в ее научном аспекте в начале XX века подошел В.И. Вернадский. Как писал об этом Ф. Капра, известный ученый-физик и популяризатор науки, «Среди ранних теорий живой Земли концепция Вернадского ближе всех подходит к современной *Гейя-теории*, разработанной Джеймсом Лавлоком и Линн Маргулис в 1970-е годы»²⁰³. Как известно, в 1969 году Лавлок впервые представил свою гипотезу Земли как саморегулирующейся системы, а чуть позже его друг, писатель, понимая, что идея Лавлока возрождает мощный древний миф, предложил название этой теории в честь греческой богини Земли Геи. Таким образом, Гейя-теория позволила на новом уровне подойти к обоснованию единства мира. Это поле, где религиозно-мифологические и научные подходы могут взаимно дополнять друг друга.

В современных философских концепциях также высказывается идея о единой идеально-материальной (энергетической) реальности²⁰⁴. Для этого подхода характерно, с одной стороны, не просто восприятие идеального плана бытия как мира смыслов и идей, а признание их материальной (и пространственно-временной) суб-

²⁰² Иванов А.В. Эволюционная концепция В.С. Соловьева // Иванов А. В. Новый опыт «метафизики всеединства». Барнаул, 2017. С. 279-287.

²⁰³ Капра Фрительф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М., 2003.

²⁰⁴ Иванов А. В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021. С. 44.

станциальности. С другой стороны, материя также наделяется характеристиками энергетичности, что коррелирует с современными научными открытиями, в частности, в области физики микромира. Также обосновывается иерархическая многоуровневость бытия с позиций разных энергетических характеристик единой идеально-материальной субстратной основы. Каждый более высокий уровень является организующим по отношению к более низкому, что мы видим прописанным уже в супранатуралистической концепции В.С. Соловьева. «Такой подход рисует нам картину мира не в виде множества «вещей» и сознаний, связанных лишь опосредованно и локально, а в виде «океана энергии», **единой в своей основе, но локализирующейся и структурирующейся на разных уровнях и в разных динамически-вибрационных формах [выделено автором]**»²⁰⁵. На каждом уровне действуют свои закономерности. Тем не менее, все уровни через предельно сложную систему связей взаимодействуют друг с другом.

С этих позиций духовные основы отношений «человек – природа» можно рассматривать как взаимодействие разных уровней бытия. И феномены аграрных культов можно рассматривать как опыт общения между объектами **разной ментальной формы организации**. Формирующаяся научная картина мира все очевиднее утверждает субстанциальность идеального, прежде всего, человеческой мысли, а, следовательно, возможность ментально воздействовать на физический мир, может служить теоретической основой современного холистического подхода. Конечно, здесь нужны дополнительные научные исследования, в первую очередь, о физическом (индивидуальном и коллективном) воздействии мысли и слова. Например, на состояние растений, химический состав воды и ее физические характеристики, о наиболее благоприятных сроках и внешних условиях для повышения эффективности такого воздействия²⁰⁶. Необходимо, на-

²⁰⁵ Там же. С. 87.

²⁰⁶ О проведении подобных опытов, их результатах и возможной трактовке см.: Гунар И.И., Синюхин А.М. Распространяющаяся волна возбуждения у высших растений / Докл. АН СССР, 1962, т. 142, №4. С.954-956; Карманов В.Г., Лялин О.О., Мамулашвили Г.Г. Динамика водного обмена высшего растения и её информационная роль // Физио-

конец, привлечение ученых к проведению подобных обрядов, включая документальное подтверждение реальности вызываемого дождя. Возможно, в ходе обряда происходит общая ментальная настройка участников, повышающих влияние мысли человека на внешний мир. Не исключено, что в ходе проведения обряда генерируются какие-то вполне объективно фиксируемые физические процессы (флуктуации электромагнитного поля на данной территории, активизация деятельности тех или иных участков мозга участников и т.д.). Эта гипотеза уже была выдвинута нами в коллективной монографии «Наука и религия: нераздельность и неслиянность»²⁰⁷.

В теоретико-методологическое рассмотрение опыта применения аграрных религиозных культов необходимо включить вопрос о *статусе* данного опыта. Ключевые вопросы, на которые необходимо дать ответы: Является ли такой опыт лишь магическим и религиозно-мистическим? Может ли он иметь более широкую теоретическую трактовку и практическое применение? Есть ли опасность «сползания» к ритуальной магии в современном мире?

В философско-культурологической литературе можно встретить трактовку такого опыта как выход за пределы обыденного бытия/сознания, как постижение инобытия и трансцендентный опыт. Наиболее известное культурологическое объяснение этому дал всемирно известный исследователь мифологии и религиозного символизма, этнограф и культуролог М. Элиаде. По его мнению, человек архаической культуры рассматривал все объекты природы как подобные себе, т.е. одушевленные и наделенные способностью чувствовать, мыслить, проявлять волю и желания. Особую категорию составляли природные сакральные объекты, являющиеся своего рода мостом между мирами и вследствие

логия и биология культурных растений. 1974. Т. 6, №1. С. 69–76; Караченцева А.И., Левчук Ю.Н. Дистанционное воздействие человека на популяцию подвижных клеток // Докл. АН УССР. Сер. Б. Геол., хим. и биол. науки. 1990. №2. С. 58–61; Дубров А.П., Пушкин В.Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1989 и др.

²⁰⁷ Научные и религиозные основы аграрной и природоохранной деятельности // Наука и религия: нераздельность и неслиянность. Барнаул, 2023. С. 519–553.

этого обладающие способностью погружать человека в трансцендентное бытие²⁰⁸. Процесс получения такого опыта был закреплен в ритуальных практиках и обрядах того времени и ряд авторов считает, что подобные практики «раздвигали границы» пространственно-временных ощущений. «Анализ сохранившихся архаических обрядов позволяет выявить одну из их основных функций – подготовку к преодолению и само преодолению границ – как пространственно-временных в векторе “прошлое – настоящее – будущее”, так и социально-личностных, связанных с переходом в новое качество. То есть архаичный вариант традиционного обряда адаптировал человека внутри заданных ролевых программ и сценариев и предусматривал его поведение на уровнях, приближающихся к пограничью, на «границе» и в маргинальном (ином) пространстве»²⁰⁹. Таким образом, опыт трансцендентного переживания иных пространственно-временных ощущений расширял психологические и познавательные способности человека. *Предельный уровень* этого опыта можно обозначить как **переживание целостности мира, духовное вживание в его многоуровневые связи – живые нити всеединства**. «Вера в трансцендентное, религия как жизнь в сверхчувственном составляют центр сакрально-когнитивных комплексов; на их периферии – рациональное и эмпирическое знание», – считает отечественный методолог науки А.П. Огурцов²¹⁰.

Опыт ощущения глубокой сопричастности миру в его многоуровневом проявлении описан в житиях святых, пророков, провидцев разных культур и религий. Но помимо религиозно-мистической формы переживание целостности бытия свойственно и для искусства. Такой опыт, по Дильтею, не является чисто метафизическим или психологическим, а теоретико-познавательным, поэтому также работает в «науках о духе», и

²⁰⁸ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб., 1998.

²⁰⁹ Лысова Т.Н. Архаичные компоненты традиционных праздников и обрядов русского населения Чувашии (теоретико-методологический аспект) // Вестник Чувашского университета. № 4, 2000. С. 60–65.

²¹⁰ Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988.

в целом характерен для специфики гуманитарных наук²¹¹. Существенное отличие составляет лишь глубина «погружения» и степень прочувствования целостности бытия.

К критериям такого опыта можно отнести уровень развития определенных способностей. Есть мнение, что они в потенциале присущи каждому человеку, но не у всех активизированы. Зачастую в критических жизненных обстоятельствах в человеке проявляются скрытые до определенного момента способности, а в отдельных случаях человек может сознательно путем тренировок развить их в себе. Важна также глубина метафизического постижения действительности как особого переживания-слияния субъекта и объекта познания. Определяющую роль здесь играет духовно-нравственный уровень исследователя. Этого критерия нет в традиции западной философии и науки, но имеется в восточной. «Восточный ученый – это не безликий открыватель и транслятор научных истин и не научный работник, производящий знание за твердую зарплату, как и всякий другой товар. Он – прежде всего мудрец, чье знание всегда ценностно окрашено и ценностно укоренено»²¹². Необходимо также учитывать, что мотивом таких действий должно быть бескорыстное служение миру или обществу, стремление сохранить жизнь, воплощенную красоту или утверждение истины.

Некоторые современные исследователи уже признают такой опыт как особую разновидность восприятия, отличную от чувственного опыта. По их обоснованному мнению, такой опыт включает в себя подлинное переживание объективной реальности²¹³.

²¹¹ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т.1: Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории. М., 2000.

²¹² Иванов А.В. Специфика традиционной восточной науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы/ под ред. В.Г. Кузнецова (отв. редактор), А.А. Печенкина, А.С. Кравеца, Е.Н. Ищенко. Воронеж, 2006. С. 541–556.

²¹³ Олсон У. «Мистицизм и опытное познание Бога»: «Теперь о мистике. Хотя этот термин используется в просторечии для обозначения самых разнообразных необычных переживаний, ученые склонны ограничивать его переживаниями, в которых, прежде всего, преодолеваются все различия, когда нет возможности отличить переживание или субъект переживания от переживаемого объекта. Я буду называть это «предельным мистическим переживанием». ...Все сказанное является основой для толкования

Сюда же можно отнести молитвенный опыт, который сегодня исследуется с позиций лечебного воздействия на организм человека на базе доказательной медицины. В этом направлении проводятся рандомизированные контролируемые испытания²¹⁴ и на их основе составляются систематические обзоры, где, в частности, используются данные электронной Кокрановской библиотеки (The Cochrane Library, Issue 2, 2003. Oxford: Update Software), признаваемой сегодня одной из лучших источников доказательных данных. Авторы обзоров и рекомендаций²¹⁵ признаются, что те работы, в которых был получен положительный эффект, не могут являться стопроцентным доказательством действия именно молитвы, но при этом подходят к важной теоретической проблеме, обосновывая необходимость возвращения «... к давней теме о возможности влияния идеального на материальное, или, проще говоря, психики на организм, психического на соматическое»²¹⁶.

Опыт, который мы обозначили как *вживание в многоуровневые связи мира и общение между объектами разной ментальной организации*, основан на определенных переживаниях и ощущениях. Эти ощущения проявляются в различной степени и формах. Речь может идти как об экстрасенсорной чувствительности, так и о мистической и интуитивной восприимчивости. Для нас важна не столько терминология и специфика каждого вида, сколько в целом способность ощущения реальности инобытия. И, прежде всего, *познавательное-прикладное действие, направленное на сотрудничество с единой, но разноуровневой идеаль-*

мистического опыта как особой разновидности восприятия – *мистического восприятия*». <https://altaiinstitute.ru/u-olson-mistitsizm-i-opytnoe-poznanie-boga/>

²¹⁴ Рандомизированное контролируемое исследование – это форма научного эксперимента, используемая для контроля факторов, не находящихся под прямым экспериментальным контролем.

²¹⁵ По ряду заболеваний (например, при гематогенной инфекции) даны рекомендации по применению молитвы в клинической практике.

²¹⁶ Зорин Н.А. Заступническая молитва. Способна ли она помочь исцелению? (по материалам доказательной медицины) // Главный врач. № 6, 2003.

URL:<http://atheo-club.ru/physiologia/efmol.shtml>

но-материальной (энергетической) реальностью²¹⁷. В терминологии духовно-философского учения «Живая Этика» это обозначено как взаимодействие с «тонкими сферами» бытия²¹⁸. Опираясь на практику восточных учений, «Живая Этика» дает ряд адаптированных к современным условиям рекомендаций по такому роду взаимодействия. Это взаимодействие имеет четкое этическое измерение и лишено личной корыстной заинтересованности. Его познавательная доминанта направлена на развитие ощущений наполненности пространства: «Необходимо не только признать отсутствие пустоты, но и понять окружающую жизнь. Понимание жизни связующей и взаимно питающей покажет, насколько вездесуща психическая энергия. На самых малых примерах, на несовершенных микроорганизмах можно учиться поразительному всенаполнению»²¹⁹.

Осмысливая статус *опыта как переживания целостности мира и вживание в его многоуровневые связи*, закономерно поставить вопрос, а не является ли он чисто магическим? Сразу следует оговориться, что само понятие магии в научной литературе имеет довольно широкую смысловую трактовку, многогранную и многоаспектную. Как считают специалисты, наука и магия долгое время шли рука об руку, являясь разными способами познания мира²²⁰. Любые обряды и ритуалы, связанные с верой в сверхъестественные силы, в своей основе базировались на эмпирических фактах, на наблюдении за природными процессами, осмыслении их закономерности и системности, то есть зачатках научного познания. Отталкиваясь от концепции Джеймса Фрэзера, изложенной в популярной работе «Золотая ветвь. Исследова-

²¹⁷ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021.

²¹⁸ В Учении «Живая Этика» такие понятия как «тонкие сферы», «огненные сферы» многоаспектны, но при этом имеют четко очерченную онтологическую трактовку. Для своего исследования мы примем лишь определенный аспект, в рамках которого данные сферы предстают как реальность иной материальной плотности и иной ментальной организации (в предельно широком понимании материи и сознания).

²¹⁹ Мир Огненный. Часть 2. Шл. 140.

²²⁰ Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998. С.19–37. <https://ruthenia.ru/folklore/malinovsky2.htm>

ние магии и религии», современные авторы приходят к заключению, что «Магия, основанная на уверенности человека в том, что он обретет прямое господство над природой, если только будет знать управляющие ею магические законы, в этом аспекте сродни науке. Религия, признанием пределов человеческих возможностей, поднимает человека над уровнем магии и позднее сохраняет свою независимость, существуя бок о бок с наукой, перед которой магии приходится отступить»²²¹. Но сегодня, оценивая способности науки регулировать и управлять в своих интересах биологическими процессами, происходящими на уровне геномов, можно прийти к заключению, что сфера «магических законов» серьезно потеснена наукой. Таким образом, можно прийти к заключению, что под магией понимается то, что еще не объяснено и не освоено наукой.

С позиций «философии мысли», естественно предположить, что механизмы, задействованные в подобных практиках, включали в себя процесс воздействия мысли на природные физические и биологические процессы²²². Такие опыты также проводились на живых организмах в рамках нейробиологии растений²²³. Результаты этих опытов вполне можно применить к более широкому природному объекту, что подтверждается некоторыми видимыми закономерностями, но еще не получившими научного объяснения. Так, хаотическая мысль вносит дезорганизацию в природное пространство, и подтверждением этого тезиса могут служить примеры временной синхронизации социальных и природных катаклизмов (войны, народные потрясения и засуха,

²²¹ Малиновский. Фольклор и постфольклор. <https://ruthenia.ru/folklore/malinovsky2.htm>

²²² Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул, 2021.

²²³ Бос Д. Ч. Избранные произведения по раздражимости растений. М., 1964; Гунар И. И. Проблема раздражимости растений и её значение для дальнейшего развития физиологии растений. М., 1953; Казнадей А. Если бы деревья могли говорить: Как и для чего нейробиологи изучают поведение растений. URL: <https://nplus1.ru/material/2018/01/30/plant-magic>; Караченцева А. И., Левчук Ю. Н. Подвижные микроорганизмы — сенсоры высокочастотного электромагнитного поля и биологического поля // Биополимеры и клетка. 1989. Т.5. №4. С.76–83; Томпкинс П., Берд К. Тайная жизнь растений. М., 2006 и др.

сильнейшие морозы, ураганы и т.п.). Следовательно, можно предположить, что упорядоченная коллективная мысль вносит структурирование и гармонизацию природных процессов.

Для объяснения этих феноменов можно с оговоркой сослаться на Г. Бейтсона, который, опираясь на кибернетические принципы, разработал новую концепцию разума как системного феномена. Бейтсон считает, что разум присущ не только индивидуальным организмам, но также социальным и экологическим системам, так как это закономерное следствие определенной сложности, возникающей задолго до того, как в организме формируется центральная нервная система и головной мозг²²⁴. Ф. Капра приходит к заключению, что «Согласно теории живых систем, разум – это не вещь, а процесс, сам процесс жизни. Другими словами, организационная деятельность живых систем на всех уровнях жизни – это деятельность умственная. Взаимодействие живого организма – растения, животного или человека – с окружающей его средой есть взаимодействие познавательное, или ментальное. Так жизнь и познание становятся неразрывно связанными. **Разум – или, более точно, ментальный процесс – имманентен материи на всех уровнях жизни [выделено мной]**»²²⁵. Очевидно, что такое взаимодействие идет не только между биологическим объектом и окружающей средой, но и между самими объектами разной биологической формы организации.

Таким образом, в современной научно-философской парадигме можно выделить два подхода к холистическому пониманию мира: один сугубо естественно-научный с опорой на учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Здесь ноосферность следует понимать как углубленное научное понимание происходящих процессов, ведущее к коэволюции природы и человека. Второе направление представлено, в большей степени, платонической философской линией, признающей субстанциальность

²²⁴ Грегори Бейтсон. Разум и природа. Необходимое единство / Перевод с английского и примечания А. И. Фета. Philosophicalarkiv, Sweden, 2016. С.214.

²²⁵ Капра Фритьоф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. М., 2003.

мысли, а также попытками осмысления результатов опытов, прежде всего, в рамках нейробиологии растений. Стоит отметить, что и первое направление во многих своих выводах тесно подходит ко второму. Так, В.И. Вернадский, обосновывая геобиохимическое единство биосферы, как известно, глубоко размышлял над ролью мысли в эволюции планеты. Сюда же можно отнести гипотезу Геи (Дж. Лавлок, Л. Маргулис), согласно которой Земля – «динамичная физиологическая система, которая включает в себя биосферу и поддерживает нашу планету более трёх миллиардов лет в гармонии с жизнью»²²⁶. Что же касается второго направления, то здесь можно также отметить работы Р. Шейлдрокка, который через представление о морфогенетических полях обосновывает единство мира и тонкие информационные связи между биологическими объектами, фактически признавая многоуровневость бытия²²⁷.

Также имеется трактовка этих феноменов с позиций взаимодействия пространственной мысли и природных стихий. Исследователи отмечают, что представления об ином бытии мысли и о ее пространственной ипостаси уходят в глубокую древность и являются общекультурной универсалией. «Со времен магии шли трансформации в понимании роли мысли в общении с инобытийными сущностями. Уже в архаике складываются представления о том, что не только души “людей силы” и “людей знающих” путешествуют по инобытийным мирам, но и сама мысль»²²⁸. Мысль имеет самостоятельное пространственно-временное существование и соединяет миры.

Сегодня пришло время для разработки философско-методологической основы для определения действенности подобных опытов. При этом необходимо четко разграничивать возможности научных достижений и религиозно-мистических практик. Такое разграничение было известно уже в архаический

²²⁶ Лавлок Дж. Дни Вернадского: Предыстория Геи // Вестник РАН. 1993. № 12. С. 1134–1135.

²²⁷ Шейлдрейк Р. Новая наука о жизни / Пер. с англ. Е. М. Егоровой. М., 2005.

²²⁸ Герасимова И.А. Мысль, связующая миры. Сакральные символы в творчестве Н.К. Рериха // Культура и искусство. 2018. № 7.

период, когда наши далекие предки хорошо знали, что надо просить у небес, а к чему надо приложить собственные силы. Дуализм естественных и сверхъестественных причин был ими глубоко осознаваем.

Литература

1. Агдаев С.Д. Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен // Народы и религии Евразии. 2015. № 8. С.138–152.
2. Герасимова И.А. Мысль, связующая миры. Сакральные символы в творчестве Н.К. Рериха // Культура и искусство. 2018. № 7. DOI 10.7256/2454-0625.2018.7.26720.
3. Грегори Бейтсон. Разум и природа. Необходимое единство / Перевод с английского и примечания А.И. Фета. Philosophicalarkiv, Sweden, 2016. 214 с.
4. Давлетшин Г. Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрков // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 10–24.
5. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т.1: Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
6. Зорин Н.А. Заступническая молитва. Способна ли она помочь исцелению? (по материалам доказательной медицины) // Главный врач. №6, 2003. URL: <http://atheo-club.ru/phisiologia/efmol.shtml>
7. Иванов А.В. Новый опыт «метафизики всеединства». Барнаул: Пять плюс, 2017. 364 с.
8. Иванов А.В. Специфика традиционной восточной науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы / под ред. В.Г. Кузнецова (отв. редактор), А.А. Печенкина, А.С. Кравца, Е.Н. Ищенко. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2006. С. 541–556.

9. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Философия мысли: новые грани метафизики всеединства. Барнаул: Новый формат, 2021. 282 с.
10. Капра Фритьоф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003. 336 с.
11. Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и прим. А. Ф. Некрыловой; Ил. Е. М. Белоусовой. М.: Правда, 1989. 496 с.
12. Лавлок Дж. Дни Вернадского: Предыстория Геи // Вестник РАН. 1993. № 12. С. 1134–1135.
13. Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Практики воздействия на погоду и защиты от стихийных бедствий у коми Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3(30). С.146–153.
14. Лысова Т.Н. Архаичные компоненты традиционных праздников и обрядов русского населения Чувашии (теоретико-методологический аспект) // Вестник Чувашского университета. 2000. № 4. С. 60–65.
15. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/malinovsky2.htm>
16. Учение Живой Этики. Мир Огненный. Часть 2. Новосибирск: Издательство «Детская литература», 1991. 332 с.
17. Миронова-Шаповалова Н.А. Обряд вызывания дождя у старообрядцев Забайкалья (по материалам 90-х годов 20 века). Сайт Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/mironova1.htm>
18. Наука и религия: нераздельность и неслиянность: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова и И.В. Фотиевой). Барнаул: Новый формат, 2023. 628 с.
19. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.

20. Плотникова А.А. Архаические элементы в народном календаре старообрядцев Румынии: плювиальная магия // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8. с. 218–231.

21. Соловьев В.С. Сочинение в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. 892 с. (Филос. наследие. Т. 110).

22. Толстая Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор: материалы и исследования. 1981. Т. XXI. С. 87–98.

23. Шелдрейк Р. Новая наука о жизни / Пер. с англ. Е. М. Егоровой. М.: РИПОЛ классик, 2005. 352 с.

24. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой; Науч. консультант Я.В. Чеснов. СПб., Алетея, 1998. 249 с.

Глава 3. Гипотезы, модели, перспективы

Н.В. Дмитриева

Жизнь на Земле – космическое чудо или закономерность?

Владимир Иванович Вернадский говорил, что вокруг нашей планеты Земля существует ноосфера, созданная мыслью человечества. Роль человека в существовании жизни на нашей планете огромна, переоценить ее невозможно. И в этом смысле, очень интересно, существуют ли подобные ноосферы, сферы мыслей различных человечеств, на других планетах – их называют экзопланетами, то есть планетами у других звезд. Человек всегда стремился познавать окружающий мир, задавался вопросами «Кто мы? Откуда мы?». С развитием астрономии вопрос «одиноки ли мы во Вселенной?» встает перед нами всё острее. В современной науке не так давно родилось новое междисциплинарное направление – астробиология, где изучается возможность существования и обнаружения жизни во Вселенной – жизни на уровне простейших микроорганизмов и бактерий или даже разумной жизни, внеземных цивилизаций.

Ключевые слова: Вернадский, астробиология, экзопланеты, жизнь во Вселенной, Земля, космические факторы жизни.

Сегодня нам точно известно только одно космическое тело, где есть жизнь, — это наша планета Земля. Зарождению, развитию, существованию жизни на планете способствовали многие космические факторы: расстояние от Солнца, наклон оси, продолжительность суток, наличие единственного спутника, достаточно мощное магнитное поле планеты и др. Помимо особенностей самой планеты важную роль в существовании жизни на ней играют свойства нашего Солнца, ибо не у каждой звезды на планетах могла бы зародиться жизнь, подобная нашей. В первую очередь, важную роль играет спектральный класс нашей звезды, отсутствие у нее кратных компонентов и высокая металличность. Замечательно также расположение нашей звездной системы в

Галактике – Солнце находится в спокойном месте, без угроз со стороны соседних звезд, в галактической зоне обитаемости – коротационном круге.

Является ли жизнь на Земле космическим чудом или это закономерность, т.е. жизнь должна существовать на множестве других экзопланет? Попробуем осмыслить факторы, благодаря которым жизнь существует на нашей планете, будем опираться на наш земной опыт и говорить о жизни в известной нам форме (хотя на других мирах могут быть совершенно другие принципы и формы существования жизни).

Итак, для существования жизни необходимо несколько условий:

- наличие жидкой воды,
- наличие необходимого разнообразия и количества химических элементов,
- наличие источника свободной энергии.

В Солнечной системе есть так называемая «зона жизни», которая находится на таком расстоянии от нашей звезды, от Солнца, что на поверхности находящейся в этой зоне планеты вода не испаряется, превращаясь в пар, и не замерзает, целиком превращаясь в лед, а может находиться в жидком виде. Земля, безусловно, находится в зоне жизни. В далеком прошлом там находилась и Венера. Постепенно эта зона отдалается от Солнца, и сейчас в нее потихоньку входит Марс. У Земли, как и у остальных планет Солнечной системы, орбита близка к круговой, что позволяет планете не вылетать из зоны жизни, а круглый год, в течение всего периода обращения находиться в ней.

Важным условием для существования жизни на Земле, по мнению ученых, являются умеренные размеры и масса нашей планеты. Если бы планета была слишком большая, у нее были бы все шансы притянуть к себе из протопланетного диска большое количество газов и стать газовым гигантом. Примерами таких планет в нашей Солнечной системе являются Юпитер и Сатурн. Если планета не столь огромна, как Юпитер, но в несколько раз больше Земли, то гравитация такой планеты удерживает слиш-

ком плотную атмосферу, которая создает большое давление, из-за чего возникает парниковый эффект и существование воды в жидком виде становится невозможным. С другой стороны, если планета меньше Земли, например, вдвое, как Марс, то такая планета довольно быстро остывает, а главное – у нее остывает и ядро. А наличие холодного остывшего ядра полностью лишает такую планету магнитного поля, а значит планета не будет защищена от заряженных частиц, исходящих от Солнца и из космоса. Такую картину мы и имеем на Марсе. Более того, без защиты от солнечного излучения на такой планете не сможет удержаться атмосфера, ее просто сдует. Если же планета совсем мала, то ее гравитации будет не достаточно, чтобы удержать атмосферу у поверхности. Кроме того, мы имеем оптимальные размеры и массу нашей планеты для появления «человека прямоходящего», гравитация планеты позволила ему «встать на ноги», иметь вертикальный позвоночник.

Еще одно условие для поддержания жизни – продолжительность суток. 24-х часов достаточно для того, чтобы планета с одной стороны не перегревалась за день, с другой стороны – не сильно остывала за ночь. Большую роль играет и наклон земной оси, угол которого к плоскости эклиптики составляет 66.5 градусов, что является причиной смены времен года. А это, в свою очередь, приводит к тому, что жизнь на планете занимает все большие и большие территории и проявляет свое разнообразие в большой степени. Таким образом, наклон оси, а значит и смена времен года, играет для эволюции жизни огромную роль, ибо большинство жизненных циклов обитателей Земли подчинено смене сезонов. Немаловажно наличие на поверхности Земли океанов и материков. Как известно, жизнь на нашей планете зародилась в прибрежных влажных вязких средах и миллиарды лет не могла выбраться на сушу из-за губительного ультрафиолетового облучения Солнца. Со временем водоросли стали вырабатывать избыточное количество кислорода и вокруг планеты образовался озоновый слой, нейтрализующий смертоносный ультрафиолет. Именно появление озонового слоя 300 млн лет назад

дало толчок выходу жизни на сушу. Эволюция подводной жизни не привела к зарождению технически развитой разумной цивилизации, для ее появления понадобилась суша, в этих условиях произошла эволюция человечества, начиная от «человека прямоходящего» и до современного уровня развития нашей цивилизации.

Для существования жизни на планете необходимо наличие атмосферы без наличия в ней каких-либо агрессивных примесей. Для нашей формы жизни необходим кислород. Но положительная роль атмосферы не ограничивается только благоприятными условиями для дыхания, но включает в себя и защиту от астероидной опасности (не очень крупные тела сгорают в атмосфере полностью, более крупные – распадаются на части), и защиту от рентгеновского, гамма, микроволнового излучения Солнца и космоса.

Геологическая активность также играет положительную роль в существовании жизни. В нашем случае – это наличие извергающихся вулканов, при их извержении в атмосферу попадают парниковые газы (а парниковый эффект «согревает» планету) и большое количество химических элементов, которые поднимаются из недр Земли на ее поверхность.

Сильное воздействие на Землю оказывает ее единственный (что тоже важно!) спутник. Луна стабилизирует вращение Земли и угол наклона земной оси, отчего у нас на планете стабильная смена сезонов. Приливное воздействие Луны замедляет вращение Земли вокруг оси (4 млрд лет назад сутки длились всего 6 часов). Связанные с Луной приливы и отливы также являются важным фактором для зарождения и существования жизни.

Еще одним положительным фактором для жизни на планете является «подходящая» звезда. Наше Солнце – звезда спектрального класса G2V, т.е. стабильная – не взрывающаяся, не выбрасывающая огромные количества плазмы и т.п. звезда, не несущая особой угрозы жизни. Кроме того, Солнце – звезда третьего поколения, т.е. ее вещество включает в себя тяжелые химические элементы, образовавшиеся при взрыве сверхновых преды-

дущих поколений, а значит, в солнечной системе есть все необходимые для зарождения жизни элементы.

Ну и, наконец, – место Солнечной системы в Галактике также, по мнению ученых, является положительным фактором для жизни. В окрестностях нашего Солнца нет активных звезд и звезд, заканчивающих свою эволюцию, т.е. грозящих взрывом сверхновой. Мы расположены достаточно далеко от центра Млечного Пути, где плотность звезд слишком велика.

Можно, наверное, подумать о некотором везении, о счастливом стечении обстоятельств. Что же, возможно, нам действительно повезло и существование жизни на Земле – это космическое чудо! Но нам думается, что жизнь во Вселенной должна быть распространенным явлением, ибо звезд, подобных нашему Солнцу, во Вселенной бесконечное множество. Более того, на планетах у таких звезд могут существовать цивилизации много старше нашей, достигшие высочайшего уровня развития, опередившие нас на миллионы или даже на миллиарды лет. В таком случае должна существовать Иерархия космических цивилизаций, космических разумов.

В.Г. Буданов

Космопланетарные связи и принципы гармонии

Рассмотрена возможность космопланетарных связей для ритмов обращения планет в Солнечной системе, земной ионосферы и восприятия избранных музыкальных частот. Показано существование таких избранных частот в музыкальной культуре и выдвинута гипотеза их возникновения как эволюционных синхронизмов восприятия живыми существами. Рассмотрена природа шумановских резонансов и возможные их связи с выдвигаемой антропологией.

Ключевые слова. Космо-земные связи, эволюционные синхронизмы, синергетика, архетипические частоты, локальная гармоничность, глобальная гармоничность, резонанс Шумана.

Метафора божественной музыки сфер со времен Пифагора несет в себе веру во влияние космоса на человека, в возможность его чувственного постижения и переживания, в нашу гармонизацию через сопричастность ему. Но только в конце XX века, после работ А.И. Чижевского, наука поверила во взаимосвязь земных процессов и солнечной активности, стала лучше разбираться в механизмах планетных влияний на нашу жизнь. Для этого потребовались не только титанический труд всей жизни Александра Леонидовича по установлению корреляций солнечной активности с мощными социальными и природными трансформациями, но и последующие многие десятилетия исследований и осознание механизмов влияния солнечных вспышек, солнечного ветра и магнитных бурь на ионосферу Земли, осознание влияния ионосферных электромагнитных частот и деформаций ее магнитного поля, осознание изменения стабилизирующих нас частот ионосфера-Земля на состав крови, психоментальные состояния людей. Развиваются гелиобиология и гелиомедицина. Исследовательское поле космо-земных связей сегодня продолжает расширяться, так в период абсолютно спокойного Солнца, тем не менее, возможны довольно слабые магнитные бури, ко-

которые пытаются объяснить межпланетными влияниями, геофизическими аномалиями или галактическим ветром, пронизывающим Солнечную систему. Мы предлагаем обратить внимание на еще более тонкий, чем психо-физиологические девиации, механизм восприятия гармонии, который обосновывается планетарно-Земными связями, действующими на нас посредством синергетических феноменов опосредованно через Солнце, межпланетную плазменную среду, сопряженные ионосферные и биосферные процессы.

Можем ли мы воспринимать с помощью наших органов чувств космические планетарные ритмы? Конечно же нет, слишком они медленные. Однако даже если мы не можем услышать слишком низкую основную частоту, то, может быть, удастся услышать кратные ей обертоны с большей частотой. Гипотеза и обоснование такой возможности впервые предложена мной в работе 1997 года²²⁹, и названа гипотезой **эволюционных синхронизмов**. В космическом оркестре помимо звезд и планет есть и другие участники, точнее огромный хор — межпланетная среда разреженной плазмы, ионосферы и магнитосферы Солнца, Земли и других планет. Именно эта сверхподвижная среда, видимо, и является аналогом легендарного пифагорейского эфира, она порождает, при движении планет, огромные цепочки вихрей-обертонов, которые должны влиять, и сейчас влияют на эволюцию биосферы Земли через электромагнитные колебания земной ионосферы. Космос должен запечатлеть в себе эти обертоны в процессе эволюции, проецировать их в биосфере Земли и других планет, создавать новые обертоновые частоты. Их влияние вполне могло сформировать в нас, как в эволюционирующих вместе с биосферой существах, предпочтительные, избранные частоты восприятия, каждая из которых должна быть очень высоким обертоном от основной частоты одной из планет. Другими словами, мы можем нести в своем восприятии, как и любые жи-

²²⁹ Буданов В.Г. Принципы гармонии, как эволюционные синхронизмы — начала демистификации // Труды международной конференции «Математика и искусство», Суздаль 23–27 сент. 1996. М., 1997.

вые существа, архетипические планетарные частоты, являющиеся эволюционными синхронизмами нашего уголка Вселенной, поскольку эти частоты были фоновыми на протяжении многих миллионов лет эволюции биосферы Земли и ее обитателей, в том числе и человека. Остается доказать их существование.

При обосновании нашей гипотезы на помощь приходит современная физика, точнее синергетика – наука о сложных развивающихся системах, которыми, несомненно, являются Солнечная система, Земля, ее биосфера и человек. Оказывается, что одним из наиболее распространенных сценариев изменения частот в эволюционирующей системе является сценарий Фейгенбаума – сценарий последовательного удвоения частоты, его так же называют каскадом удвоения Фейгенбаума. На музыкальном языке это перенос ноты-частоты на одну октаву выше, затем еще на одну и т. д., формально, неограниченное число раз, реально, до некоторой эволюционной границы. Напомним, что интервал «октава» является самым сильным консонансом, и можно сказать, что каскад Фейгенбаума является самым гармоничным сценарием развития. Понятно, что так можно получать очень высокие частоты, точнее, октавные образы основной исходной частоты.

Метроритмическая сеть восприятия. Выдвинем гипотезу о наличии в сфере восприятия, в частности, восприятия искусства (архитектура, живопись, музыка, прикладное творчество) архетипических частот, архетипических размеров и архетипических форм, с которыми резонируют произведения мастера. Размеры связаны с частотами через скорость звука или света в конкретной среде. Наши предыдущие исследования показывают, что это действительно октавные образы планетных частот²³⁰. Причем, это знание доступно людям искусства интуитивно через невербальный канал, в актах творчества, художественного переживания и восприятия. В принципе, оно доступно любому человеку, любому

²³⁰ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 4-е дополн. М.:, 2017. Глава 4.

земному существу. Таким образом, можно говорить о космических эволюционных синхронизмах, точнее о гипотезе косморитмической сети восприятия и ее глобальной гармоничности.

Подчеркнем, что здесь речь не идет о прямом влиянии космических циклов на жизнь планеты и человека, в XX веке это также стало предметом серьезных научных исследований космобиоритмологии. Действительно, нельзя непосредственно услышать месячные периоды обращения Луны или десятилетний период Юпитера, ведь мы способны услышать периоды колебаний не больше 1/20 секунды, а эти периоды отличаются в десятки миллионов раз откосмических. Казалось бы, ответ отрицательный, мы никогда не услышим «пение светил»!

Попробуем теперь показать, что существует метроритмическая сеть восприятия и мы можем «слышать» музыку сфер, но не сами частоты обращения светил, а их **октавные образы**, т. е., частоты, перенесенные на десятки октав выше, в области нашего восприятия – звукового, ритмического, цветового! Причем, эти частоты действительно выделены для нашего восприятия. Попробуем в этом убедиться.

Звуки. Поднимая годовую частоту обращения Земли вокруг Солнца на 33 октавы, мы попадаем между “до” и “до-диез” первой октавы 272,2 Гц. Аналогично, поднимая частоты планет на нужное число октав легко перенести (транспонировать) весь частотный строй других планет в области, наиболее привычной нашему слуху. Речь идет о первой музыкальной октаве (от «до» первой октавы 261,63 гц, до «до» второй октавы 523, 25 гц, при общепринятом камертоне «ля» - 440 гц). Тем самым, в пределах первой октавы возникает метроритмическая сеть избранных, резонансных частот, изоморфных частотам космических планетарных ритмов нашего уголка Вселенной, точнее, являющихся октавными их образами²³¹.

²³¹ Буданов В.Г. Синергетическая алгебра гармонии // Синергетическая парадигма /Под ред. В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.Э. Войцеховича. М., 2000. С. 121–137.

Отметим, что подобная сеть или матрица воспроизводится в любой музыкальной октаве простым умножением (делением) частот сети нужное число раз на 2. Покажем, что эти частоты действительно избраны для восприятия человека. Наиболее значимым звуком в музыкальной культуре разных эпох и народов является камертон. Он есть символ конвенции музыкального сообщества и символ эпохи. Например, в Китае даже предписывалось менять камертон при смене династии, также как и календарь, и значимые имена событий и улиц. Действительно, октавные образы сидерических и синодических частот обращения планет, попадающих между «соль диез» и «ля диез» (рис.1) есть ни что иное, как эталонные частоты камертонов для настройки инструментов в европейских оркестрах.

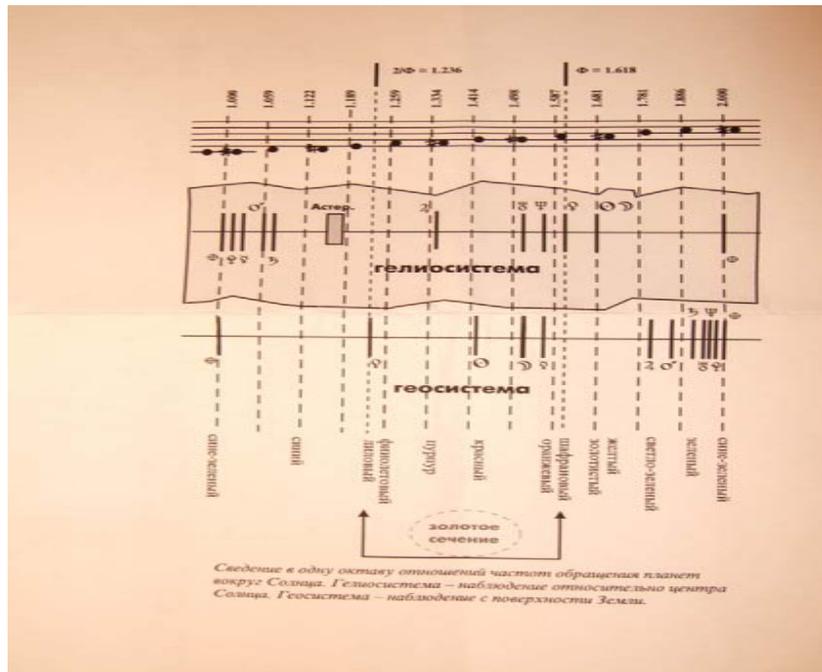

Рис.1 Транспонирование в одну октаву сидерических (гелиосистема) и синодических (геосистема) частот планет Солнечной системы, как в звуковом, так и видимом спектрах.

Напомним также, что в каждой октаве содержится 1200 центов (по 100 центов в каждом полутоне) и погрешность в 5 центов, при различении двух чистых тонов, обычный музыкант не слышит, а 10 центов не различает средний слушатель. Первый камертон был введен в 1711 году трубачом Английской Королевы Джоном Шором (419,9 Гц, что с точностью 0,3% (5 центов) совпадает с синодической частотой Луны). В 1741 г. Гендель применял частоту 422,5 Гц — это с точностью до 0.05% (0.8 цента, никакой эксперт не отличит) совпадает с сидерической частотой Нептуна. Вебер (1815 г.) использовал 423.2 Гц, что отличается от частоты Нептуна всего на 4 цента. В 1826г. в Дрезденской опере применялся камертон 435 Гц, который совпадает с точностью 7 центов с частотой пульсации Солнца (160 минут). В 1841г. в Парижской опере принята частота 453 Гц, а в Венской 456 Гц, что отличается не более 5 центов от сидерического периода Луны и среднего периода суток Солнца. Очень важно, что здесь мы привели сведения по истории камертона для **всех без изъятия частот** из фундаментального труда Н. Гарбузова²³², и сравнили их с планетарными частотами.

Еще несколько данных. Известно, что современный эталон, принятый в США в 1925 г. равен 440 Гц и отличается от сидерической частоты Венеры не более чем на 9 центов! Согласно В.Г. Порвенкову, по некоторым причинам, в больших оркестрах, в состав которых входят духовые инструменты, строй завышен до 442гц, что отличается от сидерической частоты Венеры 442,3 гц неуловимо.

Таким образом, мы видим, что в истории европейского искусства конвенция о высоте камертона неосознанно возникала всякий раз почти точно вблизи одной из планетарных частот, точнее, пять из десяти светил породили частоты всех европейских камертонов. Авторитетные музыканты как бы считывали их, хотя мотивы изменения частоты были всегда вполне земными, то

²³² Гарбузов Н.А. и др. Музыкальная акустика (общ. редакция Н.А. Гарбузова. 2-е издание). ГМИ: М., 1954. 231 с.

понижали под голос, то повышали под струнные или духовые и т.д..

В древней Китайской музыкальной традиции, материалы по которой за 2000 лет любезно предоставил мне В.Е. Еремеев, частота камертона была сакрализована, менялась только при смене династий и также была архетипической: обычно это частоты сидерических Юпитера, Сатурна, пульса Солнца, синодической Венеры и земных суток. А это уже оставшиеся 5 светил, которые расположены совсем в другой части октавы от «до диез» до «фа диез». Как видим, они, не совпадают с европейскими камертонами, это принципиально иная культура, но также находятся в косморитмических октавных резонансах.

Ритмы. Подчеркнем, что подобные «впечатанные» частоты и ритмы наблюдаются и в архаических танцах, и в ритуальных песнопениях - всюду, где человек соединяется с космическим началом в себе, где возможны трансовые состояния. **Все разобранные** примеры из книги «Красота и мозг, биологические аспекты эстетики»²³³ о величинах музыкальных ритмов разных древних традиций. Нами показано, что во всех примерах фигурируют очень стабильные трансовые ритмы отвечающие октавным частотам Луны, Солнца и Земли²³⁴.

Итак, мы видим, что для людей, живущих в контакте с природой, октавный образ ритмов земного года и суток является естественным и органичным, он легко воспроизводим в танцах и обрядах, причем, в обрядах происходит более точное их воспроизведение. Человек уподобляет и сливается с природой через ее ритм, реализуя антропокосмическое единство.

Цвета. Попробуем переместить при помощи октавного принципа наши гелио-интервалы в область частот видимого спектра, которая занимает ровно октаву! (380нм—760нм), что позволит нам раскрасить гамму в цвета радуги. При этом частота Земли (до) будет соответствовать длине волны 501нм (сине-зеленый

²³³ Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., 1997.

²³⁴ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 4-е дополн. М.: 2017.

цвет) – это частота максимума спектральной чувствительности красного пурпура – вещества, отвечающего за цветовое зрение у всех позвоночных животных на Земле. Цвет Солнца и Луны (ля) оказался золотистый, а вот соединение краев спектра (красного и фиолетового) происходит на частоте Юпитера (фа) и дает цвет пурпура – цвет власти.

Таким образом, впервые удастся получить не психофизиологическую, субъективную окраску звуков, но связать высоту звука и цвет сквозным каскадным синхронизмом. Среди композиторов к нашему видению палитры музыкальной гаммы, синестезии цвета и звука ближе всех Б.В. Асафьев и Н.А. Римский-Корсаков.

У планеты Венеры оказался совершенно особый статус рис.1. Как мы видели, в обеих (гелио- и гео-) системах отсчета период обращения Венеры оказывается напрямую связан с золотой пропорцией. Для геосистемы интервал Венеры по отношению к Земле равен $2/\Phi = 1.236$, это фиксируется в области **лилового** цвета; для гелиосистемы эта величина близка значению самого золотого сечения $\Phi=1,618$, что соответствует **шафрановому** цвету. Оба этих цвета особо отмечены в традиционных одеждах представителей двух древнейших “краевых” (Восток-Запад) мировых религий – христианства и буддизма. **Светло-зеленый** цвет ислама также выделен: в геосистеме он отвечает цвету, стоящих рядом Юпитера и Марса.

Приведенные октавные изоморфизмы между характерными цветами, принятыми в религиозных традициях, и чувственным восприятием, с одной стороны; и косморитмическими интервалами, с другой, свидетельствуют о ранее неизвестных, глобально-резонансных, пронизывающих десятки порядков, свойствах октавной гармонии, обнажающей природу рождения символического в процессе антропогенеза.

Принцип локальной гармоничности и гипотеза глобальной гармоничности кодов. С позиций классической нелинейной науки, в распространенности консонансных интервалов и доминанты второй гармоники ничего удивительного нет. Это свойство можно было бы назвать принципом локальной гармоничности

для систем, эволюционирующих по типу Солнечной системы. Здесь гармония проявлена на уровне безразмерных отношений частот-интервалов, она не зависит от тональности мелодии, от значения самих частот. Этот принцип гармонии хорошо известен в Западной культуре.

Мы обосновывали его с помощью современных синергетических подходов, еще один принцип – принцип глобальной гармоничности, то есть наличие цепи октавных синхронизмов, которые и создают метроритмическую сеть восприятия избранных частот. В западной культуре такой принцип совершенно не известен, он используется интуитивно художниками и музыкантами, на Востоке он используется через сакрализованную традицию и также не описан. Именно, глобальный гармонический принцип “вписывает” нас в Универсум, наделяя способностью к коэволюции с ним, допуская к безднам информации прошлого, соединяя ритмокаскадными нитями с нынеживущими, отличая искусственное от природного.

Почему-то считают, что сфера культуры – это поприще исключительно гуманитариев: лингвистов, искусствоведов, литераторов. На мой взгляд, она должна стать лабораторией физиков, кибернетиков и психофизиологов также, так как человек исследовался, испытывался в культурных практиках веками, протоколы исследований-экспериментов – это творения культурной и технической сферы человечества, статистика необозрима, сегодня это оцифровывается в системы BIG DATA. Надо только уметь читать эти протоколы и не бояться строить модели, проверяя их по косвенным экспериментам.

Подчеркнем еще одно удивительное свойство античного мифа. Подробный анализ ранних греко-римских мифов позволяет заключить, что фактически, приведенные нами ранее планетарные гелио – и гео-матрицы гармонии (матрицы попарных отношений частот планет транспонированных в одну октаву) оказались тождественны социометрическим матрицам взаимоотношений персонажей пантеона греческих богов (матрица содержит отношения симпатии-консонанс, антипатии-диссонанс и ней-

тральности, которые были неизменны в ранних мифах Гесиода). На первом этапе космогенеза (до рождения Зевса), то есть Ранний, Небесный, Солнечный пантеон – это гелио-матрица. На втором Земном, Олимпийском, Современном для античных греков этапе (после рождения Зевса) – это гео-матрица. Обнаруженные соответствия показывают, что информация ранних греческих мифов, расшифрованная нами посредством музыкального космопланетарного кода, несет в себе очень глубокие знания об устройстве Солнечной системы и ее эволюции. Эту информацию можно было узнать лишь частично (около 50%) в античные времена, но она была зашифрована, зашита в мифах, которые, как мы сейчас знаем, могут жить тысячелетиями, дольше культур, народов, этносов, что может свидетельствовать о развитой науке в палиоисторические времена²³⁵.

Наши результаты об избранных космопланетарных частотах в ионосфере могут быть подтверждены наличием октавных следов в ионосфере, что действительно наблюдается. Однако, проследить эти резонансы в биосфере и мозговой активности человека и животных еще только предстоит в будущих исследованиях, хотя описанная нами история совпадения резонансов с музыкальными камертонами и трансовыми ритмами это косвенно доказывает. Дальнейшие исследования культурных памятников говорят и о метроритмических планетарных резонансах в архитектуре. Тем более интересным является рассмотрение феномена космоземного резонанса Шуман, который обнаружен и подробно исследуется более 70 лет, чтобы поможет понять всю сложность выявления и описание влияния сверхслабых электромагнитных сигналов в атмосфере.

О резонансах Шумана. Резонанс Шумана – это название, данное резонансной частоте распространения электромагнитных волн в атмосфере существующей в сферическом волноводе между поверхностью Земли и поверхностью ее ионосферы, точнее, между поверхностью и самой плотной частью ионосферы. Они названы в честь немецкого физика Винфрида Отто Шумана

²³⁵ Там же.

(1888–1974), рассчитавшего и открывшего ее²³⁶. В разных частях Земли постоянно вспыхивают молнии; и каждый разряд является источником радиосигнала. Это означает, что наша атмосфера непрерывно резонирует со средней радиочастотой 7,83 Гц, наряду с постепенно ослабевающими гармониками на частотах 14,3, 20,8, 27,3 и 33,8 Гц. Это резонансы Шумана, не просто артефакт физических измерений пространства между поверхностью Земли и ионосферой. Каждая планета и Луна, имеющие ионосферу, имеют свой собственный набор резонансов Шумана, определяемый размером планеты. Ночью та часть ионосферы, которая находится в тени Земли, редет. Еще одно влияние оказывает то, что три горячие молниевые зоны — Азия, Африка и Южная Америка — также следуют циклу день / ночь, а также являются сезонными. Таким образом, пики мощности радиосигнала на резонансе Шумана следуют постоянно меняющемуся, но достаточно предсказуемому графику. По миру существуют десятки станций регистрации резонансов Шумана, например, в Томске. Величина частот резонансов колеблется по мере того, как ионосфера становится более или менее плотной, что в значительной степени зависит от количества падающего на нее солнечного излучения, от наличия вспышек на Солнце и магнитных бурь на Земле, общего уровня солнечной активности, а также возможных создающих землетрясений. Обратим внимание, что значения резонансов неплохо совпадают с границами α - и β - электрических ритмов головного мозга. Важно, что и у многих животных эти частоты отвечают максимальной чувствительности к восприятию электромагнитных волн. Однако, частоты Шумана могут кратковременно повышаться почти на 20% за счет уплотнения ионосферы, что иногда вызывает всеобщий интерес к гипотезе что это стимулирует иные, более высокие нормы частот психо-ментальной деятельности. высокие гармоники Шумана начинают попадать уже в зону γ - ритмов, зону высоких творческих концентраций.

²³⁶ Schumann, W. O. (1952). "Über die Ausbreitung sehr langer elektrischer Wellen um die Signale des Blitzes". *Nuovo Cimento*. 9 (12): 1116–1138. Bibcode:1952NCim....9.1116S. doi:10.1007/BF02782924. S2CID 122643775.

Смоделировать это современными научными методами пока не удастся, слишком велики шумы и ничтожны сигналы шумановских волн, но эмпирические корреляции повышения частот и солнечной активности наблюдаются. То есть ситуация напоминает историю со сверхмалыми разведениями в гомеопатии — эффект есть, а объяснить не можем. Похоже, что и космомузыкальные эффекты относятся к этой же проблемной области, а шумановские резонансы создают свои эволюционные синхронизмы, уже обнаруженные у живых существ. А пока, шумановские резонансы используют для климатических предсказаний, мониторинга потенциальных землетрясений, определения средней температуры атмосферы планеты и т.д. Интересны также разоблачения и псевдоразоблачения связи частот Шумана и антропологии²³⁷.

Литература

1. Буданов В.Г. Принципы гармонии, как эволюционные синхронизмы — начала демистификации // Труды международной конференции «Математика и искусство», Суздаль 23–27 сент. 1996. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
2. Буданов В.Г. Синергетическая алгебра гармонии // Синергетическая парадигма /Под ред. В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.Э. Войцеховича. М., 2000. С. 121–137.
3. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 4-е дополн. М.: Издательство URSS, 2017. 272 с.
4. Гарбузов Н.А. и др. Музыкальная акустика (общ. Редакция Н.А.Гарбузова 2-е издание) ГМИ: М., 1954. 231 с.
5. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1997. 335 с.

²³⁷ Даннинг Б. Факты и вымысел о резонансе Шумана. *Подкаст Skeptoid*. Skeptoid Media, 5 марта 2013. Интернет. 26 февраля 2024. <<https://skeptoid.com/episodes/4352>>

6. Schumann, W. O. (1952). "Über die Ausbreitung sehr Langer elektrische Wellen um die Signale des Blitzes". *Nuovo Cimento*. 9 (12): 1116–1138.

Bibcode:1952NCim....9.1116S. doi:10.1007/BF02782924. S2CID 122643775.

7. Даннинг Б. Факты и вымысел о резонансе Шумана. *Подкаст Skeptoid*. Skeptoid Media, 5 марта 2013. Интернет. 26 февраля 2024. <<https://skeptoid.com/episodes/4352>>

М.В. Клёцкин

Натурфилософские основания интерпретации квантовой механики

Рассматриваются три начала физических сущностей: 1) сущее-само-по-себе; 2) мышление индивида; 3) благо (ценностное отношение). Проанализирована взаимосвязь понятий «сущность», «значимость», «знак», «сущее» и предложена праксеологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что сущее не дано непосредственно в действительности, но как энергия присутствует в каждой познанной природной сущности, фундирует ее существование как чистая возможность (как материя), реализуемая сознанием. Воздействие сущего-самого-по-себе на мышление не вызывает споров, однако необходимо объяснить и то, как мышление воздействует на сущее. Именно в ответе на этот вопрос раскрывается необъяснимая «классической» философией и здравым смыслом «парадоксальность» квантовой физики. Физический объект в бытии-мышлении ученого существует сразу и как сущий-сам-по-себе, и как мыслимый. Сущее не дано непосредственно в действительности, но как энергия присутствует в каждой познанной природной сущности, фундирует ее существование как чистая возможность (как материя), реализуемая сознанием.

Ключевые слова: сущее, бытие, возможность, действительность, истинность, вероятность, ценностное отношение, квантовая физика.

Большинство современных физиков исходят в понимании сущего из механической парадигмы, в которой природа представлена как некая машина. В этой модели понимания сущее представлено рациональному субъекту как нечто подсчитываемое и механически структурированное. Сущее-само-по-себе и мышление из-за их ненаблюдаемости «выносятся за скобки» как пустые абстракции. Однако перед физиками неизбежно встает вопрос о происхождении «объективной реальности». Эта реальность действительно объективна, поскольку состоит из взаимодейст-

вующих объектов познания – сущностей наличного бытия. Она также является истиной бытия, поскольку представляет собой ценностный образ находимого сущего – материал для деятельности²³⁸. Но объективная реальность *не есть* отдельно от мышления, поэтому задачей физической теории становится преодоление абстрактности онтологии физики Нового времени, ее оторванности от контекста практического освоения и изменения сущего. Такая задача ставит перед физикой неизбежные «метафизические» вопросы. «Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и во времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события, – с другой, иначе говоря, картезианское различие *res cogitans* и *res extensa* уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки»²³⁹. Отчужденная от самости бытия, абстрактно понятая «объективная реальность» должна быть переосмыслена как часть целостного сущего, как *один из аспектов* представленности физического сущего в сознании исследователя.

Принципиальным для сторонников классической физической парадигмы является вопрос об «объективности» квантовой механики. Они готовы признать, что объекты квантовой механики существуют независимо от сознания наблюдателя, но участие мышления в становлении квантовомеханической действительности категорически отрицают и относят к мистике. «Материал квантовой механики дает основание для обоснованной и последовательной критики только идеи „сущего самого по себе“, объекта, который существует независимо от экспериментальной установки, но вовсе не идеи существования объекта вне и независимо от сознания»²⁴⁰. «Объект» в переводе с латинского языка обозначает то, на что направлено внимание и устремление индивида. Исходя из смысла категорий объекта и мышления, а также стремясь к научной строгости и логической непротиворечивости

²³⁸ Клецкин М.В. Ценностное отношение в научном познании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. № 2 (152). С. 49–59.

²³⁹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 303–304.

²⁴⁰ Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. С. 99.

выражения мысли, мы должны утверждать, что объект (но не сущая-сама-по-себе сущность) не может существовать вне процесса мышления. Вне мышления существует только сущее-само-по-себе. Осмысление находимого в процессе познания сущего создает «объективное» бытие (в классической немецкой философской традиции называемое «*Dasein*» – «наличным бытием»). Объективное бытие – это, таким образом, не сущее-само-по-себе, а уже осмысленное, действительное сущее. Непонимание этого тонкого момента создает недопонимание между физиками и философами. Е.А. Мамчур, борясь с доктриной эпистемологического релятивизма, выделяет две противоположных точки зрения на проблему «объективности»: «Одна из них [проблем эпистемологии] это проблема объектности описания (термин Э. Шредингера), т.е. описание реальности такой, какой она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю. Другая – проблема „объективности“ в смысле адекватного описания действительности. В методологическом сознании оба понятия часто оказываются неразличимыми, как бы „склеенными“, хотя на самом деле речь идет о разных вещах. И это порождает путаницу в аргументации и спорах»²⁴¹. Всякое естественнонаучное знание «объектно», поскольку объектом исследования является независимое от сознания индивида сущее, и «объективно» в смысле стремления к адекватности научных суждений действительности. С такой интерпретацией можно согласиться. Мы говорим об «объективности» истины в смысле направленности мышления на изучение сущего-самого-по-себе, но сам термин «объективность» по отношению к истине мы считаем неудачным, так как он может создавать иллюзию существования истины как объекта действительного бытия. Кроме того, само словосочетание «объективная истина» является тавтологичным, поскольку, по крайней мере в научном познании, истина всегда объективна, т.е. относится к суждениям об объектах (наличных сущностях) изучаемой реальности.

²⁴¹ Мамчур Е.А. Квантовая механика и объективность научного знания // 100 лет квантовой теории. История, физика, философия: тр. междунар. конф. М., 2002. С. 125.

Было бы правильным, на наш взгляд, в качестве основной характеристики научной рациональности рассматривать не оппозицию объективности–субъективности, а оппозицию истина–ложь. В последней оппозиции ложь понимается именно как «субъективная» кажимость, не имеющая подтверждения в практике обращения с сущим, представленным как наличная объектность²⁴². Дело в том, что всякое суждение объективно в том смысле, что высказывается об объекте (сущности), но не всякое так понятое объективное суждение истинно, поскольку о наличном бытии объекта могут высказываться и ложные суждения (неадекватные действительности). В новоевропейской метафизике истина определяется рациональным «субъектом», ставшим центром мироздания, а интерпретируется как адекватное отношение «субъекта» к «объекту». В крайнем случае истинность знания сводят к его «объектности», т.е. понимают истинное познание как независимое от наблюдателя и условий наблюдения исследование. Но истина не есть отношение или материальный объект, она непосредственна как бытие сущего-самого-по-себе и необходима как действительность. Поясним далее этот тезис. О действительности как непосредственной истине сущего говорится уже в античной метафизике. Например, связь истины с бытием (соответственно, и с сущим) последовательно проводится Аристотелем во всех его работах по логике. В частности, в определении силлогизма: «Силлогизм же есть логос, в котором каким-то положенным с необходимостью сопутствует что-то другое для положенных, благодаря их [т.е. положенных] бытию» [An. Pr. 24b 18–22]²⁴³. Исходные посылки силлогизмов выражают то, что «не может быть иначе», т.е. существует необходимо как что-то действительное. «Вещь, по-видимому, – каким-то образом причина бытия истинного логоса; ибо из-за бытия или не [бытия] вещи логос [суждение] сказывается истинным или ложным» [Cat, 14b 19–22]²⁴⁴. Когда сущее обнаруживается через действитель-

²⁴² Клецкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4 (28). С. 50–56.

²⁴³ *Aristotelis. Analytica priora et posteriora* / ed. by W.D. Ross. Oxford, 1964.

²⁴⁴ *Aristotle. Categories and De Interpretatione* / tr. with notes by J.L. Ackrill. Oxford, 1963.

ность, становится объектом познания, его бытие для индивида приобретает характер сознательно необходимо-принудительного (*αναγκαιον* – естественные потребности, принудительное, насильственное, мучительное). До Аристотеля на истину как бытие сущего указывал и Платон: «Οὗτος ος αν τά οντά λέγή ως εστιν, αληθής ος δ' άν ως ουκ εστιν, ψευδής (Вот кто говорит о сущих как о том, что есть, истинно говорит; кто же, как о том, что не есть, – ложно)» [Crat, 385b]²⁴⁵.

Ложным, на наш взгляд, является следующее утверждение Лейбница: «Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны, и противоположное им возможно»²⁴⁶. Истина необходима в любом случае, что бы мы ни понимали под «истинами разума» и «истинами факта», причем необходима всегда с учетом временного фактора. Что же касается возможности противоположного истине, то, согласно известному принципу, «возможно все», а значит, «истины разума» и «истины факта» в этом отношении не отличаются. Само разделение на эти два вида рода истин показывает зависимость учения Лейбница от картезианской философской парадигмы, разрушающей имманентную связь между сущим и бытием, существовавшую в античной философии. Разрушающей в том числе и в логике, где суждения о действительности сущего рассматриваются как исходные посылки истинных умозаключений. «Речь о чем-то так же истинна, как и это нечто»²⁴⁷. «Бытие» как связка суждения означает единство различаемого в суждении сущего-самого-по-себе и мышления, ведь мышление и есть «начало» бытия (но никак не сущего-самого-по-себе). Суждение выражает состояние мышления как его истину.

Сущее истинно не само по себе, но только как осуществившееся в бытии (мышлении). С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения

²⁴⁵ *Platonis opera: in 5 vols.* / Ed. by J. Burnet. Oxf.: Clarendon Press, 1900–1905.

²⁴⁶ Лейбниц Г.В. Монадология // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 455.

²⁴⁷ *Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 102.*

различаемых индивидом сущностей и их ценность для индивида. Обогащение знаний о мире происходит не путем простого накопления фактических знаний, а путём перестройки всей системы знаний и сменой ценностных установок ученых при обращении с сущим. Меняются принципы и идеалы познания, что наиболее ярко проявляется во время научных революций. Современное естествознание постепенно отказывается от абсолютизации объектности научного познания, что мы наблюдаем на примере развития квантовой физики. Одновременно оно приходит к признанию важной роли ученого в процессе познания. Ученый становится не пассивным наблюдателем и «зеркалом», отражающим объективное сущее, а подлинным субъектом (основанием) познания, понимаемого как деятельность, имеющая прагматическую цель. Познание ищет способы реализации прагматической цели. Поэтому в настоящее время непродуктивно, на наш взгляд, из последних сил цепляться за устаревшие, во многом продиктованные идеологической борьбой с «буржуазной» философией формы представления и решения эпистемологических проблем. Как следствие, возникает необходимость прояснить и уточнить терминологию, используемую в философии науки и онтологии.

«Объектность описания», понимаемая как неискаженное «отражение» в сознании сущего, невозможна, но вот об объективности в смысле «адекватности теоретического описания реальности действительному положению дел в мире... можно смело утверждать, что квантовая теория объективна в той же мере, что и классическая физика»²⁴⁸. Реальность сущего, безусловно, объективна, также объективен квантово-механический мир (поскольку существует как объект познания), но это не противоречит признанию конститутивной роли мышления в становлении «объективной реальности» (в кавычках, потому что реальность всегда объективна, поэтому добавление прилагательного «объективной» тавтологично). Отказ от неудачного, на наш взгляд, термина «объективность» для обозначения истинности познания не означает отказа от понимания истинности как «адекватности знания

²⁴⁸ Мамчур Е.А. Квантовая механика и объективность научного знания. М., 2002. С. 127.

действительности». Знание должно быть адекватным бытию, в этом его смысл и телос. Однако новоевропейская терминология, описывающая эту адекватность, устарела, что постоянно подчеркивается как многими современными философами, так и современными физиками-теоретиками. Неудачен, с нашей точки зрения, и термин «субъективное бытие». Если понимать под «субъективностью» индивидуальность бытия, то мы приходим к тавтологии, ведь бытие – всегда бытие индивида. Кроме того, если индивидуальное бытие назвать «подлежащим» («субъективное» переводится как «лежащее внизу»), то все качества, роды и виды должны сказываться о нем как о своей основе. Но разве не является такой основой материальное бытие сущего-самого-по-себе? Традиционно, начиная с Аристотеля, «подлежащим» (субъектом) суждения называют какие-либо сущности, но не самого индивида, размышляющего о сущностях.

Согласно новоевропейской традиции принято различать познавательный и ценностный подходы к познанию действительности. Под первым понимаются построение «объективно истинной» картины действительности, выявление предзаданных причинно-следственных зависимостей; под второй – субъективный (основанный на личных предпочтениях) выбор цели, норм поведения, когда ценность выступает как психологическое основание выбора. Результаты познавательной деятельности – знания, картину действительности – ученый Нового времени стремится представить максимально «очищенными» от таких «субъективных» факторов. Мы же утверждаем, что ход познавательной деятельности определяется в том числе и определенными потребностями, и стремлениями индивида. Свойства вещей исследуются в науке в конечном счёте для их использования в практической деятельности, для решения встающих перед индивидом проблем. То, что помогает решать такие проблемы, становится положительно окрашенным знанием, то, что мешает – отрицательно окрашенным, не приносящим удовлетворения, путем в никуда. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образуя

щие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Эта система ориентиров задаёт ценностную структуру научных теорий. Плюралистичность истины, отказ от понимания наблюдателя как инстанции, устанавливающей истинность суждений о физическом мире, ведут к релятивизму. Если релятивистская точка зрения верна, то не должно существовать никакого «кросспарадигмального» содержания, составляющего единую основу всех сменяющих друг друга научных парадигм. Но такое содержание существует. Мы утверждаем, что принцип детерминизма, например, остается неизменным в квантовой механике, а все разговоры физиков о его крахе являются следствием непонимания онтологической структуры бытия и сути детерминизма. Чаще всего под индетерминизмом квантовой механики понимается невозможность точно предсказать поведение квантовых объектов. Но если мы выходим за рамки абстрактных теоретических построений и изучаем постоянно меняющуюся действительность, то абсолютно точно предсказать будущее вообще невозможно, о будущем не может быть истинного знания в настоящее время. Например, невозможно предсказать эволюцию в животном мире.

Следствием отказа от классических новоевропейских представлений о пространстве-времени является нелокальность квантовой механики, т.е. принципиальная невозможность точно определить местоположение и «поведение» частицы в определённый момент времени. Если для макромира точностью можно пренебречь, то на уровне исследования элементарных частиц вопрос о границах измерения становится критическим. По существу, нелокальность квантовой механики говорит о невозможности описания движения элементарных частиц в рамках классических представлений о пространстве, что заставляет учёных радикально эти представления менять, так как они оказываются в самой своей сути противоречивыми.

Как известно, квантово-механическая парадигма описания физического сущего была принята научным сообществом не без борьбы. В знаменитом споре с Нильсом Бором классическую де-

картовскую теорию бытия и познания физического сущего защищал Альберт Эйнштейн. Доказательства своей правоты он опубликовал в соавторстве с Б. Подольским и Н. Розеном в статье 1935 г.²⁴⁹, в которой утверждал, что описание физического сущего в квантовой физике не является полным, поскольку не описывает её с полной достоверностью, а только вероятностно. На этот тезис можно возразить, что вероятность не исключает достоверности, если вычисление вероятности опирается на экспериментальные данные. Что может быть достовернее верифицируемых опытных данных? В этой же статье в качестве доказательства своей точки зрения Эйнштейн привёл мысленный эксперимент, получивший название эксперимент Эйнштейна–Подольского–Розена (ЭПР). Этот эксперимент, по мысли авторов статьи, доказывает, в отличие от квантовомеханической теории, что координату и импульс частицы можно точно измерить одновременно. Следовательно, эксперимент ЭПР доказывает «неполноту» квантовой теории, ведь, по мысли авторов, «каждый элемент физической реальности должен иметь отражение в физической теории. Мы будем называть это условием полноты»²⁵⁰. Но достижима ли такая «полнота теории», если общепринято, что количество физических сущностей практически бесконечно? «Ошибка в аргументе Эйнштейна, Подольского и Розена 1935 года заключается в том, что они взяли задания вероятности-1, чтобы показать объективные особенности мира, а не просто твердо убежденные взгляды... Их ошибкой было то, что они не поняли, поскольку многие физики сегодня продолжают не понимать, что присвоение вероятности с $p = 1$ является очень твердым личным суждением назначающего агента, и ничего более»²⁵¹.

²⁴⁹ Фок В.А., Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н., Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI, вып. 4. С. 437.

²⁵⁰ Там же. С. 440.

²⁵¹ Fuchs C., Mermin D., Schack R. An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics. Preprint arXiv:1311.5253 [quant-ph], 2013. URL: <https://arxiv.org/pdf/1311.5253.pdf> (дата обращения: 27.01.2024). P. 7.

Для преодоления вероятностного характера квантовой механики, сторонники принципов онтологии классической европейской физики вынуждены были вводить так называемые «скрытые параметры» квантовомеханической системы – параметры, недоступные наблюдению в эксперименте. Однако, поскольку такие параметры никак не фиксируются, то они суть метафизические допущения и к естественной науке не могут иметь отношения. Например, в основе так называемых неравенств Джона Белла лежит допущение, что с помощью скрытого параметра частицы обмениваются между собой информацией, сколь бы далеко они не находились друг от друга. Как и в мысленном эксперименте Эйнштейна, Подольского и Розена (ЭПР-парадокс), Белл допускает, что сущее известно до его познания (информация существует до осмысления сущего), а потом с удивлением спрашивает: «Как мы можем знать состояние сущего до его познания?». То есть сам опровергает свою же фантастическую гипотезу. Существование постулированного информационного параметра становится у Белла приговором принципам квантовой механики в копенгагенской интерпретации и якобы подтверждает принципы механики классической. На самом деле введение этого параметра показывает антинаучность и противоречивость допущений «классической» физики, поскольку существование такого параметра не верифицируется.

ЭПР-парадокс является следствием натурализации волновой функции в квантовой теории, и показывает логическую противоречивость такой натурализации. В последние десятилетия абсурдность критики Эйнштейном квантовой механики за её «неполноту» была доказана и экспериментально. Группа австрийского физика Антона Цайлингера провела экспериментальную проверку теории априорного существования (т.е. существования до наблюдения) свойств физических сущностей. «В этом эксперименте исследовались трехчастичные запутанные состояния фотонов... Цайлингер с сотрудниками показали, что квантовомеханический подход и результат такого подхода несовместимы с предположением, что наблюдаемые свойства объекта (в общем

случае) существуют до наблюдения как объективная самостоятельная внутренняя характеристика локальных объектов»²⁵².

Умозрительные концепты физической теории (например, гравитационная постоянная или постоянная Планка) – лишь инструменты интерпретации эмпирического материала, сами не обладающие физическим существованием. Пространственная расположенность физических сущностей создаётся (конструируется) и изменяется человеком, исходя из его потребностей, но задаётся (детерминируется) физическим сущим. Различая сущее, мы создаём его понятийный образ – его действительное бытие. Таким образом, для человека вселенная существует в возможности и в ней действует принцип дальнего действия (нелокальности). В различённом же мире, индивид вынужден «догонять» мироокаймляющие сущности, вынужден прикладывать усилия для их использования и изменения, для чего вынужден преодолевать расстояния между ними. В таком действительном мире (мире действия) «работает» принцип локальности (близкого действия). Передать воздействие (информацию) мы можем, лишь преодолевая сопротивление (инерцию) сущего, поэтому не мгновенно.

Вполне возможно, что существует «чёрный ход» для достижения физических сущностей, кажущихся нам бесконечно далёкими. Ведь если вселенная существует как нечто целостное и взаимосвязанное, то существует пока неизвестная нам сила, связывающая вселенную воедино и действующая мгновенно. Свет имеет конечную скорость, поэтому электромагнитное поле (и другие известный нам фундаментальные физические взаимодействия) на роль универсальной силы, мгновенно связывающей вселенную воедино, не подходит.

Вероятностный характер квантовой механики обусловлен невозможностью познавать сущее таким, каким оно существует само по себе, то есть каким оно существует вне представленности в мышлении наблюдателя. «Сама квантовая механика не имеет

²⁵² Доронин С.И. Нелокальность в окружающем мире. Экспериментальная проверка // Web-журнал «Интеллектус». 2006. URL: <http://www.patent.net.ua/intellectus/temporology/25/ua.html> (дата обращения: 27.01.2024).

непосредственного отношения к объективному миру; она имеет дело с опытом этого объективного мира, который принадлежит тому или иному агенту, использующему квантовую теорию»²⁵³. Сущее открывается в процессе познания, становясь из потенциального (для наблюдателя) актуальным (действительным). Наблюдатель так же творит наличное бытие природы, как в греческой мифологии бог творит космос из хаоса. Это не значит, что физические сущности не существовали до их познания. Они существовали потенциально, но не были для наблюдателя действительными, т.е. осознанными. «Мы напрямую не наблюдаем фундаментальный уровень реальности: мы выводим его из динамики. На фундаментальном уровне мы утверждаем, что бы ни предполагали динамические законы – все, что должно быть в мире, чтобы эти законы были верны ему»²⁵⁴. По нашей терминологии в данном случае речь идёт о сущем-самом-по-себе, поэтому правильнее, с нашей точки зрения, в данном случае говорить не о «фундаментальном уровне реальности» (поскольку потенциальное сущее ещё не действительно), а о материи.

Неверно, на наш взгляд, натурализовать волновую функцию и отождествлять потенциальное бытие и вероятность. Вероятность – это лишь количественная мера возможности какого-либо явления, причём вычисление вероятности опирается не на возможный, а на уже имеющийся, актуальный опыт. Вероятностна не материя или частица, вероятностно наше знание об их существовании. Говоря о возможности какого-либо квантового явления, подразумевают, что эта возможность существует в рамках определённой гипотезы. Речь идёт о гносеологической возможности, но не возможности онтологической, ведь альтернативные состояния физических сущностей существуют одновременно только в рамках теории, но не актуально. Знание о возможном (и во временном и в онтическом смысле) всегда вероятностно. Актуально истинным знание может быть только о том, что уже есть

²⁵³ Fuchs C., Mermin D., Schack R. An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics. P. 3.

²⁵⁴ North J. The structure of a quantum world, 2013. URL: http://philsci-archive.pitt.edu/9347/1/Final_QM_for_volume.pdf (дата обращения: 28.05.2020).

или было. Если сущность ещё не есть, то и знание о ней лишь вероятностно.

Квантовая механика не противоречит правильно понимаемому детерминизму и вообще не является индетерминистской, поскольку опирается на актуальные (значит определённые) знания о квантовом мире. Сущее-само-по-себе принципиально непознаваемо без отношения к наблюдателю. Невозможно создать «предгеометрию» (термин Джона Уиллера) материального бытия сущего, а тем более выразить её математически, возможно лишь констатировать существование предзаданного взаимодействия сущих вещей. По мнению Уилера, само-по-себе-сущее до измерения (осознания) не имеет каких-либо характеристик – до момента измерения оно совершенно неопределенно. «По уилеровской трактовке, мы создаем, творим явление в процессе наблюдения. По такой точке зрения – мы вовлечены в процесс, являемся “соучастниками” творения Вселенной»²⁵⁵. Такая точка зрения не противоречит, а скорее развивает концепцию Бора, в которой не отрицается существование сущего, но утверждается невозможность его «объективного» познания. Единственное, что мы можем, – это предсказывать вероятности физических явлений или процессов, без всякого знания о структуре сущего-самого-по-себе. Такая структура не существует сама собой, а предписывается теорией сущему. Мир, предзаданный наличному бытию и определяющий его содержание, существует для наблюдателя, но существует только как потенциально познаваемый. Наблюдатель (или прибор) всё-таки не «творит» реальность, а скорее образует и структурирует её по подобию находимого им сущего. «Измерение не... показывает уже существующее положение дел. Это действие на мир со стороны агента, которое приводит к созданию результата – нового опыта для этого агента... Поскольку вероятности являются личными суждениями агента, из этого следует, что назначение квантового состояния также является личным суждением агента, назначающего это состояние. Пресловутый “коллапс волновой функции” – это не что иное, как обновление

²⁵⁵ Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории. С. 65.

состояния назначения агента [the updating of an agent's state assignment] на основе его опыта»²⁵⁶.

Физическое бытие становится определённым, когда наблюдатель фиксирует про-ис-шествие физической сущности в действительность (что в терминологии квантовой механики называется «коллапс волновой функции»). Учёные не могут с абсолютной уверенностью предсказать поведение физической сущности в тех или иных обстоятельствах, поскольку вероятность какого-либо события никогда не равна единице. Поэтому критерий истинности научной теории, выдвинутый Эйнштейном в споре с Бором, остаётся принципиально недостижимым идеалом. Познание природы вероятностно и принципиально неполно, поскольку человек может сознательно осмыслять природные явления лишь в рамках их представленности в наличном бытии. «Но спросим себя, если нет никакой формы, никакой сущности, то что же тогда выступает из потенции? Что и как описывается в квантовой электродинамике – если нет ничего? Чему же мы придаем тогда какие-то характеристики – заряд, массу и т.д.?»²⁵⁷. Попробуем ответить на эти вопросы следующим образом:

1. У сущего-самого-по-себе нет формы, оно не является сущностью-понятием, но именно оно составляет содержание потенциального бытия. Есть сущее-само-по-себе и именно оно «выступает» из потенции, становясь действительным бытием, имеющим определенную форму. «Есть актуальное – то, что мы видим здесь и сейчас. Однако существует ряд феноменов, где пространственно-временное описание неприменимо. Это мир квантовых феноменов. Вся квантовая нелокальность связана с проявлением именно этого модуса. То, что мы видим, – это своеобразная «проекция» ... Первична не информация, а конкретное материальное окружение»²⁵⁸. Потенциальность не есть сущее, а лишь одна из его характеристик и один из способов бы-

²⁵⁶ Fuchs C., Mermin D., Schack R. An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics. P. 2.

²⁵⁷ Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории. С. 125.

²⁵⁸ Проблема реализма в современной квантовой механике: материалы дискуссии // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 34–64. С. 48.

тийного существования. Сущее-само-по-себе потенциально, но познание, различающее в сущем отдельные сущности, придает ему бытийную форму. «Никакое элементарное явление нельзя считать явлением, пока оно не наблюдалось»²⁵⁹. То есть актуальной сущности нет до и отдельно от познания, как нет и возможности самой по себе, поскольку потенциальность определяется лишь по отношению к действительности. Из потенции «выступает» не форма, а сущее.

2. В квантовой механике структурируется физическое сущее, на основе опытных данных создается его математическая модель. До познания существует лишь неопределенное сущее. В современной физической теории ближе всего к нашему пониманию физического сущего стоит концепция вакуума в квантовой физике. Вакуум понимается современными физиками не как абсолютная пустота или ничто, а как низшее («основное») энергетическое состояние квантованного поля, т.е. как состояние чистой потенциальности. Как сущее-само-по-себе (вместе с мышлением) порождает мир наличного бытия, так и вакуум порождает физические частицы. До восприятия такие частицы существуют как «виртуальные». В «пустом» пространстве «темной материи» (сущего-самого-по-себе) происходят так называемые нулевые (не наблюдаемые) колебания полей. Процесс становления в квантовой теории поля может быть метафорически представлен как «вырождение вакуума» при спонтанном нарушении симметрии. Материальность вакуума доказывается в физике так называемым «эффектом Казимира» – вызываемым флуктуациями вакуума взаимным притяжением близко расположенных незаряженных тел различной геометрии. В физическом вакууме идет непрерывный процесс рождения и поглощения виртуальных (пока ненаблюдаемых) частиц. Нулевые колебания (флуктуации) вакуума могут служить матрицей всех квантовых физических явлений.

3. Характеристики физическим сущностям не придаются, эти характеристики находятся в процессе различения как свойства

²⁵⁹ Уилер Дж. А. Квант и вселенная. Астрофизика, кванты и теория относительности. М., 1982. С. 551.

или случайные качества физических сущностей. Открытие (как процесс познания) делает физические сущности из возможных действительными, придает им форму. Говоря языком квантовой механики, сущее как потенциальное бытие находится в состоянии суперпозиции. Сознание, безусловно, не влияет на протекание физических процессов непосредственно (опосредованно влияет через практику), поскольку физическое движение имеет свое начало лишь в сущем-самом-по-себе, а сознание влияет только на понимание физических процессов. Опыты по интерференции электромагнитных волн доказывают, что изменения условий таких опытов полностью меняют их результаты, т.е. их понимание. Современное естествознание «описывает и объясняет природу не так просто, что она является как бы сущей „самой по себе“. Она скорее является частью взаимной игры между природой и нами самими»²⁶⁰.

Как мы говорили выше, новоевропейская наука сузила материальный мир лишь до бытия «объективного» (наличного), не видя разницы между наличным бытием сущего и сущим-самим-по-себе. Квантовая механика возвратила физиков к античному пониманию физической реальности, которое включает как необходимые моменты сущее-само-по-себе и мышление этого сущего. Как подчеркивал В. Гейзенберг, «модифицированная логика квантовой теории неизбежно влечет за собой модификацию онтологии»²⁶¹. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что попытки построения новой квантовомеханической онтологии модифицируют только новоевропейское понимание физической реальности, но не основы онтологии, сформулированные еще в античности. Модификация затрагивает лишь сферу понимания законов физического мира учеными-естествоиспытателями.

²⁶⁰ Heisenberg W. Gesammelte Werke Abt. C Bd. II. Physik und Erkenntnis 1956–1968. München, Zürich. 1984. S. 22.

²⁶¹ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. С. 161.

Литература

1. Клецкин М.В. Ценностное отношение в научном познании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. № 2 (152). С. 49–59.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 200 с.
4. Мамчур Е.А. Квантовая механика и объективность научного знания // 100 лет квантовой теории. История, физика, философия: тр. междунар. конф. М.: НИИ-Природа, 2002. С. 125–129.
5. Клецкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4 (28). С. 50–56.
6. Aristotelis. Analytica priora et posteriora / ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1964.
7. Aristotle. Categories and De Interpretatione / tr. with notes by J.L. Ackrill. Oxford: Clarendon Press, 1963.
8. Platonis opera: in 5 vols. / Ed. by J. Burnet. Oxf.: Clarendon Press, 1900–1905.
9. Лейбниц Г.В. Монадология // Антология мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 776 с.
10. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
11. Мамчур Е.А. Квантовая механика и объективность научного знания // 100 лет квантовой теории. История, физика, философия: тр. междунар. конф. М.: НИИ-Природа, 2002. С. 125–129.
12. Фок В.А., Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н., Бор Н. Можно ли считать, что квантово-механическое описание физической реальности является полным? // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI, вып. 4. С. 436–457. DOI: 10.3367/UFNr.0016.193604b.0436
13. Fuchs C., Mermin D., Schack R. An Introduction to QBism with an Application to the Locality of Quantum Mechanics. Preprint arXiv:1311.5253 [quant-ph], 2013. URL: <https://arxiv.org/pdf/1311.5253.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

14. Доронин С.И. Нелокальность в окружающем мире. Экспериментальная проверка // Web-журнал «Интеллектус». 2006. URL: <http://www.patent.net.ua/intellectus/temporality/25/ua.html> (дата обращения: 27.01.2024).

15. North J. The structure of a quantum world, 2013. URL: http://philsci-archive.pitt.edu/9347/1/Final_QM_for_volume.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

18. Проблема реализма в современной квантовой механике: материалы дискуссии // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 34–64.

19. Уилер Дж. А. Квант и вселенная. Астрофизика, кванты и теория относительности. М.: Мир, 1982. 560 с.

20. Heisenberg W. Gesammelte Werke Abt. C Bd. II. Physik und Erkenntnis 1956–1968. München, Zürich: Piper Verlag GmbH. 1984. 440 с.

О.В. Шимельфениг

Сюжетно-игровая парадигма как продолжение отечественных научно-философских инноваций

В качестве варианта общенаучной картины мира, проблемам построения которой был посвящён Круглый стол по В.И. Вернадскому, автором предлагается сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий, связывающая современные научные концепции квантовой механики, общей теории систем, синергетики, ноосферы с представлениями о целостной картине Универсума, возникшей ещё в древних культурах (индийской, китайской, античной и др.). До середины XX века подобное «организмическое» понимание природы считалось атавизмом, воспроизводящим полумифологическую картину мира, не совместную с современными научными представлениями. Но, когда В.И. Вернадский ввёл в научный контекст понятия биосферы и ноосферы как целостных образований, содержащих взаимодействующие между собой подсистемы – неорганическую, биологическую и человеческого социума, то новое понимание этой целостности дало возможность по-другому увидеть как традиционные восточные мировоззрения, так и идеи русского космизма. Предлагаемая сюжетно-игровая парадигма представляет собой единство философского, научного, религиозного и экзистенциально-личностного аспектов картины мира, и оформлена в виде системы взаимосвязанных принципов-постулатов. Эта концепция показала свою полезность в инновационном управлении и в сфере образования.

Ключевые слова: картина мира, целостность, Единое, ноосфера, рефлексия, сюжет, сценарий, игра, культура.

Инициаторы и ведущие Круглого стола²⁶² – профессор И.А. Герасимова и академик РАН М.Д. Бухарин, равно как и его участники, ставят и намечают пути решения актуальнейшей проблемы нашего времени – формирование общенаучной картины

²⁶² посвящённого 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского на Третьих Стёпинских чтениях, прошедших 20–21 июня 2023 года в Институте философии РАН.

мира, в которой, по замыслу В.И. Вернадского, должны быть осмыслены и обработаны представления философии, религии, искусства и других сфер культуры на основе диалога философских учений Запада и Востока, а также мировоззренческих универсалий постнеклассической науки, предложенных В.С. Стёпиным. Актуальность темы обусловлена нарастающими проявлениями системного кризиса цивилизации – мировоззренческого, экологического, социально-экономического и политического, что порождает потребность в создании целостной духовно-психофизической картины мира, которая может быть взята в качестве исходной посылки межкультурного диалога.

Как никогда острой становится общественная потребность не только в новой научной картине мира, но и в интегральной социальной картине мира, что обосновывается в работах В.С. Стёпина, И.Т. Касавина, И.А. Герасимовой²⁶³ и других философов и учёных. Такая концепция реальности, где в синергичном союзе призваны сотрудничать представители всех сфер культуры – философии, естествознания и гуманитарных наук, религии и искусства, очевидно, требует **новой категоризации**, в том или ином смысле **включающей и обобщающей языки всех видов человеческой деятельности**.

Рассмотрим ряд исторически сложившихся проблем, указывающих на актуальность задачи построения такой всеохватывающей духовно-психо-физической картины мира: «Распадение человека с природой, как вбиваемый клин, разбивает малопомалу всё на противоположные части, даже самую душу человека» (Герцен А.И.)²⁶⁴; «Наука основана на отчуждении человека от бытия и отчуждении бытия от человека» (Бердяев Н.А.)²⁶⁵;

²⁶³ См.: Стёпин В.С. Философия и методология науки. М., 2015. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2013. Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М., 2016. Герасимова И.А. Перспектива общенаучной картины мира: коллизии и тенденции // Эпистемология и философия науки 2022. Т. 59. № 3. С. 6–18. Герасимова И.А. Идеал красоты в жизни науки (вчера, сегодня, завтра) // Вопросы философии. 2023. № 8. С. 74–77.

²⁶⁴ Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т.1. М., 1946. С. 130.

²⁶⁵ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.

«... все глубочайшие основы мира, Бог, субстанциальные деятели, творящие реальное бытие, творческие действия их, обусловленные ими внутренние сверхпространственные и сверхвременные связи реального бытия, ценностная и осмысленная сторона его совершенно выпали из кругозора науки. Таким образом, в современном научном миропонимании мир *обезбожен, обездушен, обезжизнен, обессилен* (лишен динамического момента), *обесценен и обесмыслен*» (Лосский Н.О.)²⁶⁶; «Наука творит заведомое мироубийство и природоубийство, она изучает труп природы, она есть анатомия и механика природы, такова ее биология, и физиология и психология» (Булгаков С.Н.)²⁶⁷; «Мы живем в многозначительное и особенно ответственное время. Как бы ни бушевали вне нас, в общественно-исторической жизни и в сознании широких масс, соучаствующих ныне в строительной жизни, волны неверия – в тайной, доступной лишь избранной части, лаборатории внутреннего духовного творчества совершается процесс пересмотра всех жизненных понятий, порожденных неверующим гуманизмом и натурализмом прежней эпохи. Невидимый внешнему взору прилив творческих религиозных сил оплодотворяет человеческую мысль и подготавливает рост новой науки, согласующейся с религиозным сознанием и способной на его основе утвердить новое, животворящее и осмысливающее целостное жизнепонимание» (Франк С.Л.)²⁶⁸; «Нет никаких готовых систем мироздания (космологии), нет и готовых учений о происхождении мира (космогонии) – ни в Церкви (на почве библейского свидетельства), ни в науке (на почве наблюдений и вычислений). И в Библии, и в науке – перед нами задача, и притом бесконечная. Библейский текст, несмотря на свою монументальную простоту, – вопрос, а не ответ, уже потому, что он, как слово Божие, повествующее о “началах”, неисчерпаем и для его де-

²⁶⁶ Лосский Н.О. «Мифическое» и современное научное мышление. URL: <http://www.odinblago.ru/path/14/2>

²⁶⁷ Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Том 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993. С. 199–200.

²⁶⁸ Франк С.Л. Религия и наука в современном сознании // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I–IV). М., 1992. С. 504.

шифрования требуется как наука (главным образом, филология и естествознание), так и боговдохновенное прозрение. Изучаемая наукой картина Вселенной – не менее загадочна. Мы видим и знаем в ней очень мало и очень односторонне. Многие множество в ней, особенно таинственные “начала”, неизменно ускользает от орудий опыта и наблюдений и, при настоящем состоянии человеческого духа, от нас совершенно скрыто» (Ильин В.Н.)²⁶⁹; «Чем глубже мы вглядываемся в природу, тем лучше узнаем, что она полна жизни, и тем глубже понимаем, что жизнь есть тайна и что мы связаны со всей жизнью, которая имеется в природе. Человек больше не может жить своей жизнью для себя одного. Мы понимаем, что всякая жизнь представляет собой ценность и что мы едины со всей этой жизнью. Из этого знания возникает наша духовная связь со вселенной» (Швейцер А.)²⁷⁰.

Одним из наиболее глубоких корней этой проблемы разрыва учёного с духовной основой природы, в том числе, и своей собственной – являются **мало осознаваемые** им **фундаментальные послышки о мире и себе**, которые, тем не менее, управляют его мышлением, приводя к механистической картине мира: «Одна из интенсивно обсуждаемых проблем, представляющих интерес для эпистемологии, – это вопрос о личностном знании в аргументации, аспектами которого являются **проблема неявных, невыраженных предпосылок** и проблема визуальной аргументации» (Герасимова И.А.)²⁷¹; «Учёный стремится к получению знания и убежден в том, что принятые в науке утверждения о законах и большая часть принятых теорий являются знанием (и что они истинны). **Специальной рефлексией по поводу того, что считать знанием и истиной, он не занимается**» (Лекторский В.А.)²⁷²; «...вся сумма наших научных познаний есть, собственно,

²⁶⁹ Ильин В.Н. Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Минск, 2006. С. 5.

²⁷⁰ Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. С. 488.

²⁷¹ Герасимова И.А. Феномен аргументации // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 5–13.

²⁷² Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 75.

не выражение действительной истины бытия, а есть только более или менее основательная **вера человека в истинность его предположений о бытии...**»²⁷³ (Несмелов В.И.).

В глубоких и обстоятельных исследованиях о способах существования мифа в человеческой культуре Лосева А.Ф., Шпенглера О., Косарева А., Осаченко Ю.С., Дуплинской Ю.М.²⁷⁴ и ряда других философов проблематизируются претензии материалистической науки на освобождение от мифологического сознания, на «объективность» знания, на строгость и однозначность научных понятий, на прозрачность мышления, демонстрируется неизбежность в любой онтологии интуитивно-творческой составляющей, содержащей мифическое и нерационализируемое. Как справедливо заметил русский философ Иван Ильин, нет людей ни во что не верующих, – есть люди, и их много, которые просто не задумываются над тем, во что же они верят, чему же слепо следуют всю свою жизнь: «...сколько бы мы ни искали, мы не найдем такого человека, который ни во что не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» (Ильин И. А.)²⁷⁵.

Существенным аспектом этой фундаментальной проблемы разрыва теоретических представлений множества учёных с целостной жизнью Вселенной (в которой они неизбежно, но мало осознанно, участвуют) является их не подвергающаяся сомнению вера в существование «объективной», якобы от них независимой, реальности: «"объективность" носит весьма относительный

²⁷³ Несмелов В.И. Наука о человеке. Казань : Центр. тип., 1905. Т. 1. С. 112.

²⁷⁴ См.: Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М., 1993. Косарев А. Философия мифа: Мифология и её эвристическая значимость. М., СПб., 2000. Осаченко Ю.С., Юрьев Р.А. Идеологическое и мифологическое измерения онтологии // Вестник Томского госун-та. 2007. № 297. С. 76 –83. Дуплинская Ю.М. От мифа к логосу и от логоса к мифу. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2004. Дуплинская Ю.М. Мифологическое априори и семантика возможных онтологий. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т., 2003.

²⁷⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 87.

характер, и это понятие часто используется для прикрытия субъективной позиции» (Никифоров А. Л.)²⁷⁶; «Мнение, что факты динамической геологии добываются прямым наблюдением над “природными экспериментами”, – широко распространенный методологический миф» (Мейен С.В.)²⁷⁷; «ученый-натуралист зачастую не замечает, что входит в область проблем настолько общих, что их следует считать мировоззренческими, философскими. ...Натуралист стремится видеть только объект природы, только “внешнюю” сторону, только один полюс своей деятельности. Всё, что может показаться ему субъективным, привнесенным человеком, заранее исключено им из системы естественно-научного исследования, и это-то и оказывается тем тупиком, в котором естественный объект предстает как онтологическая проблема» (Соловьёв О.Б.)²⁷⁸.

Так *нерефлексируемое выделение объекта* (из Единого Целого), как бы самого по себе существующего и независимого от исследователя, формирует веру в миф о существовании «*объективной реальности*», якобы независимой от всех тех, кто (во многом бессознательно, автоматически) участвует в её сотворении²⁷⁹, давая им возможность списывать возникающие в результате их деятельности проблемы и катастрофы на своих противников и «объективные обстоятельства». Поэтому, исходя из понимания реальности как духовно-психо-физической целостности, следует давать в качестве результата исследования чего угодно – два Протокола: о картине мира (исходных установках) исследователя (группы) и отчёт об объекте, который, так или иначе, обусловлен первым документом. Таким образом включением пози-

²⁷⁶ Никифоров А.Л. Природа философии: Основы философии. М., 2001. С. 88.

²⁷⁷ Мейен С.В. О наиболее общих принципах исторических реконструкций в геологии // Известия АН СССР. Сер. геол. 1978. № 11. С. 81.

²⁷⁸ Соловьёв О.Б. Феномен естественного объекта и неклассическая рациональность // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 108–109.

²⁷⁹ прежде всего, *своими представлениями* о происходящем (даже якобы неадекватными или бредовыми), которые посредством его соответствующих действий или бездействия *неизбежно* влияют на трансформацию потока событий реальности, что обычно не осознаётся в силу отсутствия понимания всеобщей взаимозависимости участников Вселенского Действа.

ции учёного в результаты его исследований в той или иной степени разрешается проблема расщепления его философского мировосприятия на онтологию и гносеологию.

В качестве варианта такой целостной картины мира, разрешающей перечисленные выше проблемы (становящиеся всё более критичными для выживания человечества), автор предложил сюжетно-игровую парадигму как систему мировоззренческих универсалий, связывающую современные научные концепции квантовой механики, общей теории систем, синергетики, ноосферы с представлениями о целостном образе Универсума, возникшем ещё в древних культурах (индийской, китайской и др.)²⁸⁰. В предлагаемой модели реальности кладётся в основу всего – неопределимое рациональными средствами, вневременное Творящее Начало Вселенной, не имеющее формы и потому создающее их все, называемое в разных духовных традициях *Брахман, Дао, Абсолютное Сознание, Восприимница и Кормилица всего возникающего* (Платон) и т.д.: «В последовательно теистических разновидностях объективного идеализма началом и концом мира признаются Божественный Абсолют (иудейская, христианская, мусульманская и буддийская идеалистическая метафизики), Божественный Брахман (философия индийской веданты), Божественное Дао в китайских теистически ориентированных философских системах и т.д.» (Миронов В.В., Иванов А.В.)²⁸¹.

Имеется в виду, что это не только и не столько понятие, сколько нечто *живое и реальное*, («следует признать, что наш космос есть живое существо, наделённое умом» (Платон)²⁸², находящееся как бы внутри каждого индивида и за всей Вселенной, являющейся воплощением Его мыслей в виде Коммунальной

²⁸⁰ Шмельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход к моделированию сложных систем // Деп. в ВИНТИ №4333-83, Саратов, 1983. Шмельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов, 2005. Шмельфениг О.В. Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021. №1. С. 30–36.

²⁸¹ Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания: М., 2005. С. 42.

²⁸² Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1994. С. 434.

(общей, совместно делаемой) Реальности Космической Игры, что перекликается с понятием «межреальности», введённым авторами коллективной монографии²⁸³.

Творящее Начало и Его Игра с Самим Собой через все свои воплощения – эхо-подобия-фракталы, называемые индивидами (начиная от *частиц, атомов, молекул, организмов до сообществ людей и космических образований, включая Вселенную*), – образуют вместе некое многоаспектное единство – Универсум, ежемгновенные трансформации которого составляют Сюжет Миропроявления. В космологии имеется квантовая модель Вселенной, согласно которой Вселенная мыслится как квант (целостная «вспышка»)²⁸⁴, а учёные Древней Индии даже определили длительность «мигания» Вселенной – порядка 1/175000 секунды²⁸⁵.

Согласно предлагаемой парадигме, Космическая Игра Единого опирается на естественно возникающие правила – Принципы Постулаты существования, названные так потому, что первый из них Постулат Двуетности (всё, что угодно может воспринимать своё существование только через взаимодействие с другим в двуетности Целом), как бы порождающий все остальные, является ответом на самый фундаментальный вопрос о Бытии: «Что значит, что нечто существует?». Такой заход соответствует подобной мысли отечественных философов: «Для всякого объекта существовать означает взаимодействовать, т.е. оказывать влияние на объекты и испытывать на себе их воздействие»; «существовать и, соответственно, выступать в роли возможного объекта познавательного акта – значит быть <<потенциально воспринимаемым>>» (Миронов В.В., Иванов А.В.)²⁸⁶.

Поиски ответов на дальнейшие вопросы приводят к Системе Постулатов существования, в том числе, *Подобия, Многоединст-*

²⁸³ Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире. М., 2019.

²⁸⁴ Герасимова И.А. Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). С. 28.

²⁸⁵ Радхакришнан С. Индийская философия (в двух томах). М., 1956-1957. Т. 1. С. 325.

²⁸⁶ Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. С. 126, 271.

ва, Изменения/Постоянства, Квазицикличности, Тотальности жизни, которые вместе с первым постулатом Двуетности образуют **I уровень**, названный «**Общие принципы существования**».

II уровень описывает Принципы формирования и существования индивидов (детализация Принципов I уровня): **Квазиграницы** (лишь условно выделяющие образующегося индивида внутри Единого Целого, поскольку границы проницаемы в обе стороны и постоянно меняются); **Двуплановости** (поскольку любому индивиду для осознания своего существования необходимо иметь отражение происходящих событий своей физической жизни на внутренней сцене, то есть, как сюжет со своим потенциальным участием, хотя бы в качестве наблюдателя); **Нетождественности индивидов** (каждый в той или иной степени уникален, как физически, так и психически); **Сюжетности восприятия** (что вытекает из предыдущего Постулата, тогда с позиции Единого Целого – Вселенная воспринимается как иерархия взаимосвязанных сюжетных фракталов жизни каждого существа от мельчайших индивидов до Сюжета миропроявления); **Частичной предсказуемости сюжета** (поскольку крайности – полная непредсказуемость или абсолютное знание будущего – равно бессмысленны для жизни любого существа); **Зашнуровки сценарного и сюжетного потоков** (через каждого индивида и организация их в целостный Сюжетно-сценарный поток Универсума в единую Коммунальную Реальность Космической Игры: на основе воспринимаемого и памяти конструируется сценарий поведения, которое как бы участвует в формировании происходящего, затем происходит следующий цикл).

III уровень – Принципы воспроизводства форм на основе квазициклических сюжетов (углубление и детализация Принципов I и II уровней): **Цикл мигания Вселенной** (минимальный базовый цикл пульсации Бытия-Небытия Единого Целого, моделируемый чередованием 1 и 0); **Цикл «ab ovo ad ovum»** – от яйца к яйцу (цикл физического существования любого индивида от порождения его квазиграницы до её разрушения внутри еже-

мгновенно обновляющегося Единого Целого, в котором формируются новые физические индивиды, при этом, на более тонком психическом уровне материи индивидуальная конфигурация (душа) может, наверное, сохраняться дольше, но тоже как двуплановая структура (с ещё более тонким своим вторым планом); **Порождения/поглощения и Творения/разрушения**, которые являются абстрактным обобщением двух предыдущих, при этом первый хорошо иллюстрируется символом Уробороса – пожирающего себя Змея, а второй – образом танцующего Шивы.

IV уровень – Базисные сюжеты взаимодействия индивидов и групп (конкретизация Принципов предыдущих уровней): **Существования** (всех индивидов друг с другом, как в локальном окружении, так и в рамках Вселенной в целом); **Взаимодополняющие целенаправленные действия** (групп индивидов, совместно реализующих тот или иной сюжет); **Противоборства** (от конкуренции до войны, в частности, сюжет «охотник-жертва», – это тоже взаимодополняющие действия, но уже с точки зрения более высокого уровня осознания целостного Сюжета миропоявления (как у писателя или сценариста и режиссёра), где преодолевается односторонняя самоидентификация только с одной из антагонистических сторон, противостояние и противоборство которых является необходимым двигателем Космической игры, как разнесённые в пространстве полюса магнита или батареи, порождающей ток через «войну» полюсов). Глубокое и всестороннее исследование этой проблематики проведено в монографии И.А. Герасимовой²⁸⁷.

Рассмотрим некоторые параллели научно-философских идей В.И. Вернадского с сюжетно-игровой парадигмой.

1. Когда Вернадскому предложили опубликовать свою статью «О научном мировоззрении» в сборнике «Проблемы идеализма», то Владимир Иванович отказался это сделать, заявив, что он

²⁸⁷ Герасимова И.А. Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). М., 2010.

не идеалист, а реалист (Мочалов И. И.)²⁸⁸. То же можно сказать и о понятии Творческого Начала Вселенной – это не идеализм, а реализм, подтверждаемый простым экспериментом реализации творческой воли любого человека путём осуществления им непредсказуемого сценария; ещё большей демонстрацией справедливости этого тезиса является техногенная трансформация нашей планеты в XX столетии. Но понятно, почему великое открытие известного учёного посчитали «идеалистическим», ибо идея ноосферы не сводится, конечно, к плоско-материалистической картине мира, так как в основу её он кладёт сознание, то есть, духовное начало.

2. «Философы и современная философия в подавляющей мере не учитывают эту функциональную зависимость человека, как природного объекта, и человечества, как природного явления, от среды их жизни и мысли» (Вернадский В.И.)²⁸⁹. В сюжетно-игровой парадигме развивается эта мысль учёного путём включения человечества не только в окружающую среду, а целиком во Вселенную: «Существует один всеобъемлющий факт – развёртывающаяся история Вселенной» (Уайтхед А. Н.)²⁹⁰; «В строгом научном смысле можно было бы говорить, собственно, только о действительности вроде всеобъемлющей космической действительности» (Франк С. Л.)²⁹¹.

3. Далее Вернадский обсуждает, как проблематичную, такую идею: «В работах Института Бозе в Калькутте научно исследуются явления, касающиеся в материально-энергетической среде проявлений, философски *общих* живым и косным природным телам. Они не характерны, слабо выражены в косных природных телах и ярко проявляются в живых, но *общих* обоим»²⁹². В сюжетно-игровой парадигме она обобщается до рассмотрения всей Вселенной как *организованной живой целостности*, состоящей

²⁸⁸ Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. М., 1982. С. 134.

²⁸⁹ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 13.

²⁹⁰ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 550.

²⁹¹ Франк С.Л. Религия и наука в современном сознании // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I–IV). М., 1992. С. 264.

²⁹² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. С. 14.

только из индивидов, каждый из которых есть «функция», эхо-подобие Единого Целого, но, разумеется, все они распределены по уровням духовного развития, то есть, степени осознанности относительно Творящего Начала Вселенной.

4. Следующая мысль Вернадского: «Между косным и живым веществом есть, однако, непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество биосферы, и обратно. Этот биогенный ток атомов вызывается живым веществом. Он выражается в их не прекращающемся никогда дыхании, питании, размножении и т. п.»²⁹³. Сюжетно-игровой подход полагает, что постоянным вечным Источником «не прекращающегося никогда тока атомов, дыхания, питания, размножения и т. п.», то есть, сквозного вселенского сюжета «от яйца к яйцу», двуединства квазицикла порождения-поглощения – является Творящее Начало Вселенной. Ньютон увидел в падении яблока на землю принцип взаимоотношений всех тел во Вселенной – закон всемирного тяготения. Мне представляется в образе яблока – универсальный, «сквозной» сюжет развития всего во Вселенной – «от яйца к яйцу». Действительно, яблоко подобно яйцу: за его шкурой-«скорлупой» созревают «дети»-семена, из которых вырастут целые организмы, которые опять будут выращивать «яйца-плоды» – семена будущих организмов и т.д. в соответствии с мировым циклическим сюжетом «*ab ovo ad ovum*». А эти очередные семена-плоды, будучи вознесенными над землей – новой яблоней – опять будут падать на землю, чтобы «подниматься» снова и снова. Т.е. любое проявление закона тяготения с сюжетно-игровой позиции – лишь фрагмент этого разнообразно воспроизводящегося сквозного цикла жизни – партии Космической Игры.

5. Далее: «В литосфере мы наблюдаем для подавляющей массы её вещества организованность, при которой большинство атомов, как показывает радиоактивное исследование, неподвижно, заметно для нас не смещается в течение десятков тысяч

²⁹³ Там же. С. 17.

декамириад – участка времени, сейчас доступного нашему измерению»²⁹⁴. В сюжетно-игровой парадигме это наблюдение «неподвижности» обобщается как весьма устойчивая квазициклическая деятельность воспроизводства сюжета своей формы-тела.

6. А вот следующая мысль учёного «Человек должен понять, как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что *он не есть случайное, независимое от окружающего* – биосферы или ноосферы – свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерного длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет»²⁹⁵ требует обсуждения, поскольку «научная»-то «концепция» в сугубо материалистическом варианте, как раз, пытается уже несколько столетий объяснить феномен сознания случайностью, а не «*неизбежным проявлением большого природного процесса*», то есть, всё большим проявлением в Природе через человека Творящего Начала Вселенной.

7. Основная идея Вернадского «Биосфера перешла или, вернее, переходит в *новое эволюционное состояние – в ноосферу* – перерабатывается научной мыслью социального человечества»²⁹⁶ [3, с. 24] находит естественное развитие в системе сформулированных выше Принципах-Постулатах сюжетно-игровой парадигмы.

Таким образом, сюжетно-игровое моделирование неразрывно сливается с новой **глобальной деятельностью человека**, а использование его категорий и языка в изложении философии могло бы способствовать более глубокому выражению единства природы, вскрытию новых существенных связей между самыми разными областями знания, взаимопониманию различных национальных культур, более эффективному усвоению богатого наследия практической философии Востока и усовершенствованию методики обучения философии и другим наукам благодаря на-

²⁹⁴ Там же. С. 18–19.

²⁹⁵ Там же. С. 21.

²⁹⁶ Там же. С. 24.

глядности, живости и универсальности сюжетно-игровых моделей.

Очевидно, что с возрастанием технической мощи человечества, его судьба и вообще жизнь на планете всё больше определяется не механическими «объективными факторами» и «законами», действующими якобы независимо от нас, а нашими представлениями о мире в целом, воплощающимися в проектах взаимодействия людей друг с другом и с природой.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Том 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. 603 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. Герасимова И.А. Феномен аргументации // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 5–13.
5. Герасимова И.А. Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). М.: Альфа-М : 2010. 304 с.
6. Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире. М.: ИФ РАН, 2019.
7. Герасимова И.А. Перспектива общенаучной картины мира: коллизии и тенденции // Эпистемология и философия науки 2022. Т. 59. № 3. С. 6–18.
8. Герасимова И.А. Идеал красоты в жизни науки (вчера, сегодня, завтра) // Вопросы философии. 2023. № 8. С. 74–77.
9. Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т.1. М., М.: Политиздат, 1946. – 314 с.
10. Дуплинская Ю.М. Мифологическое априори и семантика возможных онтологий. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т., 2003. 164 с.
11. Дуплинская Ю.М. От мифа к логосу и от логоса к мифу. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2004. 160 с.

12. Ильин В.Н. Шесть дней творения: Библия и наука о творении и происхождении мира. Минск, Издательство Белорусского Экзархата, 2006.

13. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. 912 с.

14. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.

15. Косарев А. Философия мифа: Мифология и её эвристическая значимость. М., СПб., 2000. 303 с.

16. Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 74–76.

17. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.

18. Лосский Н.О. «Мифическое» и современное научное мышление. URL: <http://www.odinblago.ru/path/14/2>

19. Мейен С.В. О наиболее общих принципах исторических реконструкций в геологии // Известия АН СССР. Сер. геол. 1978. № 11. С. 79–91.

20. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005. 447 с.

21. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. М.: Наука, 1982.

22. Несмелов В.И. Наука о человеке. Казань : Центр. тип., 1905. Т. 1. 396 с.

23. Никифоров А. Л. Природа философии: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.

24. Осаченко Ю.С., Юрьев Р.А. Идеологическое и мифологическое измерения онтологии // Вестник Томского госун-та. 2007, №297, с. 76–83.

25. Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. 654 с.

26. Радхакришнан С. Индийская философия (в двух томах). М.: Изд-во ИЛ, 1956-1957. Т. 1. 624 с.

27. Соловьёв О.Б. Феномен естественного объекта и неклассическая рациональность // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 108–121.

28. Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. 414 с.

29. Стёпин В.С. Философия и методология науки. М.: Академический проект: Альма-Матер, 2015. 716 с.

30. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. 720 с.

31. Франк С.Л. Религия и наука в современном сознании // Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I–IV). М., 1992.

32. Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.

33. Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. 528 с.

34. Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход к моделированию сложных систем // Деп. в ВИНТИ №4333-83, Саратов, 1983. 118 с.

35. Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.

36. Шимельфениг О. В. Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021. №1. С. 30–36.

37. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 620 с.

И.Н. Вольнов

Синтез сферного подхода В.И. Вернадского

Проводится мысль о том, что каждый новый этап развития общества, построенный на принципе отрицания ценностей предыдущего периода, неизбежно приводит к потере этим обществом Истины, а его прогресс оборачивается деградацией. Приведен пример такого отрицания сакрального пространства-времени Средневековья при переходе к Новому времени при создании И. Ньютоном науки механики и дальнейшего развития этого метода. Механицизм научных представлений вместе с разделением всего целого на части и сложного на простое до сих пор лежит в основании наук и попытках их развития, апофеозом которых считается технология искусственного интеллекта. Современный кризис научного мировоззрения непосредственно увязывается с этими принципами. Выражена точка зрения о деятельности В.И. Вернадского как попытке возврата научного мировоззрения на путь прогресса. Автор рассматривает линейную схематизацию типов научной рациональности академика В.С. Степина и показывает, что в ней недостаточен прогностический потенциал. Предложен другой тип схематизации в виде треугольного баланса, в котором удастся выразить искомый прогностический потенциал. Рассмотрены четыре (3+1) типа синтетического мировоззрения, которое в целом названо *сферным подходом*. Приведены примеры каждого типа такого синтеза. Все они находятся за границами современной науки, или в будущем, или в прошлом, что указывает на будущность сферного подхода и то, что он возвратит в научное мировоззрение утраченное сегодня знание прошлого. Для процесса познания введены принципы «*больше себя самое*» и «*меньше себя самое*». Также введен новый термин *синтетическая сферная рациональность*. Последняя характеризуется симметрией указанных принципов, при том, что существующая научная рациональность построена только на принципе «меньше себя самое» и запрещает использование принципа «больше себя самое». Сформулированы некоторые признаки

сферного подхода в его сравнении с объектным, средовым и системным подходами. Показано, что новый сферный подход, приходит на смену системному и при этом он не продолжает старую логику развития науки, но предлагает новую.

Ключевые слова: система, среда, сфера, сферный подход, искусственный интеллект, пространство, время, В.И. Вернадский, Р. Пенроуз, И. Ньютон, живое, синтез.

*Человек совершил огромную ошибку,
когда возомнил,
что может отделить себя от природы
и не считаться с её законами.
В.И. Вернадский*

Начнем эту статью с принципиального вопроса: удерживает ли современная цивилизация в своей структуре, функциях, основаниях и целях Истину? Нам бы хотелось дать утвердительный ответ, если бы не ряд аргументов в пользу обратного, часть из которых мы приведем ниже. Рассматривая историю развития общества в каком-либо формате, например, научно-дисциплинарных рамок истории (первобытное общество, Древний мир, Средние века, Новое время, Новейшее время) или Больших стилей (от Античности, Романского стиля до Модерна и Постмодерна) мы обнаруживаем, что каждый следующий период определяется через полное или частичное отрицание ценностей предыдущего и этот механизм неизменно действует на всем временном интервале развития цивилизации. Теперь поставим другой вопрос: совместима ли Истина с таким механизмом развития? Опять мы не сможем дать утвердительного ответа. Если Истина изначально находилась в основании древнего общества или на пути его развития Она была обнаружена и введена в это общество, то в следующих формациях Она обязательно подвергается отрицанию и выводится из него. Добавим, что повторное отрицание Истины не обеспечивает возврата к ней. Это рассуждение одинаково приложимо как к самой Истине, так и к пути ее достижения и, следовательно, мы вынуждены прийти к выводу,

что Истина отсутствует не только в современном устройстве цивилизации, но тот путь, по которому она движется к этой Истине не приводит. Однако простая интуиция подсказывает, что без Истины или движения в Ее сторону общество не может развиваться, а это означает, что историческая смена социальных формаций нашего общества не является его прогрессом, она является его деградацией. «Почти за 700 лет до Р. Х. в школах Фалеса и Пифагора преподавалось учение об истинном движении Земли, ее форме и о целой гелиоцентрической системе. А в 317 г. нашей эры мы находим, что Лактанций, наставник Криспа Цезаря, сына Константина Великого, учил своего ученика, что земля плоска, и плоскость эта окружена небом, которое состоит из огня и воды; он также предостерегал своего ученика от еретического взгляда, что земля имеет шарообразную форму!»²⁹⁷.

Похожую мысль, выраженную в отношении трех форм познания науки, философии и религии, мы находим у В.И. Вернадского: «“Научное мировоззрение” не является синонимом истины точно так, как не являются ею религиозные или философские системы»²⁹⁸. Выразим здесь догадку, что чувство потерянной Истины и стремления к Ее обретению было глубоко присуще В.И. Вернадскому и лежит в основании его научной, организационной и политической деятельности. Исходя из этой точки зрения, удастся понять позицию Вернадского об отрицании конструктивного влияния философии и религии на научную мысль: «Чем меньше будет влияние философии и религии, тем свободнее и производительнее может двигаться научная мысль»²⁹⁹. Ясно, что философия и религия без Истины, не могут привнести Ее в науку, но последняя в своем относительно новом изводе натурализма или чистого эмпирического обобщения (на которых настаивает В.И. Вернадский) имеет шанс на обретение этой Истины.

²⁹⁷ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. Том 1. М., 2002. С. 705.

²⁹⁸ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 43.

²⁹⁹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С.169.

Далее будут приведены примеры того как В.И. Вернадский пытался развернуть ход развития научного мировоззрения в сторону «к Истине», которые сегодня можно обобщить в терминах «сферного подхода».

Начнем с того, что зафиксируем ситуацию тотального господства принципа разделения (упрощение или разделение сложного на простое) во всех базовых видах деятельности человечества: в управлении – принцип разделения властей; в познании и образовании: дисциплинарное дробление науки; в производстве – разделение труда. Сегодня, апофеозом этого принципа, является попытка разложения на составные части интеллектуальной деятельности человека с целью ее автоматизации, из чего возникает одна из предельных технологий современности – технология искусственного интеллекта (ИИ).

Современная экспериментальная наука и ее принцип дисциплинарного дробления знания выводится из предшествовавшего дробления базовых для знания категорий пространства-времени, выполненного И. Ньютоном, при создании им механики, для решения утилитарной задачи точного описания движения твердых тел (полета ядра из пушки в цель). Задача была решена, а механика как наука с простой математической формализацией создана. Однако для этого пришлось выполнить, возможно, одно из самых значительных разделений и упрощений в дальнейшем развитии подхода в культуре. Потребовалось разделить на части и сразу в нескольких аспектах единое сакральное пространство-время. Перечислим некоторые аспекты такого разделения:

а) единое сакральное пространство-время разделено на отдельное пространство и отдельное время;

б) сложность сакральных пространства и времени упразднена, они теперь простые, бесструктурные, однородные, линейные и описываются только количественно;

в) такие предельно простые пространство и время объявлены атрибутами Творца и вместе с Ним удалены из человеческого опыта: стали недоступными познанию, объявлены внешними для него;

г) сакральное пространство-время понимается как свободное от ограничения того, что сегодня мы называем мерностью и после своего разделения пространство стало ограничено трехмерностью, а время – одномерностью;

д) отрицается важнейшая функция сакрального пространства-времени – быть посредником человека в его богообщении с Творцом. На этой почве возникают основания для атеизма в обществах, в культуре которых господствующее положение занимает современная экспериментальная наука.

Стоит отметить, что ньютоновская механика получила сильную критику современников и завоевала доминирующее положение в научном мировоззрении лишь через три поколения после создания, причем огромную роль в «победе ньютоновских идей сыграла не их логическая сила, а элемент общественного характера – их внедрение в школу, воспитания с детства в духе этих непонятных для эмпирического знания представлений»³⁰⁰, а многие крупнейшие ученые своего времени оставались категорическими её противниками, например, И.В. Гёте. Добавим, что механика Ньютона, создававшаяся под важную, но частную задачу, его последователями была распространена на всю реальность и стала основанием научного мировоззрения, взятого в целом. Сегодня все мейнстримные научные течения, так или иначе продолжают ньютоновский механицизм в его расширенном понимании, включая релятивистскую физику, теорию систем, синергетику³⁰¹.

Добавим также, что в 20-е годы прошлого века В.И. Вернадский создает учение о биологическом пространстве времени, которое может быть интерпретировано как альтернативная система представлений на пространство и время не только в отношении ньютоновской картины мира, но и эйнштейновских представлений об относительных пространстве-времени, которые набирают

³⁰⁰ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 237.

³⁰¹ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. СПб.– М., 2013.

широкую популярность в это время³⁰². 20-е годы прошлого века можно рассматривать как «точку бифуркации», когда делался выбор будущего между картинами мира А. Эйнштейна с его принципом всеобщей относительности, оказавшем влияние на умонастроения эпохи, и картиной мира Вернадского с его учением о живом веществе и биологических (живых) пространстве-времени. Из принципа всеобщей относительности, как не сложно показать выводится современный Постмодернизм (тотальный релятивизм). Сегодня ясно, что был сделан неправильный выбор, подтверждением чему является целый ряд признаков: потеря наукой авторитета в обществе, стратегии развития, приводящие к нечеловеческому будущему, неспособность науки не только разрешить, но даже в консенсусе подойти к главным научным вызовам – проблемам жизни и сознания.

Академик В.С. Степин классифицирует трансформации ньютоновского механицизма тремя типами научной рациональности и выделяет: классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональности³⁰³. Первая – это сама механика Ньютона, которая полностью реализуется в парадигме «субъект->объект». Репрезентативными примерами второй являются теория относительности и квантовая механика, которые стали утверждать, что на получаемые научные результаты влияют системы отчета или средства измерения и, следовательно, неклассическая рациональность реализуется в более сложной парадигме «субъект->(метод->объект)», с зависимостью объекта от метода его изучения. Наконец, примерами третьей рациональности могут служить современная синергетика и теория сложных саморазвивающихся систем, где все три элемента парадигмы познания связаны в схеме «(субъект->метод->объект)». Подчеркнём, что В.С. Степин использует линейную схематизацию, последовательности элементов познания (субъект, метод, объект) и именно на ней опреде-

³⁰² Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. М., 2022. Вольнов И.Н. Единство науки и искусства: прошлое, настоящее, будущее // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2023. №1(6). С. 313–323.

³⁰³ Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.

ляет типы рациональности. Такую схематизацию нельзя считать удачной, так как ее прогностический потенциал полностью исчерпывается приведенными пояснениями и новых смыслов из нее получить не удастся. Но, если использовать схематизацию треугольного баланса, то ситуация меняется. Покажем появления новых предсказательных возможностей такой схемы на примере работ нобелевского лауреата Р. Пенроуза, которым была доказана теорема о невозможности сильного ИИ, где он делает следующие утверждения³⁰⁴:

а) мозг человека обладает невычислимой компонентой или активностью;

б) современная физика, как классическая, так и квантовая, будучи вычислимой по построению не может описывать невычислимость мозга и, следовательно, не является достаточным средством для его изучения;

в) в будущем должна возникнуть новая невычислимая физика, которая сможет изучать невычислимость мозга;

г) главным инструментом для создания будущей невычислимой физики является мозг человека.

Отметим здесь, что наряду с мозгом человека или самим человеком во вселенной есть еще только один инструмент построения невычислимой физики – это сама вселенная³⁰⁵. Этот тезис нам понадобится позже, а пока продемонстрируем на рисунке 1 схематизацию утверждений Р. Пенроуза. Объединение субъекта и метода в единое целое, их синтез, открывает возможность для обнаружения и построения новой, невычислимой науки будущего и других новых объектов познания, сегодня недоступных и скрытых для нас самим разделением элементов познания.

³⁰⁴ Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. Панов А.Д. Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания // Метафизика, 2013, № 3 (9), С.141–187.

³⁰⁵ Панов А.Д. Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания.

Продолжая эту логику, можно указать еще две подобные комбинации. На рисунке 2 показан вариант, когда синтез метода и объекта по аналогии приводит к обнаружению новых познавательных возможностей субъекта, а на рисунке 3 дана схема, когда на синтезе субъекта и объекта указывает на возможность открытия новых методов познания, ранее недоступных в научной парадигме познания.

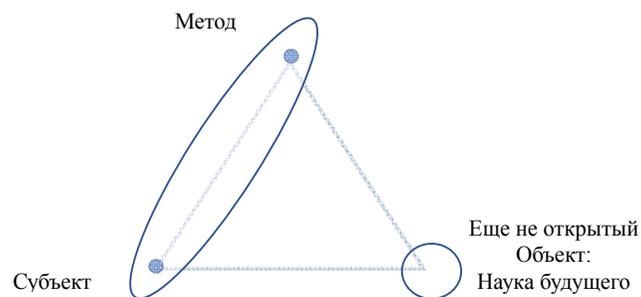

Рис. 1. Схематизация теоремы Р. Пенроуза о невозможности сильного ИИ

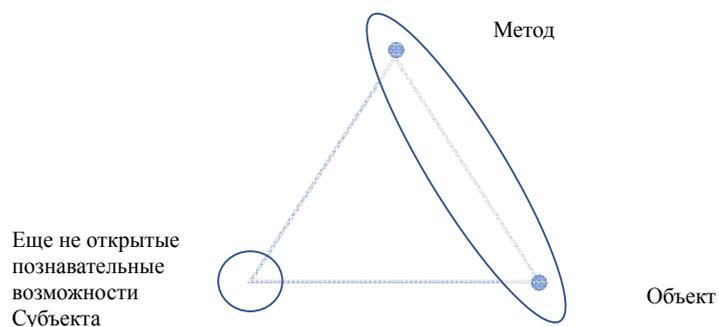

Рис. 2. Предсказание новых познавательных возможностей субъекта при синтезе метода и объекта

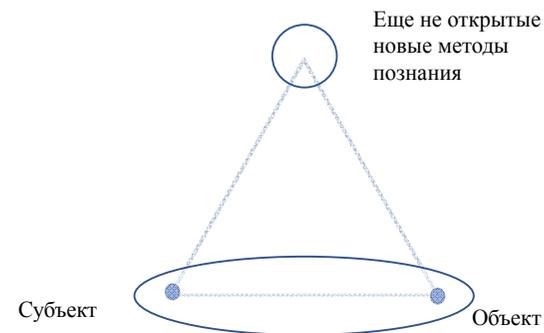

Рис. 3. Предсказание открытия новых методов познания при синтезе субъекта метода и объекта

Приведем примеры этих трех комбинаций синтеза, но перед этим сделаем замечание о том, что все они лежат вне современного научного мировоззрения. Они лежат или в будущем, как это видно в представлениях Пенроуза, или в прошлом, будучи забытым и вытесненным ньютоновским механицизмом знанием.

К примеру, первого типа, иллюстрирующему представления Пенроуза о синтезе субъекта и метода «из будущего», добавим пример «из прошлого» о познавательных возможностях человека Средневековья при объединении его с сакральным пространством-временем (которые рассматриваются как посредник или как метод) и обретением через это богообщения.

Несколько типов такого рода случаев массового, коллективного богообщения большого числа людей приведены в работах византолога А. Лидова при описании им собственной концепции Иеротопии (сакрального пространства)³⁰⁶. Одним из таких при-

³⁰⁶ Лидов А. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид художественного творчества. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/06/14/ierotop> (дата обращения

меров является крестный ход с чудотворной иконой Одигитрией Константинопольской, который совершался в Константинополе с XI по XV вв., каждую неделю по вторникам и, в котором принимало участие население «почти всего города». Через специальное молитвословие все присутствующие включались в единое сакральное пространство крестного хода и становились участниками регулярного чуда, когда «... икону невероятной тяжести ставили на плечи одному из служителей иконы, и этот человек с невероятной скоростью кругами начинал ходить ... раздвинув руки, что создавало полное ощущение, что огромная икона совершенно не имела веса ... возникало ощущение, что не человек носит эту тяжелейшую икону, а она носит своего носильщика ... икона летает кругами по этой площади и при этом еще вращается вокруг своей оси»³⁰⁷. В объединении участников крестного хода (субъект) с создаваемым сакральным пространством (метод) открывается возможность восприятия феноменов, до сих пор скрытых от «глаз» современной науки и, в частности, левитации чудотворной иконы и ее служителя (объект).

Примеры синтеза второго типа, где объединяются метод и объект найдем у о. П. Флоренского, в его работах, посвященных метафизике иконы. « ... икона всегда или больше себя самоё, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе как расписанной доской»³⁰⁸. В той ипостаси иконы, где она «больше себя самоё» она отождествляется с Тем, что она изображает, Первообразом, в нашей терминологии, она являет синтез метода и объекта. В приведенной мысли П. Флоренского есть еще один важный аспект – это вторая ипостась иконы, когда икона меньше себя самоё, «если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного», тогда она становится просто «расписанной доской». Ясно, что та или

08.01.2024 г.). Вольнов И.Н. Икона XXI века: иеротопия "кузнецовского письма" // Вопросы культурологии. 2012. №7. С.43–47.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Флоренский П. Иконостас. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/ikonostas/#0_2 (дата обращения 08.01.2024 г.).

иная ипостась иконы проявится в зависимости от того настроения или состояния, в котором молитвенник к ней обращается. Если молитвенник имеет *высокий* настрой, икона открывается ему «*больше себя самоё*» и наоборот. Переносим эту ситуацию на современное научное мировоззрение, не сложно видеть, что последнее построено таким образом, чтобы метод познания всегда был представлен в ипостаси «*меньше себя самоё*», а ипостась «*больше себя самоё*» или полностью игнорируется, или даже запрещена к использованию. Иначе, эту ситуацию можно назвать нарушением симметрии ипостасей путем запрета одной из них. Сделаем еще более сильное заключение. По всей видимости, наличие двух ипостасей справедливо не только для одной вершины треугольника познания «метод», но и для двух других и следовательно принцип запрета ипостаси «*больше себя самоё*» относится как к субъекту, так и к объекту, им разрешено быть только «*меньше себя самоё*».

Пример синтеза третьего типа можно взять из предыдущего примера, но рассмотренного не со стороны молитвенника, обращенного к иконе, а со стороны иконописца, эту икону создающего. Теперь мы понимаем, что иконописец находится в ипостаси «*больше себя самоё*» через требование «... *быть смиренны и кротки, соблюдать чистоту, как душевную, так и телесную, пребывать в посте и молитве и часто являться для советов к духовному отцу*»³⁰⁹. По утверждению П. Флоренского этим своим высоким состоянием иконописец создает условия для настоящих создателей икон – святых Отцов: «*Это Они творят художество, ибо они созерцают то, что надлежит изобразить на иконе*». Иконописец (субъект) в ипостаси «*больше себя самоё*» объединяется со святыми Отцами (Объект) в результате чего порождается икона (метод).

Последние два примера, взятые из области метафизики и приложенные к схеме познания физической картины мира, могли бы стать предметом критики этих представлений, как лежащие за границей физической реальности. Однако этим мы хо-

³⁰⁹ Там же.

тим показать, что издревле сложившееся разделение реальности на физическую и метафизическую части, явилось продуктом аналитического, а не синтетического мышления и в известной степени условно. Ярким подтверждением могут служить множественные и хорошо известные примеры выдающихся ученых, философов, художников (субъектов), обладавших способностью быть в ипостаси «*больше себя самоё*», и оказавших значительное влияние на физическую картину мира: Д.И. Менделеев, увидевший периодическую таблицу химических элементов во сне; В.А. Моцарт, видевший/слышавший музыкальное произведение сразу и целиком; Софья Ковалевская, мгновенно решавшая сложнейшие математические задачи; Никола Тесла, создававший сложные технические устройства в собственном воображении; мистический опыт В.И. Вернадского во время болезни тифом, когда он увидел всю свою дальнейшую судьбу и далее лишь следовал увиденному и др. «Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе»³¹⁰.

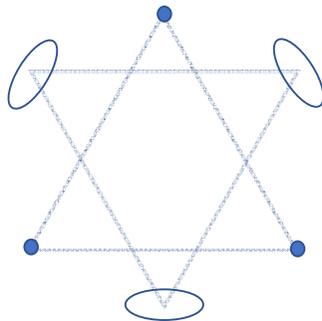

Рис. 4. Объединенная схема аналитического и синтетического познания

Теперь выполним над нашей треугольной схемой познания еще одно преобразование, выделив три синтетических полюса (синтеза пары полюсов по граням исходного баланса) и соединим их ребрами так как показано на рисунке 4. Получим объединенную схему аналитического и будущего синтетического познания, в которой есть обе ипостаси «*меньше себя самоё*» и «*больше себя самоё*» и симметрия между ними не нарушена.

В предсказательных возможностях данной схемы есть еще один вариант – это полный синтез субъекта, метода и объекта, который одновременно указывает на новые, еще не открытые объекты познания, его методы и познавательные возможности субъекта. Назовем эту последнюю схему – *сферным подходом*, а предыдущие три – его производными. Схема сферного подхода приведена на рисунке 5.

Вернемся теперь к тезису о Вселенной как еще одном невычислимом инструменте построения новой физики, наряду с самим человеком. Имеется только два таких инструмента – это человек и сама вселенная. Отсюда мы получаем следующие важные выводы.

1. В указании на невычислимую физику будущего человек и Вселенная оказываются равными. Наука на современном уровне своего развития приходит к той же формуле, которая была повсеместно известна в античности и, в частности, в древнегреческих мифологии, мистериях и философии: «Микрокосм соответствует Макрокосму». Эту формулу можно считать одним из древнейших выражений сферного подхода.

2. Предсказываемая новая физика не может существовать вне вселенной и без человека, который на нее указывает. Все три: вселенная, человек и новая физика слиты в единое целое в сферном подходе. Но так как неотъемлемыми качествами человека являются жизнь и разум, то эти качества должны быть присущи как самой вселенной, так и будущей новой физике. Следовательно вселенная живая и разумная, также как и физика будущего.

³¹⁰ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. С. 152.

Это утверждение также было хорошо известно нашим предкам³¹¹.

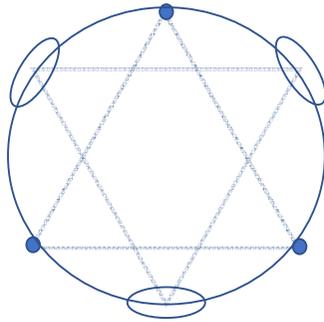

Рис. 5. Полная схема сферного подхода

Сегодня наука столкнулась с барьером сложности: невозможностью собрать единую научную картину мира из слишком большого количества разнородной информации, что понимается как кризис системного подхода и связывается с исчерпанностью его познавательных возможностей. Сильным признаком того, что этот барьер наукой не берется – обращение к технологии ИИ как инструменту познания. Использование ИИ в познании маркирует окончание науки в ее привычном понимании и обозначает переход к так называемой «постнауке», когда осознанное наблюдение, содержательное измерение, модельное обобщение, научное исследование, объяснение и понимание более не требуется. Достаточно собрать много неструктурированных данных (больших данных) и обучить на них ИИ, при этом в понимании того, как работает ИИ нет необходимости. Здесь возникает очередная иллюзия возможности создания сильного ИИ, который сможет симулировать уже не только естественный интеллект человека, но и его сознание в целом. На этом пути есть принципиальное ограничение, накладываемое принципом Реди: «живое происходит

³¹¹ Платон. Тимей.

только от живого»³¹², из которого следует что мертвое может произойти от живого, но обратное не верно. ИИ будучи мертвым никогда не сможет симулировать живое сознание и это можно рассматривать как еще одно доказательство, наравне с теоремой Пенроуза о невозможности сильного ИИ.

150 лет назад было сказано: «Физическая наука уже достигла пределов своих исследований ... Кто знает возможности будущего? Эра освобождения от иллюзий и перестройки скоро начнется ... цикл почти что завершил свой круг; новый цикл скоро начнется»³¹³.

Сферный подход является следующим шагом развития науки после системного подхода, оформившегося в 40-е годы прошлого века в трудах Бераланфи. Но, первый не продолжает предыдущую логику развития второго в виде дальнейшего совершенствования механицизма, как было сказано выше, а наоборот пресекает ее. Вместо механицизма, который опирается на принцип «понять значит упростить» или «понять значит найти механический аналог», сферный подход утверждает новую логику развития, где понимания возможно без упрощения, как принятие понимаемого в его целостности и полноте с нахождением не механического (мертвого), а организмического (живого) аналога.

Вводится новый тип идеализации представлений о действительности в ряду: объект, среда, система. Этим новым типом является «сфера». Сферный подход неявно был сформулирован В.И. Вернадским в начале прошлого столетия в его учениях о Биосфере и Ноосфере. Ниже будут перечислены некоторые аспекты сферного подхода, который сейчас формулируется в явном виде, в его сопоставлении с системным и средовым подходами, а пока еще раз отметим следующее. Историческое развитие научной рациональности могло быть другим. Из классического этапа наука могла перейти не в неклассический, который сегодня привел цивилизацию к кризису и постнауке, а в сферную рациональ-

³¹² Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. С. 44.

³¹³ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. С. 112.

ность, в которой такого рода кризис, по всей видимости, не возникает, а технология ИИ не приводит к постнауке.

Перечислим некоторые аспекты явной формулировки сферного подхода.

1. Сфера и система состоят из своих элементов. Разница между ними следующая: элементы системы могут определяться как в системе, так и вне ее, тогда как элементы сферы вне ее неопределимы.

2. Сфера в качестве основания включает материю, энергию, информацию и жизнь, а в основаниях систем и сред жизнь отсутствует, есть только материя, энергия, информация. Это означает, что сфера живая.

3. Сфера невычислима полностью. Она обладает скрытыми параметрами, которые можно было бы назвать «под/надсознанием». В этом смысле сфера обладает неопределенным числом степеней свободы, в отличие от системы, у которой это число конечно, а у среды – бесконечно. Благодаря чему «... открываются явления, указывающие на существование свойств живых организмов, не зарегистрированных точным знанием»³¹⁴.

4. Живая сфера описывается в едином биологическом пространстве-времени В.И. Вернадского³¹⁵, тогда как состояния и процессы в объекте, системе и среде описываются в физическом, количественном, внешнем пространстве и времени, объединенном в единый континуум через редукцию времени к пространству в рамках модели Г.Б. Минковского.

5. В сфере базовыми являются циклическая и спиральная формы времени, а в системе и среде – линейная.

6. Каждая сфера уникальна. Для нее не выполняется методологическое требование современной науки о воспроизводимости. Воспроизводимость сферы может быть получена только ее редукцией к системе.

³¹⁴ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. М., 1988. С. 170.

³¹⁵ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства.

7. Сфера разнородна на всех уровнях наблюдения. Например, она может восприниматься как объект, система и среда вместе, соединять в себе косное и живое³¹⁶ вещество, описываться евклидовой и римановой геометрией одновременно³¹⁷ и т.д.

8. Сфера не ухватывается аппаратом современной математики так как, во-первых, для живой сферы нельзя выделить такого момента времени, в котором можно было бы считать массу сферы постоянной, а это значит, что весь аппарат дифференциально-интегрального исчисления здесь неприменим³¹⁸. Во-вторых, биологическое время живой сферы по определению необратимо, классическая математика и ее результаты есть обратимый процесс, а специальный раздел нелинейной динамики, в котором могут быть получены необратимые вычислительные результаты, сам по построению является обратимым. Подобно тому как Р. Пенроуз указывает на новую, невычислимую физику будущего, можно сделать прогноз «по аналогии» о возникновении в будущем новой необратимой по построению математики, в которой может быть описана сфера.

9. Развитие науки может быть отражено в последовательности: саморегулирование -> самоорганизация -> саморазвитие³¹⁹. Сферный подход, включая в себя данные категории, должен добавить к ним что-то еще, что предварительно можно сконструировать из двух частей: приставки «само» и корня «разум», т.е. саморазумность или самосознание. В трудах В.И. Вернадского подчеркивается обязательный естественный процесс перехода биосферы в ноосферу, следовательно разумность (явная или потенциальная) обязательный атрибут сферности.

10. Новое знание, получаемое в сферном подходе, будет состоять из двух частей: собственно новое знание, и знание, которое является забытым и ранее отвергнутым и, которое теперь возвращается в науку. Процесс возвращения очень похож на пла-

³¹⁶ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. С. 25.

³¹⁷ Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. С. 192.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45–59.

тоновское припоминание или древнегреческий *Anagnórisis* – узнавание. В.И. Вернадский так подчеркивает эту мысль: «... мы постоянно видим, что много раз совершается одно и тоже открытие, что оно подвергается оценке и воспринимается только после того, как несколько раз бывало отвергаемо, как негодное и неправильное»³²⁰.

11. Сферный подход меняет бытийствование знания в обществе. Так, в прочих типах рациональности приобретение нового знания обязательно сопровождается забыванием какого-то знания. Это вполне естественно для линейной модели развития, где есть обретение знание (вход) и есть обязательное для этой модели забывание знания (выход), принимая во внимание, что «пространство памяти» между входом и выходом конечно и имеет предел вместимости. Удобство линейной модели — это возможность ускоренного развития, которое «оплачивается» забыванием части знания и обязательным кризисом такого развития. Модель развития в сферном подходе – спиральная. В ней нет возможности ускоренного линейного развития, но вместе с этим нет и «требований» забывания и кризиса. То, что забытое знание возвращается, как подчеркивает В.И. Вернадский, есть указание на то, что реальный исторический процесс развития общества является спиральным, а не линейным.

Перечисленные выше аспекты явной формулировки сферного подхода есть только начало данной работы. Эта работа могла быть выполнена много раньше, но цивилизация уклонилась от ноосферного будущего, предложенного ей В.И. Вернадским, продолжив последовательно совершенствовать научный механицизм и доведя его сегодня до предельных форм, входящих в сильное противоречие с самим человеком, жизнью как таковой, естественным разумом и настаивающих на замене науки на постнауку, ученого на ИИ, реальности на ее виртуальный метавселенный эрзац.

Сегодня наука уже не может не сделать разворот к сферному подходу иначе делать его будет некому. Необходимо создавать

³²⁰ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. С. 67.

новую, живую науку будущего, менять в современной науке механические образы на природоподобные и организмические; линейное, механическое пространство-время на биологическое, спиральное; основание косной/мертвой материи на фундамент жизни и живого вещества; страх перед беспредельностью на восхищение перед ней.

400 лет назад великий Галилео Галилей сформулировал принцип, которым должен руководствоваться каждый настоящий ученый: «Измерить все, что поддается измерению, а что не поддается измерению – сделать измеряемым!»! Исполнила ли наука завет своего основателя? Очевидно – нет! И в особенности в той части, где говорится о не поддающемся измерению. Согласно правилу «Бритвы Оккама», наука всегда выбирает простой путь: имея на руках средства измерения, она под эти средства редуцирует объекты измерения, а если они оказываются слишком сложными – упрощает эту сложность до уровня приемлемого для измерительного процесса.

Именно живая наука должна будет исполнить вторую часть завета Галилея и измерить то, что не поддается измерению. Но что не поддается измерению? Это жизнь, сознание, вечность и беспредельность. Объектный, средовой и системный подходы не позволяют решать такие задачи. Но сферный подход, его био-сферное и ноосферное обобщение, как указывал В.И. Вернадский, есть явление космическое и, следовательно, он может быть приложен к измерению неизмеримого. Именно в сферном подходе становится возможным измерить неизмеримость вселенной неизмеримостью самого человека и сделать это не внешними средствами и инструментами, но внутренними, присущими человеку и до сих пор остающимися, за редким исключением, невостребованными: «Никакой земной микроскоп не может сравниться с остротой духовного восприятия»³²¹.

³²¹ Блаватская Е.П. Разоблаченная Изида. С. 83.

Литература

1. Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. М.: Ленанд, 2022. 368 с.
2. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изидра. Том 1. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 832 с.
3. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука. 1981. 359 с.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988. 520 с.
5. Вольнов И.Н. Икона XXI века: иеротопия «кузнецовского письма» // Вопросы культурологии. 2012. №7. С.43–47.
6. Вольнов И.Н. Единство науки и искусства: прошлое, настоящее, будущее // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2023. №1(6). С. 313–323.
7. Лидов А. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид художественного творчества. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/06/14/ierotor> (дата обращения 08.01.2024 г.)
8. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – СПб. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
9. Панов А.Д. Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания // Метафизика, 2013, № 3 (9), С.141–187.
10. Пенроуз Р. Тени разума: В поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
11. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
12. Флоренский П. Иконостас. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/ikonostas/#0_2 (дата обращения 08.01.2024 г.).

Л.Г. Антипенко

Сравнительный анализ научных и мистических предвидений В.И. Вернадского о грядущей стадии развития мирового человечества во взаимоотношении с земной биосферой

Научному наследию В.И. Вернадского посвящено множество статей и книг, как в отечественных публикациях научной литературы, так и в зарубежных. Но есть одна тема, которая почти не затрагивается в научных комментариях. Речь идёт о сообщённых им «вещих снах», о мистических или близких к мистическим, видениях и предвидениях будущего. В данной статье ставится вопрос о том, в какой мере они могут быть оправданы с научной точки зрения. С одной стороны, Вернадский отдавал предпочтение, в развитии своего учения о живом веществе и Земной биосфере, методу эмпирических обобщений. С другой стороны, он должен был считаться с духовным, идеально-смысловым миром, входящим в наше сознание. Но, вероятно, не всегда имел возможность отделить его, с его онтологическим содержанием, от мира психологических явлений, которые не свободны от вторжения в них иллюзий и галлюцинаций. «Вещие сны» могут подтолкнуть к научным открытиям, но они нуждаются в рационально-логической проверке и эмпирическим подтверждениям.

Ключевые слова: биосфера, живое вещество, эмпирические обобщения, идеально-смысловой мир, психологические явления, «вещные сны»

В.И. Вернадский – учёный мирового масштаба. Его научные заслуги заключаются в том, что он создал учение о живом веществе, о биосфере и ноосфере, показал роль живого вещества в геологической истории Земли. Вернадский пришёл к выводу, что мы вступаем в эпоху, когда научная мысль человека включается в стихийное развитие Земной биосферы и может и должна управлять её развитием в благоприятном для людей направлении, с устранением экологического кризиса. Этот вывод он выра-

зил в виде тезиса о переходе биосферы в ноосферу, в сферу разума (назовём его, для краткости, *ноосферным тезисом*). Помимо научной аргументации, приводимой в порядке его обоснования, учёный апеллировал ещё к сновидческому, мистическому прозрению, которое снизошло на него в 1920 году, о чём будет сказано ниже (после изложения научной аргументации). А научная аргументация большей частью базируется на методе познания, названном им *методом эмпирических обобщений* (по своему смыслу метод этот близок к логико-индуктивному методу обобщений).

Многие серьёзные комментаторы научного творчества Вернадского, касаясь темы его представлений о будущем состоянии социальной жизни людей в окружающей природной среде, отмечали, что в них можно заметить стремление автора несколько отождествить желаемое будущее с должным, возможность, с необходимостью, которая должна реализоваться в виду того, что люди поймут, что только на основе принципа коэволюции можно сохранить благополучное развитие общества и Земной биосфере. Так Р.К. Баландин, опубликовавший две книги, посвящённые научной биографии Вернадского, во второй из них, повторяя высокую оценку его научной деятельности, изложенную в первой книге, выразил сомнение в осуществимости ноосферного тезиса на практике³²².

Человечеству, пишет он, суждено такое будущее, которого оно достойно. И тем вернее на Земле наступит торжество разума, добра и красоты, чем больше будет среди нас людей, духовно близких Владимиру Ивановичу Вернадскому. «Чем он только ни занимался! Кристаллографией и биологией, изучением почв, природных вод, метеоритов, радиоактивных элементов. И не просто интересовался, но исследовал, осмысливал, делая открытия. Его научные пророчества сбывались. И всё-таки его учение о биосфере заслуживает дополнительной разработки. Что уж говорить о концепции ноосферы, всепланетной области господства

³²² Баландин Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М., 1970. Баландин, Рудольф. Великие исторические персоны. Вернадский. М., 2013.

научной мысли... Ничего подобного не свершилось и в ближайшем будущем не предвидится. Означает ли это, что его идеи устарели? Ни в коей мере! Они живы сегодня, а некоторые ещё ждут своего часа.

Даже его заблуждения обладают мощным творческим потенциалом, побуждают к спору и к новым открытиям»³²³.

Так почему же через семь с лишним десятилетий после ухода из жизни Вернадского мы не наблюдаем превращения его мечты в действительность? Потому что есть силы социального порядка, которые препятствуют этому. О наличии и сущности такого рода сил писали другие наши отечественные мыслители, писали в те годы, когда Вернадский подходил к вопросу о ноосфере. Тогда, кстати говоря, были опубликованы две пророческие повести Александра Грина (1880–1932) «Серый автомобиль» и «Крысолов». В них мы находим вариант предвидения будущего, противоположный предвидению Вернадского. Сравнительный анализ одного и второго варианта позволит нам открыть глубокую истину относительно того, с чем и с кем неизбежно сталкиваются люди на том самом пути к разуму, добру и красоте, к тому, что Вернадский назвал ноосферой.

Итог своих ноосферных изысканий Вернадский подвёл в статье «Несколько слов о ноосфере», опубликованной в самом конце жизни, в 1944 г.³²⁴. Статья состоит из 13 пунктов с 22 авторскими примечаниями и ссылками на источники. В тринадцатом, завершающем, пункте читаем: «*Ноосфера* – последнее из многих состояний *эволюции биосферы* в геологической истории – состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах. <...>. Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу».

³²³ Баландин, Рудольф. Великие исторические персоны. Вернадский.

³²⁴ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / Успехи биологии, 1944, № 18, вып. 2. С. 113–120.

Мы вступаем, пишет он, в новый стихийный геологический процесс в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. «Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере.

«Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим».

Одной из важнейших предпосылок этой уверенности является для Вернадского так называемый закон *цефализации*, изложенный в седьмом пункте. Автор сообщает, что два младшие современники Ч. Дарвина, крупнейшие американские геологи – Д.Д. Дана (1813–1895) и Д. Ле-Конт (1823-1901) – сделали ещё 1859 г. эмпирическое обобщение, которое показывает, что *эволюция живого вещества идет в определенном направлении*. В направлении к тому, что Дана назвал "цефализацией", а Ле-Конт – "психозойской эрой". В восьмом пункте текста приводятся сведения о том, как эта концепция подтверждается фактами, обнаруживаемыми в ходе биосферной эволюции живых организмов. В частности, Дана указал, что в ходе геологического времени, т. е. на протяжении двух миллиардов лет или даже более того, наблюдается (скачками) усовершенствование (рост) центральной нервной системы (мозга), начиная от ракообразных, на которых эмпирически и установил свой принцип Дана, и от моллюсков (головоногих), и кончая человеком. Раз достигнутый в эволюции уровень мозга «не идёт уже вспять, только вперед».

Что же мы имеем в результате того, что на Земле появился человек с его мыслью и разумом? На этот встающий перед Вернадским вопрос он отвечает, что в ноосфере человек впервые становится *крупнейшей геологической силой*. «Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности». Но при условии: «если он [человек] поймёт это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление» (п. 9).

К сожалению, оптимистическая ноосферная картина развития земного человечества нарушается со стороны того же рода эмпирических обобщений, на которые опирается Вернадский. Дело в том, что биологическую эволюцию, протекающую в рамках Земной биосферы, нельзя рассматривать односторонне, как идущую только по пути прогрессивного усложнения живых организмов и по пути цефализации. Многие организмы, находясь в отведённой им экологической нише, приспосабливаются в борьбе за жизнь путём упрощения своей организации, путем потери ранее приобретённых ими свойств и (инстинктивных) навыков (примеров тому множество). Поэтому нельзя согласиться с суждением, согласно которому достигнутый в эволюции уровень мозга «не идёт уже вспять, только вперед».

Владимир Иванович в своих исследованиях отсылает читателя не только к работам учёных, но и к сочинениям философов, к творчеству художников. Вот и мы здесь находим уместным сослаться на творчество Александра Грина. Критики-литературоведы обычно представляют его как талантливого писателя-сказочника, «рыцаря мечты» и всё такое прочее. Но Грин есть нечто большее, он – художник-пророк. Внутри сказочного, по внешней форме, его творчества содержится символика, разгадка которой позволяет судить о его пророческих предсказаниях. В данном контексте наибольший интерес представляют упомянутые выше два его рассказа, написанные в роковые годы российского революционного бытия примерно в одно и то же время. Рассказ «Серый автомобиль» закончен 28 августа 1923 г., рассказ «Крысолов» увидел свет в 1924 г.

В этих рассказах пророческий дар писателя проявился, в частности, со стороны его способности постичь ту особенность человеческой деятельности, которую принято называть органо-проекцией. Грин установил, что она имеет двоякий характер. С одной стороны, направлена в мир техники (П.А. Флоренский), с другой стороны, её направленность отсылает к миру животному, и, может быть, даже к миру таких живых существ, как вирусы. Первой проекции соответствует рассказ «Серый автомобиль»,

второй – «Крысолов». Это соответствие поднимает оба рассказа на уровень фундаментальной философской мысли.

В «Сером автомобиле» представлен результат технической орга-но-проекции в виде автомобиля вместе со всеми сопровождающими его атрибутами социальной действительности, такими как казино, лёгкие женщины, модный футуризм и т.п. Автором-рассказчиком, передающим впечатления от всей этой входящей в жизнь моды, представлен изобретатель Сидней, в поступках и суждениях которого отражено умонастроение самого Грина. Сидней высказывает оригинальную мысль о связи футуристических поделок в искусстве с современной техникой, с движущимися за окнами дома автомобилями, а это вызывает у его собеседников вопросы о сущности человеческого сознания, о тех, содержащихся в нём потенциалфах, среди которых находится склонность к футуризму. В поисках ответов на эти вопросы Сидней ссылается на такие, вроде бы заурядные, элементы окружающей действительности, которые, тем не менее, служат символами этой действительности. Вот, скажем, ближайший магазин, в окне которого выставлена посуда, разрисованная каким-то кубистом. В рисунке – цветные квадраты, треугольники, палочки и линейки, скомбинированные в различном соотношении. Понятно, что подобные вещи принято относить к *современному* искусству. Но понятно и то, что, с нашей человеческой точки зрения, об искусстве как таковом здесь сказать просто нечего. Следовательно, для объяснения такого рода предметности надо подыскать другой ракурс.

И тут мы встречаемся с невероятным предложением рассказчика: стать на точку зрения...автомобиля. Ведь можно предположить, что он «обладает, кроме движения, неким невыразимым сознанием». Так и сказал Сидней, а когда один из его собеседников спросил у него, в какой же мере эта штука обладает сознанием, он ответил так: «Принимая автомобиль, вводя его частью жизни нашей в наши помыслы и поступки, мы безусловно тем самым соглашаемся с его природой: внешней, внутренней и потенциальной. Этого не могло бы быть ни в каком случае, если бы

некая часть нашего существа не была механической; даже, просто говоря, не было бы автомобиля. И я подозреваю, что эта часть сознания нашего составляет его сознание». После этого читателю нетрудно догадаться, что созданное, по человеческому замыслу, «автомобильное сознание» оказывает обратное влияние на сознание людей. Так что всякие там кубизмы и модернизмы в искусстве и в культуре суть плоды этого обратного воздействия.

Второй рассказ – это повествование, в основе которого лежит идея о второй проекции. Результаты проявления этой проекции могут быть столь ужасающими по своим социальным последствиям, что в них трудно поверить. Но Грину пришлось их наблюдать и переживать в условиях Российской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. Именно об этом повествуется в «Крысолове». Кажется, нельзя представить себе более мерзкого животного, чем домовая крыса. А ещё труднее априори представить такое явление в мире людей и животных, когда крысы обретают, некоторым образом, черты человека, а люди уподобляются крысам. В рассказе «Крысолов» как раз описывается опыт выявления таких человекоподобных существ со всей их преступной деятельностью. Вот что поведал главному герою рассказа, бездомному студенту, старый профессор (Крысолов), чтобы тот уяснил смысл только что доставшихся на его долю приключений. Старик раскрыл книгу Эртра Эртруса «Кладовая крысиного короля» и зачитал: «Коварное и мрачное существо это владеет силами человеческого ума. Оно также обладает тайнами подземелий, где прячется. В его власти изменять свой вид, являясь, как человек, с руками и ногами, в одежде, имея лицо, глаза и движения подобные человеческим и даже не уступающие человеку, – как его полный, хотя и не настоящий облик. Крысы могут также причинять неизлечимую болезнь, пользуясь для того средствами, доступными только им.

Им благоприятствуют мор, голод, война, наводнение и нашествие. Тогда они собираются под знаком таинственных превращений, действуя как люди, и ты будешь говорить с ними, не зная,

кто это. Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают блеском своих одежд и мягкостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и подстерегают; окружаясь роскошью, едят и пьют довольно и имеют всё в изобилии. Золото и серебро есть их любимейшая добыча, а также драгоценные камни, которым отведены хранилища под землёй».

Зачитав Эртра Эртруса, Крысолов не оставил студента во мраке безнадёжности. Он показал ему капкан с попавшей в него чёрной крысой и сказал: «Вы видите так называемую чёрную гвинейскую крысу. Её укус очень опасен. Он вызывает медленное гниение заживо, превращая укушенного в коллекцию опухолей и нарывов. Этот вид грызуна редок в Европе, он иногда заносится пароходами».

Подробнее о приключениях рассказчика-студента и его знакомстве на Петроградском сеном рынке с крысopodobными читатель узнает, прочитавши рассказ «Крысолов» полностью, дополнив его чтением рассказа «Серый автомобиль». Крысopodobные и модные сторонники превращения человека в робота – обратимы.

Прошло почти сто лет с тех пор, как были написаны эти пророческие рассказы. Автор уловил тенденцию того, что наметилось в жизни буржуазного общества. Теперь мы видим, каковы её результаты в области нравственности и экологической культуры. И приходится констатировать, что научная мысль как таковая сама по себе не может привести к желанной, по Вернадскому, цели – к коэволюционному развитию Земной биосферы и человеческого сообщества. Мы начинаем понимать, что биосферический опыт, как он представлен Павлом Флоренским, включает в себя не только научную мысль, но и нравственные начала жизни, связанные с антиэнтропийной тенденцией в развитии и Земной биосферы, и всей Вселенной. Но, конечно, здесь речь не идёт о всех составных частях биосферы. Нравственная сторона биосферы высвечивается в человеческом сознании только тогда, когда биосфера рассматривается как сверхбиологическая (целостная)

система. В этом плане от неё следует ждать негативной реакции для тех людских сообществ, кои склоняются к образу жизни, унаследованному от когда-то погрязших в грехах обывателей Содома и Гоморры. Конечно, для подтверждения данного вывода нужны статистические выкладки. Будем надеяться, что Российская академия наук включится в организацию такого дела, что свидетельствовало бы о хотя бы частичном выполнении завещания Вернадского, выраженного словами: «Царство моих идей впереди...».

Вернёмся к вопросу о мистической стороне прозрений (предвидений) Владимира Ивановича. Читатель может познакомиться с этой тематикой в интернете³²⁵, где помещены дневниковые записи учёного. Напомним, что к концу десятих годов прошлого столетия Вернадский заложил основы учения о живом в веществе в рамках своего учения о Земной биосфере. Это учение к тому времени стало находить признание со стороны мирового научного сообщества, а сам Вернадский придавал большое значение вопросам его дальнейшего развития. А в России тогда царил разруха, ещё продолжалась гражданская война. Учёный становится жертвой этих социальных обстоятельств, заболевает сыпным тифом, находится на грани смерти. В этом состоянии у него и появляются сновидческие грёзы, которые остаются в его памяти при выздоровлении, о чём он и сообщает о них своём дневнике. «Мне хочется записать странное состояние, пережитое мной во время болезни. В мечтах и фантазиях, в мыслях и образах мне интенсивно пришлось коснуться моих глубочайших вопросов жизни и пережить как бы картину моей будущей жизни и смерти... Это было интенсивное переживание мыслью и духом чего-то чуждого окружающему, далёкому от происходящего. Это было до такой степени интенсивно и ярко, что я совершенно не помню своей болезни и выношу из своего лежания красивые образы и создания мысли, счастливые переживания научного вдохновения... И сам я не уверен, говоря откровенно, что всё это плод мо-

³²⁵ Интернет-ресурс: biography.wikireading.ru Баландин Рудольф Константинович. Видения и предвидения Вернадского.

ей больной фантазии, не имеющей реального основания, что в этом переживании нет чего-нибудь вещего, вроде вещей снов, о которых нам несомненно говорят исторические документы. Вероятно, есть такие подъёмы человеческого духа, которые достигают того, что необычно в нашей обычной изодневности. Кто может сказать, что нет известной логической последовательности жизни после известного поступка? И м.б. в случае принятия решения уехать и добиваться Инст[итута] Жив[ого] Вещ[ества], действительно возможна та моя судьба, которая рисовалась в моих мечтаниях».

Описанное Вернадским переживание прикрепляется у него к определённом географическому месту и к грядущему поступку. Место это находится в США, поступок – заокеанский отъезд с дальнейшими последствиями, которые описаны в виде такой картины: «Я отправился на несколько месяцев в США по приглашению образовавшегося там Комитета для создания Института живого вещества, собравшего большие средства, и прочёл ряд лекций с большим успехом, особенно в Балтиморе, пропагандируя идею о необходимости изучения живого вещества. Среди американских речей имела успех особенно одна, о ближайших задачах и целях Института живого вещества и о необходимости его создания в Америке ...».

Это место теперь принято называть «Градом на холме». Но В.И. Вернадский туда не поехал. Там оказался его сын Георгий Владимирович (1887–1973). А по результатам его интеллектуальной работы на новом месте жительства можно судить о тамошней духовной атмосфере и свободе в отношении к творческой мысли. Для этого достаточно ознакомиться с его книгой «Древняя Русь», изданной в США³²⁶. В ней проявилось весьма странное изложение нашей древней истории.

Вернадский Г. В. выступил как критик нормандской теории (созданной байерами и шлёцерами), но критика его слишком уж своеобразна. С одной стороны, он эту теорию отрицает, с другой – защищает и защищает так, что ухитряется скандинавов-шведов

³²⁶ Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь – Москва: ЛЕАН, АГРАФ, 1996.

забросить на восток, к Приазовью, чтобы доказать, что они-то и есть те самые русы (рух-асы, по его терминологии), которые создали Русское государство. Первое русское государство он называет Русским каганатом и располагает его штаб-квартиру «где-то поблизости от Малоросы или Тмутаракани»³²⁷. Именно к дельте Кубани, «Болоту русов», пишет он, следует отнести сведения из арабских и персидских источников, касающиеся Острова Русов³²⁸.

В главе VII своей книги, озаглавленной «Скандинавы и Русский каганат, (737–839 гг.)» Вернадский Г.В. развивает следующую мысль. Употребление слов «русь» или «рось» мы находим в Южной Руси. И вряд ли можно отрицать, что оно известно там, по крайней мере, с четвёртого века. Само это название было изначально связано с одним из аланских кланов – светлыми асами (рухс-асами). Не позднее начала девятого века его присвоили себе шведские воины, установившие контроль над донской и азовской территориями. Эти русифицированные шведы вскоре стали известны как «русь» в Византии, на Ближнем и Среднем Востоке. Мысль эта заканчивается у него следующим разворотом: «Как мы увидим впоследствии, в связи с приходом князя Рюрика в Новгород (около 856 г.) была предпринята попытка, так сказать, «пересадить» название «русь» с юга на север и связать его происхождение с кланом Рюрика. Но эта новая теория была продиктована политическими соображениями, и ни в коем случае не распространяется на подоснову древнерусской истории»³²⁹. Тут автору даже приходится думать и о том, что скандинавские викинги суть предтеча наших казаков³³⁰.

По части истории степных народов – скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар – книга Вернадского заслуживает всяческого внимания, так как он использует многочисленные источники исторической информации. Да только недостаёт в ней места истории русского народа. В связи с этим автор предисловия к тексту книги, Борис Николаев, делает следующую оговорку: «Трудно не

³²⁷ Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь – М., 1996. С. 291.

³²⁸ Там же. С. 286.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. С. 270.

согласиться с мнением академика М. Н. Тихомирова: «... не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны находиться в поле внимания историка России... Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места»³³¹.

Как видно, автору «Древней Руси» надо было подать содержание своей книги в американском ключе, чтобы получить доступ к публикации, что он и сделал. Можно представить себе, как выглядело бы творчество В.И. Вернадского, если бы он уехал в Америку. Конечно, можно не сомневаться в том, что сновидческие грёзы, даже мистической закваски, могут натолкнуть учёного на научное открытие в той или иной области научного творчества. Но мистическое видение только тогда оправдывает себя, когда оно пройдёт рационально-логическую проверку, а также будет подтверждено на опыте. Кроме того, уроки, преподанные нам при открытии квантового мира, учат нас тому, что будущие события могут быть предсказаны, во всяком случае, только с некоторой долей вероятности. Математик сказал бы, что наше бытие складывается из двух фаз, одна из которых называется *состоянием*, другая – *математическим ожиданием*.

Литература

1. Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: «Знание», 1970.
2. Баландин, Рудольф. Великие исторические персоны. Вернадский. М.: «Вече», 2013. 368 с.
3. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / Успехи биологии, 1944, № 18, вып. 2. С. 113–120.
4. Интернет-ресурс: biography.wikireading.ru Баландин Рудольф Константинович. Видения и предвидения Вернадского.
5. Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь – Москва: ЛЕАН, АГ-РАФ, 1996. 320 с.

³³¹ Там же. С. 14.

А.А. Крушанов

Может ли наша «геологическая сила» ограничиться Землей?

Для своего существования человек, как неравновесная система, обязан получать из окружающего мира вещество, энергию и информацию. Но в результате этого среду своего обитания он разрушает. Так что к настоящему времени проблема выросла до уровня «глобального экологического кризиса». И теперь, как никогда, понятны слова В.И. Вернадского о том, что человек – это реальная «геологическая сила». Коренная причина ситуации – потребление ресурсов человеком и историческое развитие самого этого потребления, что реализуемо лишь за счет разрушения природы. При этом удовлетворение нашего растущего «аппетита» происходит в большой, но ограниченной по объёму области обитания. Едва ли такая область способна обеспечить человечество всем необходимым в долгосрочной перспективе. Ведь деградация окружающего мира со временем не может не происходить. Так что когда-то человечество может оказаться в существенно разрушенном окружающем мире. Длительное существование человечества возможно лишь при условии расширения среды обитания. Такой более емкой экологической нишей для нас выступает Космос (Солнечная система). Потому можно сделать вывод, что в перспективе человечеству придется осуществить широкую экспансию в космос.

Ключевые слова: Вернадский, глобальный экологический кризис, экология, космонавтика, охрана природы, космическая экспансия.

Человек и человечество связаны с окружающим миром самым принципиальным образом. На бытовом уровне это проявляется в том, что ни отдельный человек, ни все человечество не способны выжить без регулярного питания и без потребления воды. Так же как невозможно обойтись и без жилищ, оберегаю-

щих от непогоды и опасностей внешнего мира. Требуется и многое другое.

То же самое на языке синергетики формулируется лаконично: человек и соответственно человечество в целом являются неравновесными системами. Они способны существовать лишь при условии активного обмена с окружающим миром веществом, энергией и информацией.

На практике это означает, что в силу подобной необходимости человеку и обществу приходится все это извлекать из своей среды, таким образом, ее разрушая и меняя ее качество (в том числе отходами своей жизни и деятельности). К «среде» системы принято относить все объекты и явления, которые не принадлежат к системе, но способны оказать на нее влияние или наоборот могут быть подвергнуты влиянию со стороны самой системы.

При этом в реальной жизни системы не существуют в «среде вообще». Принципиальное значение для них имеет ближайшая область среды, которой свойственна определенная выделенность и однородность. Обычно системы функционируют и развиваются в пределах именно подобных областей и приспособлены к ним. Как известно, подобные однородные образования в общем виде были выделены экологами, как «экологические ниши». Хотя при анализе экологии человека и общества в этом же смысле упоминают также «среду обитания»³³² или «окружающую среду»³³³.

Как выяснила экология, воздействие на экологическую нишу в определенных пределах вполне допустимо, – такие природные области имеют некоторую способность к восстановлению. Однако, принципиально важно, что к началу XX века человечество, по словам В.И. Вернадского, превратилось в «геологическую силу»³³⁴, меняющую планету и биосферу в масштабах, присущих обычным геологическим факторам и процессам. В силу значимости и роста этого фактора со временем все пришло к тому, что во

³³² Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. М., 1988. С. 21.

³³³ Новиков Ю.В. *Экология, окружающая среда и человек*. М., 1998. С. 21.

³³⁴ Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста*. С. 27.

второй половине XX в. возникли активные разговоры о наступлении «экологического кризиса»³³⁵. На это указывают и явное загрязнение окружающей среды, и разрушение устойчивости климатической системы Земли, вымирание многих видов организмов и приближение дефицита некоторых природных ресурсов³³⁶. Причем этот кризис имеет глобальный характер³³⁷.

Следует уточнить, что оценка нашего взаимоотношения со средой как экологического «кризиса» означает пока, что состояние окружающей среды серьезно и заметно изменено, но еще восстановимо. Это еще не экологическая «катастрофа», которая «не пощадит никого»³³⁸. Потому очень важно, что еще в XX веке стала разворачиваться общепланетарная борьба за исправление возникшей экологической ситуации и недружественной природе практики.

Поскольку человечество жизненно заинтересовано в том, чтобы текущий глобальный экологический кризис был преодолен, можно и хочется надеяться, что в конце концов все необходимые для этого усилия и ресурсы будут приложены, и все увенчается продолжением цивилизационной жизни и ее дальнейшим развитием. В ином случае размышлять о долгосрочном развитии человечества, конечно, нет никакого смысла.

Необходимые для преодоления кризиса идеи (устойчивое развитие, ноосфера, коэволюция) уже активно вырабатываются и отчасти работают. Важно, однако, что даже нынешняя ситуация ставит большие и не проработанные в общем виде вопросы, которые чаще всего не затрагиваются. Скажем, о том, как обеспечить в условиях существующих «нишевых» экологических ограничений длительное существование и развитие человечества? Как и возможно ли избежать таких кризисных ситуаций в будущем? Как нам стратегически, в долгосрочной перспективе, обустроить наше взаимоотношение с окружающим миром?

³³⁵ Марфенин Н.Н. *Устойчивое развитие человечества*. М., 2006. С. 16.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Данилов-Данильян В.И., Рейф И.Е. *Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса*. М., 2019.

³³⁸ Новиков Ю.В. *Экология, окружающая среда и человек*. С. 4.

Рассмотрим в этой связи предельно общую, базовую структуру (фактически модель) экологического взаимоотношения человека и среды. На мой взгляд, она включает всего следующие основные и обязательные элементы: **субъект – техносфера – среда обитания**.

В этом случае под «субъектом» можно понимать и отдельного человека, и некоторое общество, и человечество в целом.

Под «техносферой» в свою очередь подразумеваются все искусственные объекты, обеспечивающие возможность существования и развития субъекта в реальной среде обитания. Сюда прежде всего входят: орудия труда, техника и технологические процессы, здания и иные сооружения. Техносфера в этом случае выполняет для субъекта роль своеобразной активной оболочки, одновременно связывающей его со средой обитания, и отгораживающей субъект от негативных воздействий со стороны окружающего мира.

В полном виде в такую «оболочку» должны быть включены также и существенно измененные объекты самой природы (скажем, модифицированные организмы, почвы). И потому для такой полномасштабной «оболочки» даже лучше ввести специальный новый термин, скажем, «техносома»³³⁹, понимая под таковой сферу технического и всего искусственного, - всего обеспечивающего существование и развитие субъекта в области его обитания.

Что касается нашей «среды обитания», то сегодня для нас в качестве таковой выступает прежде всего приповерхностная область Земли, включающая гидро-лито-атмосферу, биосферу и поток солнечной энергии. Хотя, конечно, верхняя граница нашей современной экологической ниши пролегает теперь уже в Ближнем Космосе. Но в целом нынешнюю окружающую среду человечества можно вполне точно фиксировать как «геозону обита-

³³⁹ От слова «техника» (раз уж она составляет главное содержание такой оболочки) и от греч. слова, означающего «тело». Таким образом, «техносома» родственна понятию «неорганического тела цивилизации», которое использовал К. Маркс, но шире его по смыслу и применимо шире.

ния» человечества (т.е. зону обитания, для которой определяющей выступает планета Земля).

Несколько скрытым, но самостоятельным, четвертым, элементом базовой модели выступает скрепляющее все ее звенья «взаимодействие» субъекта и природы (среды обитания). Фактически оно состоит из двух дополнительных взаимодействий: «первичного» и «компенсирующего». Первичное взаимодействие обеспечивает субъект необходимыми ресурсами и избавляет субъект от отходов жизни и деятельности, выводя их в окружающую среду. Компенсирующее взаимодействие субъекта и среды его обитания имеет целью смягчение или даже устранение в окружающей среде следов первичного взаимодействия.

Такая базовая экологическая структура и фактически модель, как представляется, интересна тем, что она остается инвариантной, устойчивой даже в условиях долгосрочной исторической динамики.

Теперь стоит остановиться на экологической роли и возможностях каждого из этих элементов.

Основная практическая проблема экологии в этом контексте может быть представлена и, обычно рассматривается, прежде всего как проблема сокращения нагрузки на среду обитания.

Если в этой связи говорить о *субъекте* экологического взаимоотношения, то нельзя не признать, что источником экологической нагрузки, а потому и бед выступает именно он. Прежде всего в этом отношении важны объем и рост населения, проживающего в геозоне обитания, а также уровень его потребления (что сказывается, например, на количестве используемых ресурсов). Именно об этом в 70-е гг. XX в. поведали теперь уже знаменитые экологические Доклады Римскому клубу (Пределы роста и др.).

Правда, объем и рост населения беспокоили еще в XVII в. Роберта Мальтуса. Но они стали особо значимыми экологическими факторами в XX веке, когда в течение столетия рост числа граждан планеты был просто стремительным. Так что при 1.5

млрд. землян в 1900 г. к 2000 г. их стало 6 млрд.³⁴⁰. Сейчас нас 8 млрд., но уже видно, что рост существенно замедлился, и по прогнозам к середине XXI в. население мира может достигнуть примерно 9 млрд. человек. К концу века может быть 11 млрд. землян, и на том рост населения мира, кажется, должен остановиться.

Не стоит надеяться, что экологические заботы возможно снять сокращением населения планеты. Во-первых, для этого нет никаких допустимых и естественных для людей средств. В то же время в нашем крайне несовершенном и разнородном мире можно представить себе преступную силу, способную отчасти реализовать такую стратегию в виде провоцирования войны или вооруженного конфликта в какой-то «не своей» части планеты. Наряду с этим в современном мире такая стратегия может осуществляться и в форме инициации, например, пандемии. Кто знает, ошибочно ли, что с появлением ковида связывались и такого рода подозрения?

Явным образом вынужденная попытка сдерживания роста населения была опробована в Китае, объявившем в XX в., что отдельной семье разрешается иметь лишь одного ребенка. Тем не менее население страны все же выросло, а заодно в условиях местных традиций и желания обязательно воспитывать и поддерживать мальчика получилось так, что в стране оказалась масса молодых мужчин, которым просто не с кем создавать семью. Ведь от девочек родители избавлялись практически любыми средствами.

Не стоит надеяться на снятие экологических проблем и путем сдерживания роста или тем более сокращения уровня потребления граждан планеты. Такое в принципе возможно, но лишь на некоторый срок, под ясную задачу и в не очень значительных пределах. Иначе люди этого не поддержат и даже просто будут этому противостоять.

³⁴⁰ Данилов-Данильян В.И., Рейф И.Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. С. 134.

Правда, существует избыточное потребление, которым заниматься вполне возможно и которое в принципе возможно регулировать. Тем более ясно, что излишнее потребление во многом провоцируется существующим экономическим механизмом (как принято говорить, экономикой «общества потребления»).

Начало «эры потребления» порой датируется сороковыми годами XX в., когда газета “Times” начала печатать рекламные объявления³⁴¹. Следствием этого стало, появление, например, избыточного потребления, при котором люди набирают товары сверх необходимого (например, закупают излишки продуктов питания, которые потом просто выбрасываются). С другой стороны, - появляются «фиктивные товары», предназначенные для удовлетворения искусственных потребностей, о которых покупатель узнает и задумывается только благодаря чтению рекламы. Скажем, это может быть велосипед для собак, обоюдоострые ножницы и т.п. Само время рождения общества потребления дискуссионно и его признаки китайцы, например, находят уже во времена династии Мин (с XIV в.), которой также был свойствен культ вещей³⁴².

Но на «разгон» потребления особенно настроен современный экономический механизм. Как заметил американский аналитик Виктор Лебов: «Наша огромной производительности экономика требует, чтобы мы сделали потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение, удовлетворение собственного «Я». Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все возрастающей быстротой»³⁴³. И «образ жизни современных людей, в основе которого лежит вещизм, оказывает значительное влияние на нашу планету. Мы ведем его за счет использования горючих ископаемых. И в XX ве-

³⁴¹ Мостовой П. Потребление – растрата // Знание – сила. 2006, № 6. С. 30.

³⁴² Трентманн Ф. Эволюция потребления: Как спрос формирует потребление с XV века до наших дней. М., 2019. С. 25.

³⁴³ Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вестник экологического образования в России. 2006. № 1. С. 10.

ке выбросы углерода в атмосферу из расчета на одного жителя планеты выросли в четыре раза. На сегодняшний день на транспорт и большие, комфортабельные дома с солидным количеством бытовой техники приходится до половины всех мировых выбросов CO²»³⁴⁴.

Однако, видеть главную причину возникновения экологических проблем и даже современного экологического кризиса лишь в деятельности нынешнего рыночного экономического механизма, думаю, было бы большим и ложным упрощением реальной ситуации. Он выступает лишь ускорителем и определенным усилителем потребления, но не его фундаментальной причиной.

В основе всего нашего существования лежит то простое обстоятельство, что люди обязаны потреблять, причем само потребление в свою очередь обязано, должно со временем расти и усложняться, становиться более разнообразным. И в истории это наблюдается, несмотря на все происходившие в мировой динамике остановки и откаты. Кстати, именно поэтому затягивающую стабильность принято называть нехорошим словом «застой». А запросы и возможности древних греков и римлян потому существенно отличаются от потребностей и возможностей людей каменного периода.

В основной массе люди нуждаются в том, чтобы жизнь обновлялась. Чтобы в жизни присутствовало движение и перспектива, что и должно подтверждаться и удостоверяться вполне определенным образом в ходе обычной жизни, попутно с естественным обычным потреблением, обеспечивающим субъекты всем необходимым.

Естественное потребление, не искаженное искусственными привнесениями, предстает спокойным, обыденным и совсем не впечатляющим! Но стоит помнить, что и ржавчина нетороплива, но ее сила известна и впечатляет! Это-то и опасно, что неспешное разворачивание естественного потребления, будучи не слишком заметным, не стоит на месте, но постоянно растет и ширится, за-

³⁴⁴ Трентманн Ф. Эволюция потребления. С. 11.

одно не всегда заметно подминая природу все более и более основательно. Современная лихорадочная жизнь и экономика, на мой взгляд, лишь убыстряют демонстрацию следствий исторического развития (в том числе развития потребления), но отвечают за возникшие экологические издержки лишь частично. Это означает, что нагрузка на область нашего обитания будет продолжать расти даже в том случае, если строжайше запретить рекламу, моду и прочие современные способы разжигания потребительского аппетита. И экологическая ситуация соответственно со временем может и должна будет лишь обостряться.

Это напрямую связано и с тем, что всякая среда обитания, будучи некоторой ограниченной областью Природы, ограничена и в своих ресурсах. В то же время постоянно и возрастающе идет их потребление, делающее запасы все убывающими. Уже сегодня отмечается, что «в конце XX века все химические элементы, известные в земной коре и искусственные трансурановые используются человечеством»³⁴⁵. А в целом «потребность человечества в полезных ископаемых стремительно возрастает и в настоящее время удовлетворяется с трудом. В будущем эта проблема станет еще острее»³⁴⁶.

Мы не эфемерные существа, потому материальные ресурсы не можем не потреблять, таким образом, удаляя их из природной среды. В основном объеме для достройки и развития техносомы. Техносома со временем становится все полнее (здания, инфраструктура, станки, транспорт...). А запасы ресурсов соответственно беднеют. В такой ситуации сегодняшняя надежда экологии – переработка отходов, сможет поддерживать запасы ресурсов лишь частичным образом. И их будет становиться все меньше и меньше, пока не начнутся жестокие ресурсные войны. Тем более что они ведутся уже и сегодня, хотя пока в завуалированном виде³⁴⁷.

³⁴⁵ Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Ресурсы цивилизации. М., 2005. С. 29.

³⁴⁶ Там же. С. 111.

³⁴⁷ Гурдин К. Страны бьются за дно // Аргументы недели. 14 июня 2018. С. 6. Фитуни Л. Ресурсные войны // Однако. 2011. 6 июня. С. 8–12.

С помощью современной техники и технологий ресурсы среды обитания могут использоваться менее или более полно. Но ни техника, ни технологии не способны сделать ресурсы экологической ниши беспредельными или растущими вместе с потреблением. Более того, сами используемые технические системы и технологии своим существованием и действием порождают для среды обитания специфическую дополнительную нагрузку. Например, когда-то случился период, сильно взволновавший лондонцев тем, что в городе появилось слишком много конных экипажей и отдельных всадников. Беспокойство было связано с вопросом: не завалит ли навоз весь город под самые крыши?! И тут случилось чудо в виде появления автомобиля.

Вот только позже стало понятно, что это лишь временное и условное избавление людей от забот об окружающей среде, т.к. автомобили своими выхлопами стали губить не только вид городов (прежде всего зданий), но сделали злободневным вопрос о сохранении атмосферы, а далее и климата.

Происходящий ныне переход к так называемым «зеленым технологиям», так же не свободен от отмеченного обстоятельства. Скажем, модные ныне ветряки существенно меняют местные потоки воздуха, а значит и погоду, даже климат. Попутно губят летящих рядом птиц, а своей вибрацией влияют на все живое в окрестном грунте. Наконец, все заканчивается тем, что отслужившие лопасти ветряков (сделанные из особых материалов, не подверженных коррозии) невозможно утилизировать. Поэтому их просто складывают для долгосрочного хранения. Мол, потомки потом наверно разберутся! Тоже и с деталями из композитных материалов, тоже и с частями АЭС... Это неприятный момент, омрачающий восприятие современной экологической деятельности, а потому пока обычно не афишируемый. Ведь надо продавать новую экологическую технику и технологии!

Словом, наши специалисты предупреждают не зря: «Из самых строгих расчетов мы сегодня уже знаем, что никакие безотходные технологии и иные природоохранительные действия при

всей их абсолютной и жизненной необходимости сами про себе не способны решить проблему спасительного взаимоотношения Человека и Природы. Нужно гораздо больше»³⁴⁸, т.к. «человеческая цивилизация за время своего существования фактически не создала ни одной технологии, которая так или иначе не деформировала бы окружающую среду»³⁴⁹.

Впрочем, может, это Запад, увлеченный зелеными технологиями, пошел по неверному пути? У нас например, некоторое время назад была своя любимая экологическая игрушка, - идея использования «природоподобных технологий». Идея состояла в следующем. Сами подумайте: мозг для своей деятельности не требует больших токов и большой энергии, а вот выполняющий подобные функции компьютер без этого обойтись никак не может! Потому при создании новой техники и технологий следует опираться именно на такого рода передовые принципы и решения природы!

Удивительно, энтузиастам такого рода размышлений как-то не приходило в голову, что мозг работает только вместе с телом! А тело в условиях современной цивилизации можно обеспечить всем необходимым лишь при использовании современной техники и современных технологий, которые совершенно лишают исходную идею природоподобных технологий ясности и очевидности.

И вообще, стоит иметь в виду, что живую природу никак нельзя идеализировать и романтизировать. Живая природа отличилась уже на раннем этапе своего появления, преобразовав первичную атмосферу Земли в кислородную. И с тех пор ее влияние на поверхностный слой планеты не прекращалось. А в случае локальных рассогласований между популяцией и возможностями ее экологической ниши живая природа поступает очень просто, - отбраковывая лишние особи. Для этого в живой природе даже предусмотрено действие специального автоматического

³⁴⁸ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 11.

³⁴⁹ Данилов-Данильян В.И., Рейф И.Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. С. 37.

механизма³⁵⁰. Стоит плотности популяции превысить некоторое критическое значение, как тут же включается регуляция численности: особи начинают болеть, перестают воспроизводиться, теряя интерес к спариванию.

Так что же делать, и есть ли другие реальные пути и возможности избавления от экологического дамклова меча? Полагаю, что речь должна идти о расширении среды нашего обитания, что означает необходимость разворачивания в будущем широкой экспансии человечества в космос.

О возможности такого разворачивания исторического развития и природоохранной деятельности говорят и следующие аргументы:

1. Человечество успешно вышло за пределы Земли и уже успешно осваивает Ближний Космос. Космические аппараты проникали даже в Дальний Космос. Скоро на природном спутнике Земли могут появиться первые лунные станции.

2. Уже ясно, что даже в пределах нашей Солнечной системы есть и свободное пространство, и самые разные ресурсы. Вот, скажем, в 2023 г. планируется отправка специального зонда к астероиду Психея, поскольку по получившейся рабочей оценке 95% его массы – это железо и никель с примесями других металлов³⁵¹. Специалисты NASA даже шутливо заявляют, что стоимость такой «кладовой» может достигать 10 квинтиллионов долларов. Т.е. показательный предмет для размышлений и обсуждений явно присутствует. Правда, есть проблема дороговизны доставки этих ресурсов на Землю. Но для начала можно ловить просто пролетающие мимо астероиды и доставлять их на орбиту Земли. А со временем создавать космограды, способные перемещаться в районы добычи ресурсов в Космосе.

3. Для живых систем смена и обживание новых зон обитания – это нормальный элемент существования и развития. Поэтому, например, морские организмы в свое время осуществили совсем нетривиальный для них выход на сушу, а люди в свою

³⁵⁰ Дажо Р. Основы экологии. М., 1975. С. 245.

³⁵¹ Фишман Р. Миссия – металл // Techinsider. 2023. Май-июнь. С. 38.

очередь исторически расселились в том числе и даже там, где очень холодно (на Севере), и там, где очень жарко (на Юге, в пустыне).

4. Недавние полеты в космос частных космических аппаратов бизнесменов Ричарда Брэнсона и Джеффа Безоса показали, что за пределы земли даже сейчас можно доставить просто обычных людей.

Важно понимать, что обживание космоса в будущем (особенно в варианте космоградов) должно быть основано на добровольном выборе граждан Земли. И чтобы желающие нашлись, «человек должен жить в космосе не в минимально приемлемых, а в благоприятных и достойных условиях, по множеству аспектов аналогичных земным, а по ряду важных аспектов – лучше среднего уровня земного качества жизни»³⁵².

Литература

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
2. Гурдин К. Страны бьются за дно // Аргументы недели. 14 июня 2018. С. 6.
3. Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Ресурсы цивилизации. М.: ЗАО «Всеобщие исследования»; Изд-во Эксмо, 2005. 544 с., ил.
4. Дажо Р. Основы экологии. М.: «Прогресс», 1975. 415 с.
5. Данилов-Данильян В.И., Рейф И.Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. М.: ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
6. Кричевский С.В. Границы космической экспансии человека // Энергия: экономика, техника, экология. 2023. № 6. С. 2–6.
7. Марфенин Н.Н. Устойчивое развитие человечества: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2006. 624 с.
8. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. Гвардия, 1990. 351 с., ил.
9. Мостовой П. Потребление – растрата // Знание – сила. 2006, № 6. С. 29–37.

³⁵² Кричевский С.В. Границы космической экспансии человека // Энергия: экономика, техника, экология. 2023. № 6. С. 5.

10.Новиков Ю.В. Экология, окружающая среда и человек: Учебное пособие для вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 320 с.

11.Степин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вестник экологического образования в России. 2006. № 1. С. 8–

12.Трентманн Ф. Эволюция потребления: Как спрос формирует потребление с XV века до наших дней. М.: Эксмо, 2019. 560 с.: ил.

13.Фитуни Л. Ресурсные войны // Однако. 2011. 6 июня. С. 8–

14.Фишман Р. Миссия – металл // Techinsider. 2023. Май-июнь. С. 37–42.

15.Хотунцев Ю.Л. Человек, технологии, окружающая среда. М: Устойчивый мир, 2001. 224 с.

Сведения об авторах

Антипенко Леонид Григорьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ФГБУ Институт философии РАН, e-mail: chistrod@yandex.ru

Артамонова Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, e-mail: art-katun@mail.ru

Бирич Инна Алексеевна – доктор философских наук, профессор ГАОУ высшего образования Московский государственный педагогический университет, e-mail: ebirich@yandex.ru

Буданов Владимир Григорьевич – кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН, e-mail: budsyn@yandex.ru

Вольнов Илья Николаевич – кандидат технических наук, директор Центра технологической поддержки образования Московского политехнического университета, г. Москва, e-mail: iljavolnov@yandex.ru

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, e-mail: home_gera@mail.ru

Дмитриева Наталия Владимировна – кандидат педагогических наук, методист и педагог дополнительного образования ГБПОУ «Воробьевы горы» (Москва, Россия), e-mail nataseti@mail.ru

Занин Сергей Викторович – доктор исторических наук, абилитированный доктор юридических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Самара, Россия), ведущий научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН (Москва, Россия), e-mail: s.v.zanin@samsmu.ru

Иванов Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования Алтайского государственного аграрного университета, г. Барнаул, e-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

Иванов Михаил Алексеевич – кандидат философских наук, доцент Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), e-mail: ivanovmikhailh@gmail.com

Клёцкин Михаил Васильевич – кандидат философских наук, Самарский государственный медицинский университет, (Самара, Россия), e-mail: samkoms@mail.ru

Крушанов Александр Андреевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, e-mail: krushanov@yandex.ru

Мурзин Николай Николаевич – кандидат философских наук, научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, e-mail: shywriter@yandex.ru

Фотиева Ирина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: fotieva@bk.ru

Шимельфениг Олег Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация), e-mail: shim.ov@mail.ru

Чирятов Михаил Николаевич – независимый исследователь, член-корр. МАНЭБ, советник РАЕН, Вице-президент Национального Рериховского Комитета, e-mail: chirm@yandex.ru

Abstracts

Taking Care of the Planet. On the Occasion of the 160th Anniversary of the Birth of Vladimir I. Vernadsky. I.A. Gerasimova, Ed. Moscow: Universitetskaya kniga, 2024.

“Taking Care of the Planet” was the title of a round table dedicated to the philosophical ideas of Vladimir Ivanovich Vernadsky. The round table took place as part of the Third Stepin Readings (June 20 & 21, 2023, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow) and was timed to coincide with Vernadsky’s anniversary. The focus of the discussion participants was the question of humanity as a “geological force” and a special role of the creative energy of scientific thought in global processes. This book was written as a result of this discussion. The subject of the book is distinguished by a new reading of Vernadsky's teaching about the transition of the biosphere into the noosphere against the backdrop of the realities of a systemic crisis and the search for ways of harmonious development. The thoughts of Vernadsky, a natural scientist, historian of science, philosopher, organizer of science, about the coevolution of science, society, culture, about world history, about science and war, about the scientist of the noospheric type and the cosmic future of humanity are of current importance. New interpretations of the concept of the noosphere are given in the context of philosophy of thought. The idea of synthesis formed the basis of the hypotheses and universal methodologies put forward by the authors.

The book is intended for specialists in history and philosophy of science, social philosophy of science, philosophy of scientific creativity, interdisciplinary problems of modern science, as well as for a wide range of readers interested in the realities of the present and the prospects of future science.

Preface

Irina A. Gerasimova, Is humanity Ready to Become a "Geological Force"?

Chapter 1. Planetary and Cosmic Ideas of Vladimir I. Vernadsky in the Spaces of Philosophy and Science

Inna A. Birich, V.I. Vernadsky's star in the galaxy of Russian cosmists

The very idea of the spiritual unity of mankind, an integrative approach to the humanitarian and scientific knowledge of the universe, the mastery of outer space in the XX century was born on Russian soil. The article will deal with the galaxy of Russian cosmists working in the XIX-XX centuries, and the most striking figure among them - V.I. Vernadsky.

Key words: philosophy of the common cause of N. Fedorov; cosmic philosophy of K. Tsiolkovsky; the earth's echo of solar storms A. Chizhevsky; the pillar and affirmation of the truth of P. Florensky; biosphere and V. Vernadsky's doctrine of the noosphere.

Sergey V. Zanin, V. I. Vernadsky about Historical Knowledge

The concept of "noosphere" by V. I. Vernadsky, especially in the works written in the 1930s, contains criticism of traditional theological and philosophical views on the history and history of science, but at the same time also an attempt to substantiate a new view of historical knowledge and the historical process, which must be considered "purely scientifically, leaving aside any ideas that do not follow from scientific facts." This new view allowed the thinker to rethink the main categories of historical knowledge, as well as philosophy of history. According to him, the main factor in the historical process is "the process of complete settlement of the biosphere by man due to the course of the history of scientific thought", its main characteristic is the entry of man into the "psychozoic or anthropogenic geological era", and the meaning of the world historical process lies in the development by mankind of the "idea unity of all mankind, people as brothers, which has gone beyond the boundaries of individuals and has become the engine of life and life of the masses or the task of

state formations. Thus, it was in the 20th century that, in his words, a truly unified "world history" arose, in which science became the main engine of progress. Moreover, unlike other areas (society, economics, politics), it is the history of science that should reveal the paradigm of progress.

Key words: Historical knowledge, meaning of history, progress, history of science

Irina A. Gerasimova, V.I. Vernadsky and V.S. Stepin on the Culture of Science.

The article discusses the problems of the culture of science that V.I. thought about. Vernadsky and V.S. Stepin. Despite the different historical and cultural characteristics of the time of creative life, the individual thinking styles of the two outstanding Russian thinkers, their concepts of science are in many ways consonant. The phenomenon of science in the works of scientists appears in large-scale historical time, reflecting the dynamics of scientific knowledge, saturated with struggle. The approaches of thinkers to methodological problems of science, social and cultural factors in the development of scientific knowledge have much in common. The author reconstructs the texts of Vernadsky and Stepin, creating the contours of the culture of science in retrospect and perspective. The concepts of noosphere, scientific worldview, scientific picture of the world, world diagram, worldview universals, ideals and norms of science, types of scientific rationality, introduced into scientific circulation, have firmly entered the arsenal of scientific methodology. In the humanistic project of the science of the future, the idea of V.I. is of interest. Vernadsky about scientific creativity as a culture of the spirit.

Key words: scientific worldview, scientific picture of the world, world diagram, noosphere, biosphere, worldview universals, ideals and norms of science, ethics of science, noospheric scientist.

Michail A. Ivanov, V.I. Vernadsky about war, science and progress.

The article analyzes Vernadsky's views on the relationship between war and the progress of science. The peculiarity of Vernadsky's methodological position, according to the author, lies in the combi-

nation of a strictly scientific approach and noospheric understanding of this topic. Vernadsky reveals the objective mechanism of interaction between war and science: the forces of nature discovered by science are used for military purposes; the needs of war accelerate the development of science and its military applications; this process makes wars more and more destructive and threatens the existence of humanity. War not only stimulates, but also destroys science (it limits scientific communications, distorts its international essence, etc.). This contradictory influence poses difficult dilemmas for the scientist. Patriotic and state involvement, as Vernadsky notes, encourages scientists to work for the war, which weakens their attitude to science as a universal human value; science-enhanced war leads to mass deaths and other negative consequences, which causes moral suffering for responsible scientists. Arguing that science cannot stop wars, Vernadsky, at the same time, points out the importance of the anti-militarist activity of scientists. Revealing the objective basis for the disappearance of wars from the life of the noosphere, Vernadsky postulates the need for an ethical component in the activities of scientists, the correlation of scientific activities with a more advanced structure of society. A study of Vernadsky's views on the relationship between war and science shows the originality, depth and comprehensiveness of the Russian scientist's approach. According to the author, the mechanisms of interaction between war and scientific progress identified by Vernadsky, considered at the object and subject levels in the context of the noospheric approach, can be tools for understanding, explaining and managing the corresponding phenomena of reality.

Key words: V.I. Vernadsky, science, progress of science, war, noosphere, scientific ethics, future of humanity.

Chapter 2. Philosophy of Thought about the Noosphere and the New Scientific Picture of the World

Andrey V. Ivanov, Philosophy of Thought: Key Theses and Hypotheses

Historical and philosophical prerequisites are investigated, ideas and hypotheses related to the possibility of constructing a philosophy of thought. It is shown that thought is fundamental substantial reality of consciousness, which bases and directs our emotions, feelings, memories and contemplations. It also carries out a rational semantic interpretation of both our external and internal mental experience. At the same time thought is not only subjective, but also objective substantial reality of the Cosmos, consisting of stable eidos in space and time, which form the realm of objective thought order. Thanks to this world order of thought, which lies at the foundation of both nature and human existence, our human thought is capable of objectively cognizing and successfully creating in the outside world. The ontological principle of the identity of being and thinking organically fits in with the fundamental epistemological principle that "similar is known by similar". Thought, being a substantial reality in the Cosmos, is not something purely ideal. She is always two-faced, being a combination of an ideal-existing meaning (order, form) and a carrier of material energy. The idea of the existence of a hierarchy of consciousness in the Cosmos is introduced, that depends on the quality of mastering the substantial power of thought.

Key words. Thought, consciousness, meaning, substantial reality, objective thought, order.

Irina V. Fotieva, The Problem of the Nature of Thought in the Legacy of V.I. Vernadsky

The article is devoted to a little-studied topic in the heritage of V.I. Vernadsky – the theme of the nature/substantiality of thought. It is shown that this topic for Vernadsky was not accidental and naturally followed from his worldview, gravitating towards the inclusiveness and synthesis of various spheres of human knowledge – science, religion and philosophy, despite periodic fluctuations in the question of the possibility of their productive interaction in building a single picture of the world. The desire for worldview synthesis forced Vernadsky to go beyond science and turn to philosophical reflections on the relationship between living and non-living, matter and energy, material and non-material. These reflections, especially taking into

account the fundamental role of scientific thought, which, according to Vernadsky, formed the noosphere, led him to the question of the essence/nature of thought itself. Throughout his life, Vernadsky periodically turned to this topic, expressing various assumptions, one way or another leading to the recognition of the existence of a certain material-energy substratum of thought. It is noted that although in his work this topic was rather a side issue, nevertheless, interest in it demonstrates Vernadsky's high scientific intuition, as today we can see a return to this problem and, in general, to the problem of consciousness.

Key words: V.I. Vernadsky, noosphere, scientific synthesis, thought.

Mikhail N. Chiryatiev, The Role of Indian Wisdom in the Creation of V.I. Vernadsky's New Scientific Picture of the World.

V.I. Vernadsky, in his doctrine of the biosphere and noosphere, returns the living Cosmos to the mainstream of scientific ideas, in which man, as part of the living matter of the planet, with greater hope and optimism, seeks answers to questions that have always tormented him about the origins of his existence and life in general, about his place and purpose in the existence of the Cosmos, about the scale and forms of manifestation of consciousness. He notes the contradiction that has developed over the past three centuries between the scientific concept of the Cosmos and the conscious experience of human life. He shares his spiritual experience in letters to his wife and entrusts them to his diary. The genius abilities and talents of a scientist are embodied in his scientific research and discoveries, and are manifested in a sublime way in the doctrine of the biosphere and noosphere. Vernadsky's acquaintance with the life and work of the great spiritual ascetic of India, Swami Vivekananda, with the ideas of Vedanta, Buddhism, and ideas of the systems of higher yoga, significantly influenced his worldview and helped create the foundations of a new holistic spiritualized scientific picture of the world. Indian wisdom inspired many accomplishments of cosmist thinkers who worked selflessly for a better future for humanity; their brightest representatives were Vernadsky and the Roerichs.

Key words: Vernadsky, Vivekananda, E.I. Roerich, Raja Yoga, Vedanta, Buddhism, karma, psychic energy, biogeochemical energy, space, culture, picture of the world.

Nicolay N. Murzin, Man as a Universal Image of Intelligent Life

Why does intelligent life find itself in the form of humans? Why are we not thinking octopuses? Since the time of the ancient pre-Socratic philosophers, the question has been whether reason exists in itself, in the form of a spirit, God, a special "information field," or whether it is inherent in the form of corporeality, presence, which gives itself the name "man. If even the origins of rationality are transcendent, it is hardly accidental that its agent in being - man - has a corresponding form that distinguishes him from animals. The biblical Book of Genesis states that man was created in the image and likeness of God. The Greeks, who developed perfect proportions and sculpted their gods in the form of beautiful perfect bodies, displayed similar intuitions. To understand life on a cosmic scale, we must accordingly answer the question, first, whether the "rationality" that crowns it is inevitable, and second, how the form-image of an intelligent being known to us is related to both.

Key words: man, universe, life, reason, body, image.

Tatyana A. Artamonova, The phenomena of Agrarian Cults: a Noospheric Approach

Agrarian religious cults are a fairly widespread global phenomenon characteristic of many peoples and cultures. The ideological basis of agrarian cults was syncretism and holism, through the prism of which a person perceived himself as an inseparable part of the surrounding world and was endowed with the ability to influence the ongoing natural processes. Of particular research interest are the rituals of meteorological or pluvial magic that have survived to this day, which are associated with causing rain during a dry period or during severe fires. The article attempts to theoretically substantiate their validity and effectiveness from the standpoint of the modern scientific and philosophical picture of the world. The necessity of interpreting ancient holism from the standpoint of the noospheric ap-

proach is substantiated. As you know, V.I. Vernadsky approached the idea of the unity of the world in its scientific aspect at the beginning of the twentieth century. His approach today is complemented by philosophical ideas about the substantiality of the ideal, first of all, human thought. This allows us to consider the spiritual foundations of the "man–nature" relationship as the interaction of different levels of being, as an experience of communication between objects of different mental forms of organization. The experience of a transcendent sensation of other space-time realities is proposed to be designated as an experience of the integrity of the world, spiritual integration into its multilevel connections – living threads of global unity.

Key words: agrarian cults, noospheric approach, pluvial magic, holism, metaphysics of global unity, substantiality of the ideal, forms of mental organization, experience of the integrity of the world, multilevel ideal-material reality.

Chapter 3. Hypotheses, Models, Prospects

Natalia V. Dmitrieva, Life on Earth is a Cosmic Miracle or a Legitimacy?

Vladimir Ivanovich Vernadsky said that around our planet Earth there is a noosphere created by the thought of mankind. The role of man in the existence of life on our planet is enormous; it cannot be overestimated. And in this sense, it is very interesting whether similar noospheres, spheres of thoughts of different humanity, exist on other planets - they are called exoplanets, that is, planets around other stars. Man has always sought to understand the world around him, asking the questions "Who are we? Where are we from? With the development of astronomy, the question "Are we alone in the Universe?" is facing us more and more acutely. In modern science, not long ago a new interdisciplinary direction was born - astrobiology, which studies the possibility of the existence and detection of life in the Universe - life at the level of simple microorganisms and bacteria, or even intelligent life, extraterrestrial civilizations.

Key words: Vernadsky, astrobiology, exoplanets, life in the Universe, Earth, cosmic factors of life.

Vladimir G. Budanov, Cosmoplanetary Connections and Principles of Harmony.

The possibility of cosmoplanetary connections for the rhythms of the revolution of planets in the solar system, the earth's ionosphere and the perception of selected musical frequencies is considered. The author shows the existence of such selected frequencies in musical culture and puts forward a hypothesis of their occurrence as evolutionary synchronisms of perception by living beings. The nature of Schumann resonances and their possible connections with the proposed anthropology are considered.

Key words. Cosmic-terrestrial connections, evolutionary synchronicities, synergetics, archetypal frequencies, local harmony, global harmony, Schumann resonance.

Mikhail V. Kletskin, Natural Philosophical Foundations of the Interpretation of Quantum Physics

Three principles of physical entities are considered: 1) being-in-itself; 2) thinking of the individual; 3) good (value attitude). The interrelation of the concepts "essence", "significance", "sign", "existent" is analyzed and a praxeological model of their association is proposed. The statement is substantiated that the existent is not given directly in reality, but as energy is present in every known natural entity, it substantiates its existence as a pure possibility (as matter) realized by consciousness. The influence of being-itself-in-itself on thinking is not in dispute, but it is also necessary to explain how thinking affects beings. Existing is not given directly in reality, but as energy is present in every cognized natural essence, it substantiates its existence as a pure possibility (as matter) realized by consciousness.

Key words: entity, being, possibility, reality, truth, probability, value attitude, quantum physics.

Oleg V. Shimelfenig, The Plot-Game Paradigm as a Continuation Domestic Scientific and Philosophical Innovations

As a variant of the general scientific picture of the world, the problems of constructing which our Round Table was devoted to, the

author proposes a plot-game paradigm as a system of worldview universals that connects modern scientific concepts of quantum mechanics, general systems theory, synergetics, the noosphere with ideas about the holistic picture of the Universe that arose even in ancient cultures (Indian, Chinese, ancient, etc.). Until the middle of the 20th century, such an "organismic" understanding of nature was considered an atavism, reproducing a semi-mythological picture of the world, incompatible with modern scientific ideas. But when V.I. Vernadsky introduced into the scientific context the concepts of the biosphere and noosphere, as integral formations containing subsystems interacting with each other - inorganic, biological and human society, then a new understanding of this integrity made it possible to see both traditional Eastern worldviews and the ideas of Russian cosmism in a different way. The proposed plot-game paradigm represents the unity of the philosophical, scientific, religious and existential-personal aspects of the picture of the world, and is framed in the form of a system of interconnected principles and postulates. This concept has shown its usefulness in innovation management and in the field of education.

Key words: picture of the world, integrity, the Unified, noosphere, reflection, plot, script, game, culture.

Ilya N. Volnov, Syntheses of V.I. Vernadsky's Sphere Approach

It is suggested that each new stage of society's development, built on the principle of denial of the previous period, inevitably leads to the loss of Truth by this society, and its progress turns into degradation. An example of such a denial of the sacred space-time of the Middle Ages during the transition to a New Time when I. Newton created the science of mechanics is given. The mechanicism of scientific ideas, together with the division of the whole into parts and the complex into the simple, still lies at the foundation of sciences and attempts at their development, the apotheosis of which is considered artificial intelligence technology. The current crisis of the scientific worldview is directly linked to these principles. The point of view is expressed about V.I. Vernadsky's activity as an attempt to return the scientific worldview to the path of progress.

The linear schematization of the types of scientific rationality of academician V.S. Stepin is considered and the lack of predictive potential in it is shown. Another type of schematization is proposed in the form of a triangular balance, in which it is possible to express such a predictive potential. Four (3+1) types of synthetic worldview are considered, which is generally called the sphere approach. Examples of each type of such synthesis are given. All of them are beyond the boundaries of modern science, either in the future or in the past, which indicates the future of the sphere approach and the fact that it will return to the scientific worldview the knowledge of the past lost today. The principles of "more than oneself" and "less than oneself" are introduced for the process of cognition. A new term synthetic spherical rationality has also been introduced. The latter is characterized by the symmetry of these principles, despite the fact that the existing scientific rationality is based only on the principle of "less than oneself" and prohibits the use of the principle of "more than oneself". Some features of the sphere approach are formulated in its comparison with the object, environment and system approaches. It is shown that the new sphere approach replaces the systemic one and at the same time it does not continue the old logic of science development, but offers a new one.

Key words: system, environment, sphere, sphere approach, artificial intelligence, space, time, V.I. Vernadsky, R. Penrose, I. Newton, alive, synthesis.

Leonid G. Antipenko, A Comparative Analysis of the Scientific and Mystical Visions of V. I. Vernadsky in the Coming Stage of Human Development in Relation to the Earth's Biosphere

Many articles and books are devoted to the scientific heritage of V.I. Vernadsky, both in domestic publications of scientific literature and in foreign ones. But there is one topic that is hardly touched upon in scientific commentary. We are talking about the "prophetic dreams" communicated to him, about mystical or close to mystical, visions and foresights of the future. This article asks the question to what extent they can be justified from a scientific point of view. On the one hand, Vernadsky gave preference, in the development of his

doctrine of living matter and the Earth's biosphere, to the method of empirical generalizations. On the other hand, he had to take into account the spiritual, ideal-semantic world entering our consciousness. But, probably, it was not always possible to separate it, with its ontological content, from the world of psychological phenomena, which are not free from the invasion of illusions and hallucinations. "Prophetic dreams" can prompt scientific discoveries, but they require rational and logical verification.

Key words: biosphere, living matter, empirical generalizations, ideal-semantic world, psychological phenomena, "prophetic dreams".

Alexandr A. Krushanov, Is The Earth big enough for our geological power?

Human being is able to exist if there is resources stream from the habitat. Habitat destruction is a result of it. That is why the theme of the global environmental crisis is popular today. From other side the words of Vernadsky that human beings represent real "geological power" are clear now as never before. Principle reason of it – consumption and its historical development is. Developing and satisfying of our appetite are realized in a habitat with limited volume. It means that habitat opportunities will not be enough for developed consumption in future when some time will pass. And this is a real potential but serious problem.

Humankind expansion in space as it seems is a general decision of the environmental problem for our descendants in future.

Key words: Vernadsky, global environmental crisis, environmental science, cosmonautics, nature conservation, space expansion.

Научное издание

**С ЗАБОТОЙ О ПЛАНЕТЕ.
К 160-летию со дня рождения
В.И. Вернадского**

коллективная монография

Под редакцией И.А. Герасимовой

ISBN 978-5-907884-06-9

9 785907 884069 >

Компьютерная верстка и макет *Горохов А.А.*

Подписано в печать 10.04.2024 г.

Формат 60x84 1/16, Бумага офисная

Уч.-изд. л. 15,5. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 2257

Отпечатано в типографии

Закрытое акционерное общество "Университетская книга"

305018, г. Курск, ул. Монтажников, д.12

ИНН 4632047762 ОГРН 1044637037829 дата регистрации 23.11.2004 г.

Телефон +7-910-730-82-83